

ДЕНЬ ПОЭЗИИ 1981



ДЕНЬ  
ПОЭ-  
ЗИИ  
1981



ЛЕНИНГРАД

**ДЕНЬ  
ПОЭ-  
ЗИИ  
1981**

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

ЛЕНИНГРАДСКОЕ

ОТДЕЛЕНИЕ



Сборник «День поэзии 1981» составили новые стихи ленинградских поэтов разных поколений. В последнем разделе сборника помещены воспоминания и публикации.

*Главный редактор*  
СЕМЕН БОТВИННИК

*Редакционная коллегия:*  
ВЯЧЕСЛАВ КУЗНЕЦОВ (*составитель*)  
ИЛЬЯ ФОНЯКОВ (*составитель*)  
РИЗА ХАЛИД  
ВАДИМ ШЕФНЕР

Художник Николай Васильев

*Партия! Знамена, пламенея,  
Там стоят, где подняла их ты.  
Партия! Не знаю слов сильнее,  
Чем твои из яви и мечты!*

*Вот земля. Лишь ты не дашь стареть ей,  
Дашь цвести ей без военных гроз.  
Партия! Ты смотришь в глубь столетий!  
Это я, лидуя, произнес!*

*Встанет мир, какого не бывало,  
В гордой, несказанной красоте.  
Устремлен наш взгляд за перевалы,  
За высоты,  
                        к новой высоте.*

*Мы за все в ответе на планете,  
Бури взлет по всем материкам,  
И твои слова, как звезды, светят  
Всюду поколениям и векам!*

*Александр Прокофьев*





**Я  
СЧАСТЛИВ,  
ЧТО  
В ГОРОДЕ  
ЭТОМ  
ЖИВУ**



## АНАТОЛИЙ ЧЕПУРОВ

---

### МЫ ДЕРЖИМ С ЛЕНИНЫМ СОВЕТ

Мы произносим имя «Ленин» —  
И словно дружим с высотой,  
Весь шар земной, весь мир оваян  
Его прекрасною мечтой.

Из поколения в поколение,  
Как через горные хребты,  
Мы вдаль несем его горенье,  
Его бессмертные черты.

И зренье ленинское с нами,  
И мудрость Ленина при нас,  
Как осеняющее знамя  
И в трудовой и в ратный час.

Путь к человеческому счастью  
Стал нерушимым оттого,  
Что мысли ленинской участие  
Неотторжимо от него.

Ее могучий свет нетленен,  
И потому в движенье лет  
Мы произносим имя «Ленин»  
И держим с Лениным совет.

\* \* \*

Еще биография пишется,  
Но городом имени Ленина  
Вся жизнь моя  
от мальчишества  
До нынешних дней оваяна.

Прямо с порога школьного  
Дохнула в лицо открытое  
Ветром «Авроры», Смольного  
Земля, новизной омытая.

И революционная,  
И самая боевая,  
Ни разу не покоренная,  
Святыня родного края!

Со встречами, расставаньями,  
И мирная, и солдатская,  
Близка и за расстоянья  
Земля моя ленинградская.

В ней все — и корней сплетение,  
И сон матерей, и вечное  
Жизни на ней цветение,  
Движение бесконечное.

В грозах она взлелеяна,  
И горд я, что от мальчишества  
В городе имени Ленина  
Моя биография пишется.

# ВЛАДИСЛАВ ШОШИН

---

## ИЗ «ЛЕНИНГРАДСКОЙ СИМФОНИИ»

\* \* \*

Все мы — дети твои, Ленинград!  
За Байкалом в чащобе таежной  
Строит завтра отряд молодежный,  
Это — дети твои, Ленинград!

Напряженные дюзы гудят,  
И, душой крепче прочных металлов,  
В космос мчится Владимир Шаталов,  
Это — тоже твой сын, Ленинград!

Мы в любви к Ленинграду клянемся,  
Как не клялся никто никому,  
К Ленинграду с орбиты вернемся,  
Из Антарктики — тоже к нему.

И, конечно, нам встретиться надо,  
Ну, давайте хоть в этом году!  
У просторного Летнего сада  
Постою, поброжу, подожду...

\* \* \*

Я вижу в лайнерах крылатых,  
В сетях электропроводов  
Тебя, романтика тридцатых,  
Неумирающих годов.

Мы говорили: Киров с нами —  
В ту ночь блокадной мглы сырой,  
Мы повторяем: Киров — знамя  
Цехов, сейчас встающих в строй.

Мечту забвению не выдав,  
Зато балтийский выдав класс,  
Который год Семен Давыдов  
Глубокой вспашке учит нас.

И, осеняясь новой славой,  
Мы видим, как за дней грядой  
К станку за Нарвскою заставой  
Шагает парень молодой. . .

\* \* \*

Этот профиль твой четкий —  
Как заря поутру,  
Этой легкой походке  
Трепетать на ветру.

Этой доле огромной  
Громким голосом петь,  
Этой сказке бездомной  
Быть прописанной впредь.

Мы идем Ленинградом,  
Ленинградом горды,  
И идут с нами рядом  
Молодые сады.

Все, что врозь было трудно,  
Все нетрудно вдвоем.  
Не аллеей безлюдной—  
Мы вселенной идем!

\* \* \*

Я выхожу, распахнут и доверчив,  
Передо мною тысяча дорог,  
И угасают маленькие смерчи,  
И, обессилев, падают у ног.

Вдали встают разгневанные тучи,  
От материнской боли солоны,  
Но подымает голос гимн могучий  
На белом гребне радиоволны.



Страна моя! Высок сыновний жребий  
Твой видеть свет в любой кромешной мгле.  
Страна моя! Ты знала тучи в небе  
И красные пожары — на земле.

Но каждый день с тобою внове встречи,  
И каждый день тобой люблюсь я.  
Я в путь иду спокоен и доверчив,  
Любая из дорог моих — твоя!

## ЛЮДМИЛА БАРБАС

---

\* \* \*

Отличная нынче зима —  
сверкают морозною пылью  
ограды, мосты и дома,  
деревья, колонны и шпили.

Как льдины, чисты облака,  
изменчивы их очертанья,  
и снег оттеняет слегка  
классически строгие зданья.

Мороз Ленинграду идет:  
он, выполнив норму двойную,  
прекрасным чертам придает  
какую-то прелесть иную.

Взлетают коньки на Ланской,  
блистают снежки над Невоею...  
Стремительный ритм городской  
отчетливо слышен зимою.

Он — в шорохе шин и шагов,  
в тревоге недавних зачетов,  
и в дальних огнях поездов,  
и в близких огнях самолетов.

Куда-то сегодня их курс,  
какие им поданы сводки? ..  
У города правильный пульс,  
отлаженный, полный и четкий.

Чуть громче — в цехах заводских,  
чуть тише — в стенах лекционных,  
и жарко пульсирует стих,  
рожденный в мученьях бессонных.

Рождается новый металл,  
рождаются книги и ткани,

рождается новый квартал  
в Урицке, в Сосновой Поляне.

Растут этажи... А пока  
я слышу в немой перекличке  
монтажников с «Большевика»,  
закройщиц и швей с «Большевички».

Названия эти звучат  
заслуженно, строго и чисто...  
Мне слышится поступь бригад  
«Балтийского» и «Металлиста».

И город их поступи рад,  
они — его сердце живое...  
Я помню другой Ленинград  
на грани такого покоя,  
на грани такой немоты,  
таких непомерных страданий...  
Лежали снега, как бинты,  
на свежих развалинах зданий,  
и отблеск зениток на льду,  
и окон фанерные кладки...

С сынами в едином ряду  
седые стоят ленинградки.  
Давно им на отдых пора,  
да разве прожить без завода!  
А с ними в ряду — мастера,  
рожденья военного года.

А рядом — со школьной скамьи,  
еще горячи от ученья...  
Ах, молодость, планы твои  
на три б разделить поколенья!

А впрочем, уж если всерьез,  
мы сами не знаем предела:  
досрочно гигант лесовоз  
отправили в путь корабелы,  
досрочно — турбины для ГЭС,  
досрочно — моторы и блоки,  
и снова мечта, как экспресс,  
планирует новые сроки.

Такая уж, видно, зима,  
такая уж, значит, погода!  
Сверкают морозом дома,  
но ждет пробужденья природа.  
И город светлеет морской,  
весенним лучом напоенный. . .

Я слушаю пульс городской,  
живой, трудовой, обновленный.

## ПАРТИИ

Было:  
    маевки, «искровцы»,  
Годы восстаний и ссылок...  
А ныне:  
    державы выстроились!  
Кто  
    их осилить  
        в силах?!

Шагает Старая Гвардия,  
И,  
    верная ей навеки,  
Вливается Молодость  
        в Партию,  
Как в море вливаются реки.

## ВЕРНОСТЬ

Давно я не мальчишка.  
    Седина —  
как снег высокогорья,  
    он не тает.  
Авралы были,  
    и была война.  
От Колымы до Колы  
    жизнь мотает.

Переболело многое в душе.  
С богов, с божков слетала позолота.  
И мне неувидительны уже  
людей грехопадения и взлеты.

Но алый флаг — он как любимый стих!  
Он все такой же — в огнецветных вспышках.  
Я как ученый суть его постиг.  
А верю чистой верой,  
как мальчишка.



**ХОР СТАРЫХ БОЛЬШЕВИКОВ**

**«ВИХРИ ВРАЖДЕБНЫЕ  
ВЕЮТ НАД НАМИ...»**

Не ради оваций,  
не ради рецензий  
стоят,  
как в строю,  
на маленькой сцене  
подвижники века,  
ровесники Пресни.  
Их песни — как судьбы  
и судьбы — как песни!

**«СМЕЛО, ТОВАРИЩИ, В НОГУ!  
ДУХОМ ОКРЕПНЕМ В БОРЬБЕ...»**

А днем,  
накануне,  
красной субботой,  
явились на спевку,  
как на работу.  
В назначенный час  
и в назначенном месте —  
хор ветеранов  
и юный хормейстер.  
Сначала — проверка:  
уж стало привычкой  
каждую спевку  
начать переключкой.  
Как в эскадронах  
и ротах стояли,  
встали шеренгою  
возле рояля.  
Кто-то с внучатами,  
кто-то в больнице,

кто-то...

И вдруг  
посуровели лица.  
Не нужно словами.  
Правда есть правда.  
Завтра в газете —  
черная рамка.  
Сомкнули шеренгу,  
сомкнулись плечами  
и начали спевку  
минутой молчанья.  
Минута как вечность  
и вечность — как память.  
Пускай ты ушел,  
но ты с нами,  
ты с нами.

*«В БОРЬБЕ ЗА РАБОЧЕЕ ДЕЛО  
ТЫ ГОЛОВУ ЧЕСТНО СЛОЖИЛ...»*

Не ради оваций,  
не ради рецензий  
стоят,

как в строю,  
на маленькой сцене  
подвижники века,  
ровесники Пресни.

Их песни — как судьбы  
и судьбы — как песни!

*«НАШ ПАРОВОЗ, ВПЕРЕД ЛЕТИ!  
В КОММУНЕ ОСТАНОВКА...»*

## КРАСОТА

Индустриальные пейзажи,  
где краны, КРАЗы, грейдера.  
Взгляни! Они в деталях даже  
совсем иные, чем вчера.

Мужчин портреты поясные  
или чуть меньшие — по грудь,  
кабины — рамы их простые,  
дана секунда, чтоб взглянуть.

Водителей прекрасны лица,  
в работе каждая черта.  
Смотреть вперед и с веком слиться —  
в веках продлится красота. . .

Я называю вдохновеньем,  
не знаю краше ничего —  
не останавливать мгновенье,  
а поторапливать его.

# МИХАИЛ ДУДИН

---

## ИЗ НОВОЙ КНИГИ

Пойду на луг прочистить наш родник,  
Я там не задержусь. — Пойдем со мной.

*Роберт Фрост*

### ОКНО

Сквозь годы-расстояния  
Мне видится одно  
На улице Восстания  
Высокое окно.

Там в юности изменчивой  
Меня свела сама  
С моею первой женщиной  
Блокадная зима.

Мне снятся гордой зрелости  
И зрелой красоты,  
Страдания и смелости  
Прекрасные черты.

А рядом с ней незрячая  
И радость, и напасть —  
Мальчишески горячая  
Отчаянная страсть.

Она меня заставила  
Любить весь мир земной,  
Но рядом не оставила  
И не пошла за мной.

Сквозь годы-расстояния  
Мне видится одно  
На улице Восстания  
Потухшее окно.

Над ним по небу голому  
Рассвет сгоняет тьму.  
... Я опускаю голову  
И кланяюсь ему.

\* \* \*

Среди берез в зеленом храме,  
В любезном памяти краю,  
Я просыпаюсь с петухами  
И вместе с иволгой встаю.

И вновь душа поет и верит,  
Как в измерении ином,  
И время медленное мерит  
Кукушки древний метроном.

И этот голос длится, длится,  
И веселит мои глаза,  
И мне в тетрадь мою садится  
На место рифмы стрекоза.

### ВСПОМИНАЯ ОКЕАН

В наплыве рваного тумана  
С уступа каменной гряды  
Я видел действие тарана  
Океанической воды.

Я любовался этой схваткой  
Меж диким камнем и водой.  
И ликовало сердце сладко  
Восторгом страсти молодой.

Как будто в нем гремели шквалы,  
Соленый ветер рвал туман,  
Валы и волны шли на скалы,  
А скалы шли на океан.

А путь мой в жизни не был праздный.  
И стал мне дорог с неких пор  
В рассветный час многообразный  
Воды и гальки разговор.

Тот час, когда все в мире ладит,  
И жизнь спокойствия полна,  
И скалы каменные гладит  
Наплывом ласковым волна.

\* \* \*

Июль. Исходят липы цветом.  
У лета дел невпроворот.  
С утра, разбуженный рассветом,  
Пчелиный трудится народ.

Спешит. И в том его заслуга,  
Судьбы великая страда.  
И медом пахнет вся округа,  
Деревья, воздух и вода.

Земли и Неба мир раздольный,  
Его насущные дела.  
А липы, словно колокольни,  
Гудят во все колокола.

### **СЕРГЕЙ ОРЛОВ**

Из чрева подбитого танка  
Он выполз последним. В огне  
Рассыпалась башня, как банка,  
И снег зашипел на броне.

Потом в госпитальной постели  
Он вспомнил о том рубеже.  
Закрылись ожоги на теле.  
Остались рубцы на душе.

Да праведной памяти ради  
Остался на радость калик  
В пропахшей газойлем тетради  
Прекрасной поэзии лик.

Осталась великая сила,  
Подспудно пылавшая в нем,  
Которая душу томила  
И жгла, очищая, огнем.



Солдатская выпита фляжка.  
Никто никого не корит.  
Подобная солнцу ромашка  
В его изголовье горит.

### ПОЛДЕНЬ

Недвижна чистая река.  
В реке недвижны облака.

Зеленый лес, и пестрый луг,  
И мир внутри, и мир вокруг,

Сосредоточенности миг  
Блаженства высшего достиг.

Молчит Земля. Молчит Zenит.  
И только тонко рожь звенит.

### НАДПИСЬ НА РУКОПИСИ БЕЗ ПОДПИСИ

Поэт, душой высокой ради  
Великой жизни порадей, —  
Не помышляя о награде,  
Будь сам наградой для людей.

### ОДА СВЕЧЕ

*В. Орлову*

Рассвет его величество  
Пока еще в пути.  
Погасло электричество —  
Давай, свеча, свети!

Ночь. Ни звезды, ни месяца.  
Ни вспышки, ни луча.  
Но светит, светит, светится  
Старинная свеча.

Ползет тревога ложная —  
Смети ее, смети!  
Гори, моя надежная,  
Не потухай, свети!

Свети всю ночь, неяркая  
Дневного солнца дочь.  
Пусть ночь, как ворон каркая,  
Летит от окон прочь.

Гори на подоконнице  
До утренней зари.  
Свети моей бессоннице,  
С моей душой гори.

\* \* \*

Мы все зависим друг от друга  
На этом жизненном кругу.  
Что ты не сможешь — я смогу,  
И в этом общая заслуга.

И ты придешь, когда мне туго,  
И не позволишь гнуть в дугу.  
Мы — две травинки на лугу.  
Но нет без нас единства луга.

Живет победой и бедою  
Зеленый луг и Млечный Путь.  
Не делима бороздою

Между травинкой и звездой  
Одной-единой жизни суть.  
Мы были. Есть. И будем.  
Буды!

\* \* \*

И я прощу, и ты прости.

*К. Случевский*

Непобедимой жизни праздник  
Живое в радости не разнит,  
А радость к радости зовет.  
Все начинают в жизни двое,  
Любовью движется живое  
И для грядущего живет.

И в этой вечной эстафете  
Жизнь остается светом в свете,  
Как след от праздника двоих.  
Он еще светит нам с тобою,  
В моих глазах твоей судьбою,  
Моей судьбой в глазах твоих.

\* \* \*

Стояла сушь. Хлеба от жажды  
Сгорали в поле. Старый лес  
Сухой листвой и корнем каждым  
Ждал чуда — дождика с небес.

Но из-за лысого кургана  
Пришел не дождь, а ураган,  
И авангарды урагана  
Сквозь пыль метнулись, как таран.

И, как драконы из поверья,  
Взлетели вихри на дыбы.  
Пригнулись хвойные деревья,  
И тяжело ахнули дубы.

И мрак возник, и в этом мраке  
Сверкнули молнии с небес.  
В последней огненной атаке  
Остолбенел и рухнул лес.

Потом повеяло покоем.  
Исчезли молнии в дыму.  
И хлынул дождь над мертвым полем,  
Уже не нужный никому.

## ОЧЕНЬ ПРОСТЫЕ СТИХИ

Как яблоко на блюде,  
У нас Земля одна.  
Не торопитесь, люди,  
Все выскрести до дна.

Не мудрено добраться  
До скрытых тайников,  
Разграбить все богатства  
У будущих веков.

Жир жаден и бездарен,  
И беспощаден жир.  
И жиром разбазарен  
И предан будет мир.

Мы общей жизни зерна,  
Одной судьбы родня.  
Нам пировать позорно  
В счет будущего дня.

Поймите это, люди,  
Как собственный приказ,  
Не то — Земли не будет,  
И каждого из нас.

## МОЛОДОМУ МАСТЕРУ

Талант, отпущенный по смете,  
Наполнить действием пора.  
Все совершенное на свете  
Изготавливают мастера.

Чтобы тебя не огорчала  
Судьба несовершенных дел,  
Не вышло — начинай сначала,  
Умри, но сделай, как хотел.

Проверь познания и чувства.  
Отъедини от бреда явь.  
И труд на уровень искусства  
Рукою мастера поставь.

Смотри: выходит?! Не напрасно  
За мыслью следует рука.  
И все прекрасное прекрасно  
Людскому братству на века.

Оно надеждой светит веку,  
Над дикой страстью держит власть,  
Не позволяя человеку  
До грани варварства упасть.

Гляди вперед добрей и шире,  
Переступи тоску и страх.  
Все совершенство — в этом мире,  
И мир стоит на мастерах.

\* \* \*

Потому что нет меня.

*В. В. Горопыгин*

Мой друг умирает в постели  
И как бы из жизни иной  
Глядит через прошлые цели  
Еще непрощенной виной.

Высоко тоски и печали  
Плывут перед ним облака.  
Но он от земли не отчалил  
И к ним не причалил пока.

И здесь, на пороге разлуки,  
Еще непонятной дотоль,  
Берет его в жесткие руки  
Последняя женщина — боль.

Склоняется к белой кровати  
И жизнь замыкает в кольцо.  
И ставит страданья печати  
Уже на чужое лицо.

Любовь, клевета и заслуга  
В одном догорают огне.  
И жизни на целого друга  
Становится меньше во мне.

## ПЕРЕД УТРОМ

Наполненная жизнью тишина.  
По листьям дождик — россыпью пшена.

На озере луна, как полынья,  
И на луне ленивый всплеск линия.

В прилипшей хвое круглые бока  
Идущего к тропе боровика.

Из-под листа, как зрелости намек,  
Румяной земляники огонек.

Хруст тонкой оболочки у яйца,  
И появлеенье самого птенца.

И троекратный возглас петуха,  
Как окончанье ночи и стиха.



## ОКРАИНА

Скоро лава асфальта вползет на пустырь,  
Скроет все, что топорщилось здесь  
и пушилось, —  
Кустик сорной травы, семенящую живность,  
Карусель для ветров, неприглядную ширь.

Мне досталось увидеть, запомнить навек,  
Распрощаться с сырым неуютом окраин,  
Огонек на высоком решетчатом кране  
Различать по ночам из-под сомкнутых век.

Мне досталось достойной спокойной строкой  
Рассказать, как в воде изумленной залива  
Отражается берег, посредством намыва  
Образованный между рекой и рекой.

Быть свидетелем каждого трудного дня  
Трудового  
на стройках для счастья людского.  
Малый остров мой выгнут,  
как будто подкова  
На огромном копыте Петрова коня.

## РИЗА ХАЛИД

---

### НА НЕВСКОМ БЕРЕГУ

Как часовые, обелиски —  
На том и этом берегу.  
Здесь под огнем артиллерийским  
Лежать пришлось мне на снегу.

Я воевал, я был солдатом.  
И отступал, и наступал,  
Ходил в атаку с автоматом  
И в рост под пулями вставал.

В те дни кольцо блокады было  
Страшнее дантовых кругов,  
Но откатилась вражья сила  
От гордых невских берегов.

Все изменяется на свете,  
Но неизбывна боль утрат.  
Мне берега родные эти  
Роднее стали во сто крат.

Край богатырский, край российский,  
Цветы, как звезды, на лугу.  
И, как солдаты, обелиски —  
На том и этом берегу.

*Перевел с крымско-татарского С. Каширин*

## НОННА СЛЕПАКОВА

---

### МОНОЛОГ СТАТУИ САМСОНА В 1947 году

Меня везла открытая машина,  
Чтоб знал послевоенный Ленинград,  
Что я на место встану нерушимо —  
Как до войны. Как двести лет назад.

Я двигался замедленно и плавно,  
С упорной мощью шею наклоня.  
А между тем — погиб совсем недавно.  
Совсем недавно — не было меня. . .

Но вот он я! Стою вполоборота,  
Пригнув к земле ощеренного льва,  
И мускулов блистающих работа  
На мне опять подробна и жива.

Я воскрешен для битвы неустанной, —  
Да слышат вновь родные берега  
Сей ярый вопль — свирепый вихрь фонтанный,  
Исторгнутый из глотки у врага!

Знак двух времен — я через город еду.  
Соединить настала мне пора  
Громадную недавнюю победу  
С далекою викторией Петра.

# АНАТОЛИЙ КРАСНОВ

---

## ЛЕНИНГРАДУ

Здесь не может душа быть скупой и немой,  
Я опять прихожу к моему кораблю...  
С красным ветром знамен над ноябрьской Невою  
Этот город у моря я очень люблю.  
Да, «Аврора» моя,  
Как навеки мой —  
Смольный,  
Как огонь Пискаревки  
Средь каменных плит,  
Как омытый холодной волною зеленой,  
Весь в рубцах  
После многих ранений  
Гранит...  
Неожиданно снег появился и тает,  
Я перчатку снимаю,  
Снежинку ловлю...  
Вечер в черной шинели в наряд заступает,  
Я опять прихожу к моему кораблю.  
Острым светом прожектора  
Воздух распорот,  
Это свет Революции,  
Свет заревой...  
Я не в силах сказать, как люблю этот город  
С красным ветром знамен над ноябрьской Невою.

\* \* \*

Над свежеею листвою,  
Над синью снеговой  
Твое лицо живое  
И воздух световой.

И все необходимо,  
Чтоб видеть и дышать, —  
Ты и лицо любимой,  
Чтоб радость ощущать,  
И лёт огней, взметенных  
В ночную высоту,  
И красные знамена  
На Кировском мосту.  
Еще ты и росинка  
На ландыше весной...  
Твое лицо, Россия,  
Всегда передо мной.

**ПОД  
НЕБОМ  
РОДИНЫ**



### И НЕТУ ЛЮБВИ ПРЕХОДЯЩЕЙ...

Как в годы старинной разлуки,  
надеясь, тревожась, маня,  
черемухи белые руки  
опять обнимают меня.

Качают над пропастью синей  
моей мимолетной весны.  
Гудит над полями России  
багровое пламя войны.

Над сердцем грохочет эпоха,  
целует сильнее, чем мать,  
и ты до последнего вздоха  
готов ей всю юность отдать.

Россия глядит, как мадонна,  
и зреют в сознание черты,  
и ты до последнего стона  
ее обнимаешь цветы.

Как знойное солнце над чащей,  
дымится над травами кровь.  
И нету любви преходящей —  
есть только с заглавной:  
Любовь.

А с губ беспредельно и тихо  
срывается шепот, как крик:  
— О, коль ты, Россия, велика —  
я тоже  
тобою  
велик!

## ЧЕРЕЗ ГОДА, ЧЕРЕЗ МЕТЕЛИ...

Мой друг,  
единственный на свете,  
о том нам вместе горевать,  
что так спешит осенний ветер  
листву последнюю сорвать,

что нам не так-то много сини  
с тобой осталось впереди...  
Мы честно отдали России  
свои весенние дожди.

И поцелуя первый шепот  
впотымах едва коснулся нас  
и долго-долго  
над окопом  
звездой таинственной  
не гас.

Через года,  
через метели,  
сквозь обожженную броню  
лучи печальные летели  
и повторяли:  
«Сохраню!»

Но разве были мы хранимы  
когда-нибудь и кем-нибудь,  
когда две пули только мимо,  
а остальные —  
прямо в грудь!

Ушли с тобою в дождь и слякоть,  
и дом родной пропал из глаз...  
И так тогда хотелось плакать,  
а слезы вытекли  
сейчас.



## ЛЕОНИД АГЕЕВ

---

\* \* \*

Автомобиль засел в грязи,  
и мы его толкали дружно.  
Он буксовал,  
урчал,  
скользил,  
пока не замер в ржавой луже.  
Хотелось нам —  
подальше в лес,  
к глухому озеру пробиться,  
грибов набрать,  
ухи поестъ  
и утомительные лица,  
что в понедельник  
на тебя  
нахлынут вновь волной прибоя,  
забыть —  
побаловать себя,  
из чаш чеканных сентября  
хлебнув прохладного настоя...  
Таланту редкому сродни  
и почитается за счастье  
твое уменье  
в наши дни  
хоть ненадолго отключаться.  
Остановиться на краю.  
Оберегать от замыканья  
систему нервную свою.  
Не допускать  
паденья камня  
на сердце,  
в малое — вместить  
век наших жизней,  
век двадцатый,

его гудящие мосты,  
космические баррикады.  
Особый нам достался век,  
не предсказать его итога...  
Не падал ниже человек,  
не поднимался так высоко!  
От этих грозных амплитуд,  
от небывалых перегрузок —  
непостоянен наш уют  
и долговечны наши грусти.  
В нас тороплив весны рассвет,  
полно хлопот благое лето...  
И запоздало

                                жаль нам лет,  
из ряда канувших бесследно.  
На берегах осенних рек  
трезвей глядишь  
                                и дальше видишь...  
Бег марафонский.  
                                Бег сквозь век.  
И свой,  
                                у каждого — свой финиш...

\* \* \*

Когда жена в подушку плачет  
слезами тихими,  
                                боюсь  
тебя,  
                                хмельного от удачи,  
напировавшегося всласть,  
вдруг разбудить...  
Когда не хочет,  
преодолев себя,  
                                сказать,  
о чем она — в пустыне ночи,  
опустошенная, —  
                                опять...  
Ты возвращаешься в реальность  
и обострившимся чутьем  
определяешь: твердь разъялась,  
неотвратим ее разлом.

Разлом...

Слезы тяжелой магма  
дотла все выжжет на пути —  
не зря

годами поднимало  
ее на волю из груди...  
Лежишь, глаза закрыв,  
как будто  
успел и правда

в сны отплыть.  
Часами тянутся минуты,  
ни встать, ни выйти покурить...  
Давно ль она,

лицом светлея,  
к тебе душой тянулась всей  
с печалью каждою своею,  
с мечтою каждою своей?  
Ты сам доверчивых побегов  
оберегать не захотел.  
Была любовь.

Была победа.  
А дальше — быт.

Уклад.  
Удел.

Успокоенье. Примиренье.  
И теснота взаимных прав.  
На постоянно, не на время,  
без передышек для забав...  
Не за горами, за лесами —  
на расстояньи, никак  
рыдает тихими слезами  
родная женщина — о чем?..  
Ночь посветлела на исходе.  
Хрипит будильника звонок.  
Такая верная

уходит,  
земля  
уходит из-под ног...

## ПЕТР АГЕЙЧЕНКО

---

### ВОДОПОЙ

Еще в воде стоят деревья,  
Безмолвны  
Раннею весной.  
А от коры сырой и древней  
Уже повеяло в деревне  
Листвой  
И ягодой лесной.

Еще не сплетена корзинка  
Из гибких прутьев лозняка,  
Что по-кошачьи вздыбил спинку  
Над щучьей заводью.  
Пока  
Призыв пастуший  
За деревню  
Не вывел стадо за собой,  
Лишь в воду смотрятся  
Деревья,  
Как бы пришли  
На водопой.

### ДВОРНЯЖКА

Из рук чужого  
Примет хлеб и кости,  
Не заподозрит,  
Пропуская в дом.  
Язык развесит,  
Словно блин, для гостя,  
Приветливо махая вам хвостом.

Смышленной назовешь ее едва ли —  
Дворняжка потому,  
Ни дать, ни взять.  
К ошейнику медали ей не дали,  
Ее не научили презирать.

А сам хозяин,  
Возвращаясь поздно,  
Не раз грозился:  
Глупую продаст.  
Не дождалась,  
Застыла мордой к звездам.  
И лапу никому уже не даст.

Простившись с ней,  
Мы одиноко плачем.  
В пустой квартире  
Видим злые сны...  
И вьюга взвизгивает  
По-собачьи,  
Снег набивая в будку  
До весны.

# ВСЕВОЛОД АЗАРОВ

---

## ВОСПОМИНАНИЯ О ГОРОДЕ ПУШКИНЕ

### 1. ЛИЦЕЯ

В изумруде и яшме садов,  
В блеске струй, в серебре паутинок  
Продолжается юность стихов,  
Что веками ведут поединок

С тем, что было, и с тем, что прошло,  
Отгорело, истлело, пропало.  
Тускло Царское смотрит Село  
В рощи, в сполохи осени алой.

Здесь деревья все так же свежи,  
Отраженные в окнах старинных,  
Где, легко пролетая, стрижи  
Чертят вензели Екатерины.

Так ярка здешних стен синева,  
Что и время не властно над нею.  
Вновь звучат молодые слова  
В старом сводчатом зале Лицея.

### 2. ШКОЛА

Золотя ветвей верхушки,  
Утро встало, расцвело.  
Здравствуй, юный город Пушкин,  
Здравствуй, Царское Село!

Дорожит с тобой союзом  
Отрок, севший на скамью.  
Здравствуй, старый парк, где музы  
Продолжают песнь свою.

Школьный двор заполнен светом,  
И я верю — в свой черед  
В сад, приветивший поэта,  
Славный юноша придет.

Ибо знаю — раз в столетье  
Из бездонной глубины  
Возвращают своды эти  
Нам пророческие сны,

Что, рождаясь в сердце верном,  
Раскрывают в сказку дверь.  
Может, в веке двадцать первом,  
Может быть — уже теперь!

#### **БАЛЛАДА ОБ ОСЛЕПШЕМ ДЕСАНТНИКЕ**

В свою удачу веря,  
С гранатой в руке,  
На черноморский берег  
Ты в первом шел броске.

Волна не потопила,  
Стреляла смерть в упор,  
Но придавала силы  
Ограда Крымских гор.

Ты выжил среди ада  
На том клочке земли,  
Когда врагов блокада  
Топила корабли.

Был дан приказ: прорывом  
Пройти на Митридат.  
Огонь и щебень взрыва...  
Снаряд... еще снаряд.

Колючий в легких воздух  
И тишина в ушах,  
В глазах померкли звезды,  
Но был неведом страх.

Ты шел, руками шаря,  
В смятенье роковым.  
Стал раненый товарищ  
Тебе поводырем.

Стремилась вы упрямо  
Через огонь и чад.  
Проваливаясь в ямы,  
Вел моряка солдат.

В неистовстве усилий  
Вы были не одни,  
Бойцов соединили  
Сплетенные ремни.

Кто был с тобою вместе,  
Поздней что стало с ним?  
Остался неизвестен  
Матросу побратим.

Живет слепой десантник  
В приморском городке.  
Родные, рядом встаньте  
В моей простой строке.

Объят залив волнением,  
Пылает листопад...  
Невозвращенным зреньем  
Ты видишь свой десант.

Ты различаешь лица,  
Ты слышишь топот ног...  
К тебе солдат стучится,  
Вступает на порог!



## В ЛЕНИНГРАДЕ МНЕ СНИТСЯ ЭСТОНИЯ

В Ленинграде мне снится Эстония,  
В строгих шпилях седой небосвод,  
Крыши красные, рощи зеленые,  
Дружных крыльев стремительный взлет.

Домовитые мирные аисты,  
Мерно бьющая в берег вода,  
На устах ее песня рождается,  
Что звучать будет в сердце всегда.

И сияние колоса спелого,  
Просветленного солнцем насквозь...  
Я запомнил тебя с сорок первого,  
Встретить бурю мне здесь довелось!

Рдеют кровью багряные ягоды,  
В дымных кронах не петь соловью.  
Через боль, испытания, тяготы  
Возвращаюсь я в юность свою.

В Ленинграде блокадную клятвою  
Мы тогда обещали — придем!  
Бредит поле желанною жатвою,  
Сыновья возвращаются в дом.

Прошагали здесь годы, как воинство,  
Вновь над Томпеа флаг водрузя.  
В этих водах навеки покоятся  
Побратимы мои и друзья.

Розовеет рассветное зарево,  
С мирным грузом идут корабли.  
Счастлив я, что на Муху, на Сарема  
Дети ваших детей подросли.

Эту гордость из сердца не вытеснить,  
Шлет любовь молодого гонца.  
Вдохновенною песнею Сютисте  
Восхищаются юных сердца.

Все в цвету, все прекрасно и молодо.  
Быль веков берегут валуны.

Постоянно витают над городом  
Запах сланца и свежесть волны.

В небо песня возносится властная,  
Отражается парус волной,  
И летит быстрокрылая ласточка  
Над старинной стеной крепостной!

#### УТРО В КРОНШТАДТЕ

Я сегодня, как когда-то,  
В город свой пришел опять.  
Деревянного Кронштадта  
Мне уже не увидеть.

Не увидеть мне герани  
В свежевывытом окне,  
Лишь петровской кладки грани  
Говорят о старине.

Влажный ветерок полощет  
В небе свежесть парусов.  
Помнит Якорная площадь  
Зов команд и стук шагов.

Бело-голубых и алых  
Вижу гордых флагов взмах.  
Горнов долгие сигналы  
Вновь звучат на кораблях.

В них надежды и утраты,  
Давний бой, былой десант...  
Отдавая честь,  
  по трапу  
Всходит юный лейтенант.

Вновь стремительное время  
Кличет молодость в поход,  
И уже иное племя  
Песни новые поет.

Пусть звучат Бояна струны,  
Им неся о прошлом весть,  
И уже другая юность  
Назначает встречи здесь,

Нашу, прежнюю, сменяя,  
Память верную храня  
Там, где розы полыхают  
Возле Вечного огня!

## ДЕНЬ

Проснувшись,  
хорошо начать день  
с глубокого сладкого вздоха.

Встав,  
неплохо продолжить день  
широким решительным шагом.

Умывшись,  
разумно взглянуть на день  
трезвым спокойным взглядом.

Позавтракав,  
полезно наполнить день  
неустанным бескорыстным трудом.

Пообедав,  
нелишне украсить день  
красивым благородным поступком.

Пужинав,  
уместно закончить день  
блаженным заслуженным отдыхом.

Засыпая,  
недурно вспомнить прошедший день  
с доброй мягкой улыбкой.

Во сне  
приятно увидеть себя проснувшимся,  
начинающим день  
с глубокого  
сладкого  
вздоха.

\* \* \*

Зачем чудить?  
И что такое — чудо?  
Я чудодеев просто не терплю.  
Я жить хочу спокойно,  
без чудес,  
обыкновенной и понятной жизнью:  
    парить над крышами,  
    беседовать с мостами,  
    автобусы на улицах ловить  
    и в баночку стеклянную сажать,  
    а после хвастаться —  
    показывать знакомым.

# ЛЮДМИЛА БАРБАС

---

\* \* \*

Пленяетесь видом,  
спешите к мостам,  
и все ж, справедливости ради,  
мне трудно быть гидом  
по этим местам:  
ведь я родилась в Ленинграде.

Все будет: и Мойка,  
и белая ночь,  
глава о войне и блокаде...  
Вы — путники только,  
а я — его дочь,  
ведь я родилась в Ленинграде.

По долгу и праву  
мне выбрана роль,  
но даже при этом раскладе  
вам — всю его славу,  
мне — всю его боль,  
ведь я родилась в Ленинграде.

## НОВОГОДНИЙ БАЗАР

Предвечерний угар,  
предпоследняя гонка,  
не сдается базар  
до конца своего.  
Все, кто молод и стар,  
пропустите ребенка,  
пусть он купит свой шар,  
пропустите его!

Я сюда забрела  
и в толпе затерялась,  
надвигался базар,  
любопытных тесня...  
Елка всех собрала,  
а сама осыпалась...  
Сохраните мой шар,  
пропустите меня!

\* \* \*

Все в порядке со мной:  
от неверных шагов  
добрый случай  
меня не избавит.  
Я любую ценой  
наживаю врагов,  
но и дружба  
меня не оставит.

Старой маюсь виной,  
но пытаюсь весной  
испросить у судьбы  
утешенья...  
Все в порядке со мной,  
но в тетрадке одной  
есть задача —  
и нету решенья...

\* \* \*

Оставили меня  
хранителем огня,  
что, к слову говоря,  
не трудность для поэта.  
И я его храню  
и даже не виню  
того, кто так решил,  
а сам забыл  
про это...

\* \* \*

Ненадолго хотя бы  
забыться  
перед сменою ночи и дня,  
но какая-то  
ранняя птица  
все поет и поет для меня.

Мне бы тоже  
кому-то излиться,  
я сама доверяюсь, любя. . .  
И какая-то  
ранняя птица  
все поет и поет для тебя.



\* \* \*

Все пышней растет лопух.  
Все скудней из года в год  
ряд приветливых старух  
на скамейках у ворот.

Поговевшие в посту,  
не летавшие на «ТУ», —  
излучают доброту,  
осуждают суету;

не менявшие жилье,  
повидавшие свое, —  
человеку и кусту  
нынче рады за версту.

Как по лезвию ножа  
этот путь о два конца:  
с городского этажа —  
до родимого крыльца.

Что мой взор заволокло,  
замутило белый свет?  
Солнце жжет — а не светло.  
Дом стоит — а дыма нет.

Что мне делать, как мне быть  
там, где вновь не встретит мать, —  
пить вино и слезы лить  
или косу отбивать?

# ВИЛЕН БОРИСОВ

---

## В КОНЦЕ ПУТИ

Нет, мы не на машине и не в танке,  
Не ехали сюда,  
А трудно шли.  
На нас от дыма сизые ушанки  
И серые шинели —  
От земли.  
В поту солдатском все окопы-щели,  
В крови солдатской —  
Рыжие поля.  
Мы потому и выдюжить сумели,  
Что дорога нам отчая земля!  
Цвети, родная,  
И не знай печали.  
Пусть мир и радость входят в каждый дом.  
Нас матушкой-пехотой называли,  
Мы нашу землю  
Матушкой зовем.

## ВЫШИВКА

С жестяного совка,  
Что свисал молчаливо с угла,  
Зачастила капель,  
Словно швейной машины игла.  
И сверкающей строчкой  
Пешеходной тропы поперек  
На померкшем снегу  
От угла поспешил ручеек.  
Подожду и увижу,  
Как под птичий взволнованный хор  
Май

Иглою той вышьет  
Волнистый зеленый узор,  
И махровые стебли,  
И вешней простой красоты  
Для венка твоего  
Самой нежною нитью —  
Цветы!  
Стежкой, гладью, крестом ли —  
Вышиванье понять мудрено,  
Но цветов будет много  
И зелени буйной — полно.

У фабричных ворот  
Оглянись, молодая швея:  
Работающей природе  
Знакома сноровка твоя!

# МАЙЯ БОРИСОВА

---

## СОЛОВЬИНЫЙ СКЛАДЕНЬ

### I

Безумная, блажная птица,  
ведь есть приятнее места!  
Тут новостройка — где гнездиться?  
Где петь?

Две палки, три куста...

Но высветляет лунный щелок  
дворы и окна по края,  
и возникает буйный щекот  
отчаянного соловья.

Вот и со мной — скажи на милость! —  
в моем отшельничьем раю  
такое диво приключилось:  
я снова песенки пою!

Взапой, дыханье сбивши с такта...  
Взахлеб мотива и строки.

Не для чего-нибудь,  
а так вот.

Не по причине,  
вопреки!

### II

Потерпеть, не уснуть и дожждаться:  
в остывающей гулкой ночи,  
словно вымоленное «даждь нам!»,  
защекочет, забьет, зазвучит!  
Вдохновляя на бой батальоны  
майских трав против поздних порош,  
подбирает звучки, как патроны,  
соловей, пацаненок, Гаврош.  
Наш квартал плосколик, монотонен,

населен, да не очень обжит.  
Но к помехам глухой, как Бетховен,  
соловей нежным горлом дрожит.  
Эти звоны, рулады и трели,  
песнопенных излишеств дурман —  
наши портики и капители,  
балюстрады, фронтоны, фонтан...

\* \* \*

Виноватая вина —  
вроде горького вина.  
А безвинная вина —  
как баклажка без вина.  
Наклони — не пьется.  
Урони — не бьется.  
Ту баклажку без вина  
осушила я до дна.

\* \* \*

Возле озера — снега темные,  
возле озера — тишина сыра,  
возле озера — ели хмурятся,  
а идешь куда — гляди под ноги.  
А повдоль холма — светит солнышко  
и деревья ветки раскачивают,  
воды талые — не наворкуются.  
И с холма кругом — далеко видеть,  
далеко видеть, хорошо слышать.  
Даже мамин голос слышался...

\* \* \*

В дом неожиданно явились цветы.  
Ровный быт усложняется сразу:  
вазы долго пылились, пусты,  
надо вымыть как следует вазу.  
Надо пыль отовсюду стереть,  
посвежее салфетки набросить.  
Пол такой, что неловко смотреть!

Срочно — вымести, пропылесосить...  
Платье — ужас, начало конца,  
оскорбление для духа и тела!  
И с таким выраженьем лица  
при цветах

тоже нечего делать.

Милый мой,

а как смотришься ты  
на пылающем фоне букета?  
В дом неожиданно явились цветы.  
Я не знаю опасней сюжета!

\* \* \*

И влечет и потрясает  
то, что очень велико.  
В нас гордыня прокисает,  
как от молний — молоко.  
Жажда сладкого угара  
нам глаза и души ест:  
водопад — чтоб Ниагара,  
а гора — чтоб Эверест!  
Это — вечно, величаво,  
мы — ничтожны,

мы — на час...

Сладкий ужас — взгляд удава  
обездвиживает нас.  
Отдохнем в тени величья!  
Пусть хоть несколько минут  
мелких страхов клювы птички  
нас привычно не клюют.

### ГODOBЩИНЫ

Для печали нет причины.  
Но крадутся к нашим дням  
по-пластунски

годовщины,  
словно кошки к воробьям.  
Будет славная погода:  
или ведро или дождь.  
Но — назад тому два года.

И всплеснешься. И замрешь.  
Время движется упрямо,  
тащит груз в своих вьюках.  
Вот июнь:

еще ты, мама,  
отдых празднуешь в Юкках.  
Но нацеленней, чем пуля,  
сквозь цветенье и тепло  
на тебя летит июля  
окаянное число.

## СЕМЕН БОТВИННИК

---

\* \* \*

Прекрасные слова  
живут на белом свете:  
«ребенок» и «трава» —  
слова бессмертны эти.

Как солнце в синеве  
ликующей, бездонной —  
ребенок на траве  
и доброй, и зеленой. . .

В нем жизни торжество:  
глаза его лучисты,  
а волосы его,  
как травы, шелковисты. . .

А травам вечно жить  
и окружать жилища,  
с младенчеством дружить,  
всходить сквозь пепелища. . .

Прекрасные слова  
живут на белом свете:  
«ребенок» и «трава» —  
земля за них в ответе.

Ей — чутко им внимать,  
в беде не покидая,  
она им все же мать —  
хорошая ль, худая. . .



\* \* \*

«Поскорей бы, поскорей» —  
от рассвета дотемна  
слышен голос матерей  
у порога, у окна. . .

Ожиданье день за днем,  
та же боль — за ночью ночь,  
все о нем, о нем, о нем —  
как увидеть, как помочь?

Не забыться, не заснуть,  
день за днем, за годом год. . .  
Долгий взгляд туда, где путь  
свой свершает поворот.

Лист летит с календарей —  
ждать и ждать и день, и ночь  
в вихрях снежных январей  
просто сына, просто дочь. . .

Ночи матери темны,  
тает времени свеча. . .  
Ждать из школы, ждать с войны,  
ждать письма и ждать врача.

Стук дождя и скрип дверей,  
тихий вздох: минуй беда. . .  
Ожиданье матерей —  
в прошлом,  
в будущем,  
всегда. . .

\* \* \*

Старое дерево в новом районе —  
там, где дома молодые уже  
высятся, видятся как на ладони,  
на перекопанном встав рубеже. . .

Старое дерево, ты удержалось,  
ты сохранилось,  
осталось одно —  
странная милость, жестокая жалость...  
Ветви не в лес уже смотрят —  
в окно.

Вижу рубцы твои, вижу морщины,  
вижу: кора и груба, и черна.  
Старому дереву  
доля мужчины,  
грудью встречавшему время, дана.

Спилен веселый ровесник под корень,  
не на земле —  
на асфальте листва...  
Саженец тоненький,  
ветру покорен,  
клонится так, что и виден едва...

Птицы к тебе приближаются редко,  
рядом с тобою — блестят провода,  
но перед окнами  
старая ветка  
плещет листвою, как в былые года.

Ты ведь растишь еще почки надежды,  
горького сока  
таишь торжество...  
Душу мою городскую утешь ты:  
с новым  
так трудно дается родство...

\* \* \*

Время счастливой и скорбной слезы,  
сладкого хмеля...  
После войны, как после грозы,  
птицы запели.

В горле  
комочек от нахлынувших слов —  
радостных, горьких...

Дудин,  
Гудзенко,  
Луконин,  
Орлов —  
все в гимнастерках.

Как это вышло —  
никто не поймет:  
на пепелище  
птица в победное утро поет  
звонче и чище.

Стих,  
принесенный от т у д а, звучал  
не для почета...  
Новое время,  
начало начал,  
точка отсчета.

Взяли перо, отомкнули штыки,  
мы — не мальчишки!  
Первые споры по части строки,  
первые книжки...

Разве мы думали, милый, с тобой:  
сердце устанет,  
новая молодость — с новой судьбой  
следом нагрывает.

Новые вина из новой лозы,  
новые цели...  
После войны, как после грозы,  
птицы запели...

\* \* \*

Его исполни звонко или глухо —  
я лишь с листа воспринимаю стих...  
Мы пишем для читающих. Для них —  
для добрых глаз и внутреннего слуха.

Есть у стиха высокие права —  
в людское сердце проникать незримо.

Не громкие нужны ему слова,  
не вихри, пролетающие мимо. . .

Искусство чуткой жаждет тишины —  
и оттого мы так с годами ценим  
слова, что сердцу каждому слышны,  
и круг от лампы вечером осенним.

## ПАВЕЛ БУЛУШЕВ

---

### БАЛЛАДА О БЕЛЫХ ЛЕБЕДЯХ

...Позабыть все это лучше мне бы.  
Но не позабыть!..

Собравшись с духом,  
расскажу, как фронтовое небо  
осыпалось лебединым пухом.

Осыпалось в воду белым прахом.  
Низвергалось в волны красным ливнем.

«Пошутил» в тот день фашист с размахом —  
из зениток,

у «Пишмаша»,  
над заливом.

Дюжиной стволов по птицам били.  
И не стало лебединой эскадрильи.

Наш комбат скрипел зубами:

— Гады! —

И ругался так, что дальше некуда. —  
Дать бы сволочам!

А где снаряды?

Весь запас на батареях —

полкомплекта...

(Строг в блокаду был учет расхода.)

Шла весна сорок второго года.

Шла волна по Финскому заливу.  
Мы смотрели на волну со страхом.



(Даже старший лейтенант из «Смерша»  
строгость напускает... безуспешно.)

И сквозь оборону спозаранку  
мамы прорываются упрямо...  
Можно задержать лавину танков,  
но попробуйте  
остановите маму!

## ГАЗЕТНЫЙ СНИМОК

Убит, как при фюрере или при дуче,  
парнишка во время военного путча.  
Уже он не просит, лицо заслоня:  
— Пожалуйста, не убивайте меня.

Лежит, босоногий, тринадцатилетний,  
навек захлебнувшись мольбою последней,  
и все еще слышит сквозь ужас родня:  
— Пожалуйста, не убивайте меня.

Последняя четверть двадцатого века.  
За морем шумят о правах человека,  
главнейшее право поправ среди дня.  
— Пожалуйста, не убивайте меня.

Срывается голос, как SOS из эфира.  
Прислушайтесь: просит грядущее мира  
до гибельного, рокового огня:  
— Пожалуйста, не убивайте меня.

\* \* \*

Птиц четверкой — временами года  
блещущая для отвода глаз,  
от невозвратимости природа,  
как умеет, отвлекает нас.

Осень и зима, весна и лето  
чередой вернутся, пролетев.  
Пусть не бесконечна песня, это —  
все же нескончаемый припев.



\* \* \*

То удача прильнет, то грозит  
злая весть иль недоброе слово.  
Но и в светлом, и в темном сквозит  
бытия золотая основа.

Как помотришь сквозь пеструю нить,  
полегчают разлад и усталость.  
Этой жизни могло и не быть, —  
хорошо, что она состоялась.

## КОСТЕР

Сердце, как будто костер на пути:  
доброе слово подкинь — разгорится!  
. . . Не собирался ко мне ты идти,  
просто набрел и решил приютиться.

Что ж, отдохни. . . От себя, от всего. . .  
Возле костра, что не хочет погаснуть.  
. . . Только не долго смотри на него,  
чтобы потом — не грустить понапрасну.

## НА ОСТАНОВКЕ

Снег проносился, пламеня,  
вздымая искры в высоту!  
Как будто блоковская фея  
качнула челкой на лету. . .

И снова в сказку неоглядно  
прочь унеслась под ветра гул. . .  
Троллейбус  
из-под снегопада,  
как солнце ясное, сверкнул!

На остановке снова пусто.  
Лишь за дома, где никого,  
свернул прохожий. . .  
Часто, густо  
буран зачеркивал его.

\* \* \*

Закапывают реки...  
Пришли к моей — не спрашивали:  
живой — закрыли веки,  
замуровали заживо.

Теперь над ней — движенье.  
Асфальт.  
Гремят машины.  
...А раньше — отраженья  
качались, мельтешили...

Бывало — глянешь сверху,  
и встретишь двойника.  
Как будто умный лекарь,  
поймет тебя река.

Она тебе подскажет,  
что ты — не одинок.  
Глядишь, а встречный так же  
в своей судьбе продрог.

Сочувствуя другому,  
забудешь про себя...  
И возвратишься к дому,  
вселенную любя.

## НАТАЛЬЯ ГАЛКИНА

---

\* \* \*

То от слез не спала,  
То приснится пустое.  
Все-то дурой слыла,  
Простотою святою.

Мне бы сжать кулачок,  
Себе цену назначить,  
Мне бы сшить колпачок  
И тебя околпачить.

Но ни шить, ни вязать,  
И ни братья за дело,  
И ни жить, и ни врать —  
Ничего не умела!

Да и чем торговать:  
Сердцем? горем? судьбою?  
Да и что горевать  
Над самую собою!..

\* \* \*

...Руль заклинило, волною смыло,  
Ослепило местным маяком,  
Колоколом темным отзвонила,  
Из глубин — к кому воззвав? о ком?  
Ладожская братская могила  
С пляшущим на водах топляком.

# ТАТЬЯНА ГАЛУШКО

---

## ИЗ ВОСПОМИНАНИИ

В сорок третьем году, в Душанбе,  
Мама тихо сказала: «Тебе  
Здесь придется освоиться, Татка.  
Эти горы надежно стоят.  
Я спасла тебя. Мы в Ленинград  
Никогда не вернемся обратно.  
Так тепло, так приветливо тут.  
Это толстое дерево — тут;  
А с пятнистой корою — платаны.  
У тебя загорела спина.  
Скоро ты оживешь. Но сперва  
На жаре не снимай сарафана».

Время ждет, чтоб увидели вы,  
Как я за руку маму держала,  
И лицо ее в бликах листвы  
Колебалось, смущалось, дрожало.  
Я глядела на смуглые лбы  
Непоспешной, красивой толпы —  
На нее я глядеть не могла:  
Жалость горло свела.  
Я и в эту минуту, сейчас,  
Нажимая пером на бумагу, —  
Горлом сдавленным — маминых глаз  
Виноватую помню отвагу.  
Я не крикнула ей: «Не реви!  
Я тебя никогда не покину...»  
Мне мешала ангина любви,  
Ностальгии ангина.

Если в летнем сквозном кинозале,  
На отвесном куске полотна,

Заслоненный людьми и слезами  
Город тот выплывал из темна,  
Я лишалась дыханья и тела:  
Выраставшего сердца звезда,  
Добела разгораясь, летела,  
Устремлялась к нему навсегда. . .

Мама тихо сказала: «Ну вот,  
Мы и дома. У самых ворот,  
Помнишь, та разорвалась фугаска  
И тебя откопал морячок?  
Ну, не буду. Не буду. Молчок.  
Ты довольна, моя черноглазка?»

\* \* \*

Печальной речи темное питье  
Пьянит и погружает в забытьё.  
Луна, в тумане сильного мороза,  
Как имя утаенное твое,  
В поэзию перетекла из прозы.  
Январская фольга свернулась в розу,  
И я вдыхаю острый край ее.

\* \* \*

Посмотри, какое утро:  
Солнце ленится палить,  
В скорлупе из перламутра  
Можно море переплыть.

Это время круговое  
Передышку дало нам,  
Прижимая грудь к прибою,  
К обмирающим камням.

Нет для времени распада —  
Превращается в простор,  
В брызг блаженную прохладу,  
В туч пылающий повтор.

Вот в ладонь оно вложило  
Раковины завиток —  
Жизни внешнюю пружину  
Или памяти цветок.

Безголосым сроком съеден  
Обитатель заводной.  
Береги, когда уедем,  
Этот ирис костяной.

\* \* \*

Прожитого не исправить.  
Юных — не предостеречь.  
Настрадавшуюся память  
Можно мудростью наречь.

Вовсе не плоды ума —  
Опыта глухая область  
То, что в жизни было — тьма,  
То, что в слове стало — образ.

Гарантирован простор  
Даже в этом мире тесном  
Вести, смысл которой — скор  
И неисчерпаем текстом.

Подниму свою ладонь  
И поставлю против света —  
В ней пульсирует огонь  
Человеческого цвета.

Нынче — нищая стерня,  
Завтра — колос, гроздь и ветка,  
Как ты светишь, пятерня,  
Не гасимая под ветром!

Как ты светишь, мой шандал  
О пяти свечах, с которым  
Жизнь не кажется повтором,  
А истоком всех начал.

## ГАЛИНА ГАМПЕР

---

\* \* \*

Я чужая в курортном раю,  
Никого здесь не узнаю —  
Ни сутулых мужчин,  
Ни привычных морщин,  
Ни ровесниц моих молодящихся,  
И в невесты, и в бабки годящихся.  
Все так молоды здесь и раздеты —  
Ни единой привычной приметы.  
Я вернусь на родное болото  
У военного старого дота,  
Обведенного снежной каймой, —  
Из театра приеду домой.

\* \* \*

И я гощу на этом островке,  
Где тени мертвых —  
                                наравне с живыми.  
Здесь жизнь и смерть  
                                сошлись накоротке.  
«Иных уж нет...» —  
                                поговорим с иными.  
Жизнь исчерпав,  
                                мы научились сметь.  
И, трезвость исчерпав,  
                                любить наивно.  
Мы все, воочью  
                                видевшие смерть,  
В нее не верим —  
                                вот что дивно!



И будущего  
                    контуры рисуя,  
Мы имя смерти  
                    произносим всуе.

\* \* \*

Каждый вечер  
                    в телевизоре  
Всё стреляют  
                    и бомбят.  
То вблизи гудит,  
                    то издали  
Год подряд  
                    и жизнь подряд,  
Каждый вечер,  
                    в каждой комнате —  
Помни, помни, помни,  
                    помните!  
Все — от малого  
                    до старого,  
До больного  
                    и усталого.  
Каждый вечер,  
                    как в осаде, —  
Ради бога,  
                    бога ради...

\* \* \*

Жизнь уходит, как ты,  
                    налегке —  
С чемоданчиком  
                    в правой руке.  
Так реально — не в мрак, не во мглу,  
Обернется  
                    уже на углу.  
Вся окрашена  
                    в солнечный цвет,  
Обернется,  
                    помашет: «Привет!»

«Как же так, —  
я шепчу, — как же так?  
Подожди,  
пока спустится мрак.  
Рухнет небо,  
разверзнется твердь,  
И сама ко мне  
явится смерть.  
Дай прожить мне  
тебя до конца.  
Ну сними  
хоть улыбку с лица,  
Ну хоть что-нибудь  
переиначь,  
Ну хотя б на прощанье  
заплачь,  
Хоть поведай,  
в какие края?»  
Но в ответ —  
улыбка твоя.

\* \* \*

Привет тебе,  
мой инопланетянин.  
Я поняла,  
какой тоской ты ранен, —  
Ты, навсегда  
оставшийся в гостях,  
Принес мне небо  
в голубых горстях  
И за столом  
был молчалив и странен,  
Как ласточка  
среди нетопырей.  
Что брезжит  
в темной памяти твоей?  
Вина не пил ты  
и меня не слышал  
И тихо, будто растворился,  
вышел.

## МИХАИЛ ГОЛОВЕНЧИЦ

---

\* \* \*

Опять звезда сорвется с неба,  
Увижу я ее полет —  
Она слетит в колосья хлеба,  
А может, в речку упадет.

Все тем же будет вечер летний,  
И сложен будет мир и прост,  
Но станет вдруг стократ заметней  
Цена горящих в небе звезд.

\* \* \*

Молчанье сосен, неподвижных, строгих,  
Глубокое спокойствие кругом,  
И только надпись на лесной дороге  
Тревожна, чужеродна — «Танкодром».  
Но в этом царстве мира и покоя  
Она как будто с деревом слилась,  
И вдруг пойму меж ней и тишиною  
Прямую и единственную связь.

\* \* \*

Земля облита лунным светом,  
Спокоен звездный небосвод,  
Не дрогнет сад. Лишь с темных  
веток  
Слетает наземь зрелый плод.

И вновь в ночи не слышно  
звука —

Она безмолвия полна.  
Слетают яблоки. От стука  
Еще слышнее тишина.

\* \* \*

Он груб — создание ремесла,  
И в доме он — такая малость,  
Но все же этого стола  
Рука Чайковского касалась.  
И от порога неспроста  
К нему опять тянусь я  
взглядом:  
Не упрощенность — простота,  
Она всегда с великим рядом.

# ВЛАДИМИР ГОЛОВЯШКИН

---

\* \* \*

Я приехал на родину друга —  
Никуда уезжать не спешу,  
И живу у Полярного круга,  
Ветром с Белого моря дышу.

Безмятежное чаек паренье,  
Тихий свет августовского дня  
И забытая богом деревня,  
Приютившая нынче меня, —  
Это все, как удачи предвестье,  
Избавленье от близкой беды.  
Здесь душа обрела равновесье  
Над границей земли и воды.

Очень редко бывает такое,  
Но сейчас,  
В эти долгие дни,  
Для меня ощущение покоя  
Ощущению счастья сродни.

И топор, и весло мне послушны,  
Я с тяжелой работой дружу,  
И заботу о хлебе насыщном,  
Словно праздничный шарик, ношу.

\* \* \*

Я снова там,  
На дальней просеке.  
Я снова в том осеннем дне,  
Где ты в своем платочке простеньком  
Стоишь в прозрачной тишине.

Где я,  
Веселый и отчаянный,  
Смеюсь открыто над судьбой:  
Скажи,  
Разлука иль венчание  
Нам предназначены с тобой?

А над тобой листва осенняя  
Легко срывается с ветвей.  
И нет надежды на спасение  
От беззащитности твоей.

\* \* \*

Или возраста бремя сказалось,  
Или лучшие дни позади?  
То, что раньше бедою казалось,  
Отзывается счастьем в груди.

Оглянусь,  
Улыбнусь виновато  
И опять, ошибаясь, живу.  
Не назвать бы бедою когда-то  
То, что радостью нынче зову.

## ГЕРМАН ГОППЕ

---

\* \* \*

Где повзводно, где поименно,  
На важнейший рубеж сведены,  
Держат крепкую оборону  
Не вернувшиеся с войны.

В тишину упирается грохот,  
Вязнет в солнечной тишине.  
Прикрывая собой эпоху,  
До сих пор они на войне.

Там, где, вечный бой продолжая,  
Не дают они встать врагу,  
Нам-то кажется — иван-чая  
Лента алая на лугу...

Да, конечно, война войною.  
Мир — он шире,  
  само собой.  
Он за огненной той чертою,  
За спасительною чертой.

\* \* \*

Стучат осколки по накатам,  
А пробиваются дожди.  
Мы все здесь равные — солдаты,  
А только равенства не жди.

— Ты кто, солдат? — солдата спросят.  
Нестранным выглядит вопрос.  
И он начнет о сенокосе,  
О жарком хлебе в полный рост.

Жара пройдет прокатным раем,  
Лицо соседа озарит.  
А мы затворы разбираем,  
У нас отсутствующий вид.

Мы — как в трамвае без билета,  
Но там есть выход, даже — два.  
Ах, эта устная анкета,  
Ей предъяви ладонь сперва.

Соврать? — напрасная мыслишка.  
Как тут соврешь! Но нас щадят.  
Не скажут: — Ясно — он мальчишка.  
А скажут: — Ясно — он солдат.

Ряды солдатские редели,  
Они редуют до сих пор...  
— Ты кто? — И мы о мирном деле  
Ведем пристрастный разговор.

И если в памятную дату  
Кому-то надо, может быть,  
Сказать: — Я тоже был солдатом... —  
А нам не надо говорить.

### ОДНАЖДЫ У СТАРЫХ ОКОПОВ

Чудо из реальности суровой,  
Вымысел, помноженный на грусть...  
Юность спросит:

— Мне вернуться снова?

— Невозможно...

— Хочешь, возвращусь?

— И такой же точно будешь?

— Буду.

Повторюсь, не пропустив ни дня.  
Вот чудак, ведь ты поверил в чудо,  
Что ж тебе не верить в меня?! —  
Сосны покачнутся.

И тревогу

Вынесет простуженный мотив  
На одностороннюю дорогу,  
На одноколейные пути.



Под ногой камней возникнет ропот.  
С тяготением земным не в лад,  
С бруствера осевшего окопа  
Медленные камни полетят.  
И, уже движеньем увлеченный,  
Прошепчу:

— Ты воскресишь друзей? —

А она, спокойная:

— О чем ты?

Я тогда не стала бы твоей.  
Впрочем, ладно, им в могилах тесно.  
И уж раз завел об этом речь,  
Пусть твои товарищи воскреснут,  
Пусть встают, им снова в землю лечь... —  
И, предсмертной болью обжигая,  
Ударяет ледяное — «пусть».  
— Врешь, — кричу, — ты не моя —

чужая!

А моя не скажет —

«возвращусь».

### ГОРОДСКОЙ ПЕЙЗАЖ

Ищут птицы безопасной зоны.  
Счастливы, когда ее найдут.  
Садик окружен трамвайным звоном,  
А деревья окружают пруд.

Утки грациозно чистят перья.  
Тает в людях отчужденья лед.  
«Все-таки какое к нам доверье» —  
Общей мысли облако растет.

Утки не уходят с середины,  
В самом центре плавают пруда:  
Все-таки под перьями дробины —  
Это не забудешь никогда.

Плавают и думают, листья  
Листья на задумчивой воде:  
«Люди хороши в большущих стаях,  
В мелких стаях — значит, быть беде».

## ТОПОЛЕК

Печален. . . А кто-нибудь жалким  
Его, проходя, назовет.  
Стоит, опираясь на палку,  
И, значит, пока что живет.

Безропотнее фаталиста,  
Судьбе покорившийся весь,  
Прозрачный совсем, малолистный, —  
И пыли-то негде присесть.

Он братьев не видел ни разу  
И спутать с лесами готов  
Зеленые кузова «МАЗов»,  
Зеленые стены домов.

Жестокая мудрость. Ей надо,  
Чтоб в век деловых скоростей  
Он был собирателем взглядов  
Прохожих, проезжих людей.

Чтоб он, опираясь на палку,  
Был тяжелой заботой томим  
О тех, кому видится жалким,  
О тех, кто растерян пред ним.

# ГЛЕБ ГОРБОВСКИЙ

---

## КОЛОКОЛЬЧИК

Окруженный морями и сушами,  
прелым лесом, песками пустынь,  
человек затаился и слушает  
колокольчик. . . в морозную стынь.

Он звучит у него под доспехами,  
под шубенкой на рыбьем меху.  
«Мы еще, — верещит, — не доехали!  
Погоняй!» А в ответ: «Не могу».

Все неистойей звон, все малиновой,  
все торжественней рокот судьбы —  
над родными холмами, долинами,  
над дыханием каждой избы.

Окунаясь в горячую музыку,  
человек — устоял, превозмог. . .  
Мудрый снег, перемешанный с мусором,  
не занес этот теплый комок.

Все ровнее удары, все звонче их  
синева над сияньем полей!  
. . . Есть такие цветы — колокольчики  
там, под снегом России моей.

## ТРЯСОГУЗКА

Чешуйчатые палочки-ходули  
и тулово яйцом. . . И повезло:  
с лица земли ветра ее не сдули  
и время в ступе дней — не истолкло.

Идет она, удачу излучая.  
И палочки, держащие яйцо,  
сгибаются... И все необычайно.  
И некое бахвальство налицо.

Сводили счета Цезари и Бруты,  
ракеты вырастали из пращи,  
но, в древние чешуечки обута,  
несла она сквозь мглу — свои хрящи!

Со мною поравнялась. Подмигнула.  
«Откуда?» А в ответ: «Издавека».  
И сдержанно, и несколько сутуло  
направилась в грядущие века.

#### ОДА ГОЛОВЕ

Здесь формируются замыслы снов,  
очищает от лжи и корысти  
самоцветы шершавые слов  
шлифовальная фабрика истин.

Здесь вечерней порой, не спеша,  
отрешась от полднего гвалта,  
мастерит себе крылья душа,  
чтобы с нею на небо летал ты.

Здесь, как самая древняя новь,  
чистоты и окраски небесной,  
зарождается наша любовь,  
та, которая выше — телесной...

В этой башне с бойницами глаз  
свет ума — не электросветило —  
от себя и от врага нас  
защищает, как высшая сила!

В этом храме размером с кувшин  
всей вселенной сиянье на сводах!  
И свеча твоей гордой души,  
искривленная в бранных заботах...

\* \* \*

Какое безумство сидеть в почерневшей избе,  
дождливое лето терпеть как свербящую рану,  
забытый окурочок держать на уставшей губе  
и женщину ждать поутру из ночного тумана...

Задуманы вместе, а жить умудряемся — врозь.  
Твоя ли улыбка не греет меня, не ласкает?  
Я здесь, словно бешеный волк, в одиночество врос  
и молча себя по трескучим оврагам таскаю.

Вползает, как время, какая-то вязкая мысль  
и с мозга стекает, бесследная, ртутно...  
Займись математикой, сердце, но только — уймись!  
А хочешь, уснем до весны беспробудно?

Нас птицы разбудят... Такая хрустальная трель.  
И женские руки, стучащие в ставень беспечно.  
И первая зелень, пронзившая хрупкий апрель...  
Какое безумство — любить тебя, смертную, вечно!

\* \* \*

Этот говор колес,  
этот пар от коня —  
им опять удалось  
потревожить меня.

Что я вспомнил — не в счет,  
не себя и не Русь.  
Что-то слыше, о чем  
толковать не берусь.

Просто время, как лист,  
щекотнуло, шурша.  
Просто звездный, лучист,  
край, откуда душа!

Поспешает гнедой,  
колесит колея.  
В облаках молодой  
месяц выгнул края.

Я и сам не старик,  
не дряхлее луны.  
Просто память, как крик,  
потревожила сны...

\* \* \*

Неутоленная печаль,  
мечта, доступная зевакам, —  
стихи мои! Страстей причал...  
Не я ль под вашу флейту плакал?

Как лабиринт, была судьба,  
а вышел к морю — стало ясно  
то, что убить в себе раба  
не так легко и безопасно.

Неутоленное ничто,  
под слоем золота — медяшка,  
стихи мои! — увы, за что  
меня терзаете столь тяжко?!

### **МЫСЛИ НАД РЕКОЙ**

Глядя вдаль, за берег близкий,  
я на том себя ловлю,  
что не только эти избы,  
эти ивушки люблю...

Если нужно, я на ощупь  
отыщу среди огней  
тот щемящий, вещей, отчий,  
мудрый свет земли своей.

Не об этом речь... Похоже,  
что теперь, с приливом лет,  
мне становится дороже —  
всей безмерной жизни свет!

# ЛЕОН ГРОХОВСКИЙ

---

## ПАМЯТЬ ДЕТСТВА

С фронта прямо к больнице  
протянута, словно рука,  
Железнодорожная ветка.  
Санитарный поезд уйдет.  
Между шпалами, возле обогранных  
Свежей ржавчиной рельсов,  
Среди кровью пропахших бинтов  
(их еще не успели убрать),  
На поросшей травой земле —  
Словно россыпь Клондайка...  
Полные шапки наберем мы жестоких игрушек войны  
(кучки стреляных гильз, запал от гранаты,  
пачка бездымного пороха,  
несколько целых патронов от крупнокалиберного  
пулемета,  
револьвер системы «наган»,  
осколки артиллерийских снарядов,  
пробитая каска с острым запахом пота).  
Возле крупных белых ромашек «любишь не любишь»,  
Меж ними затерялись обрывки солдатских безадресных  
писем...  
С этим грузом смертельным  
Сядем возле серой больничной стены  
И костер разведем.  
За деревьями лежа,  
Будем слушать, как бухают взрывы,  
Как земля, содрогаясь, доносит к нам  
Стоны и вопли (воображаемых),  
но поверженных нами  
врагов.  
Пусть мужают сердца!  
В нашем детском сознании  
Нет пощады врагам...

## СЕРГЕЙ ДАВЫДОВ

---

### БАЛЛАДА О ТЕПЛЫХ ШАПКАХ

Еще луч не поджег край узора льняного,  
так зачем, что за шум в половине шестого?  
Еще нежно рука под женой затекала,  
для звонков еще время совсем не настало.  
Еще слиплись глаза, еще хочется ночи,  
но гремит телефон, церемонясь не очень!  
— Ты меня не узнал? Я тебя разбудила? ..  
(Кто такая? .. Зачем? .. Не туда позвонила?)

— Я звоню тебе — хуже беды не бывает!  
Муж не слышит, сын спит, и свекровь почивает.  
Я звоню тебе, зная: давно ты не холост,  
уйма лет... даже я не узнала твой голос.  
Наши давние встречи ты помнишь едва ли.  
Ты известен теперь, я читала в журнале.  
Не сердись, разговор будет очень недолог.  
А жена — пусть поймет... врач мне нужен, онколог.

Сразу кончилась ночь, выжгло болью мгновенной.  
Зов «на помощь» из юности послевоенной.  
Под бомбежки росли, поднимались на пепле,  
шли в цеха, что от стекол фанерных ослепли.  
Там журавлик, девчонка в халатике темном,  
снова сделала мир и цветным и огромным.

...Шелест первой листвы в белоночной прохладе, —  
все в постелях, в домах. А они — в Ленинграде!  
В сверхлимитных шелках дремлют важные дяди.  
Тети пляшут в кафе. А они — в Ленинграде!



Первой ласки озноб не в углу коммунальном —  
в петергофском леске продувном, нереальном...

А потом, так бывало и позже и раньше,  
вышла замуж она — он устроенней, старше...  
Ну да ладно, прошло, утряслось все неплохо.  
Сколько можно вздыхать — четверть века. Эпоха!  
Только что-то осталось, таилось, сверкало —  
пусть в беде, но нашла, позвала, разыскала!

Он в больницу звонил, он выпрашивал друга,  
леденел от уклончивой речи хирурга.  
Как мгновенья ползли и часы, и недели!  
Но однажды звонок: — Успокойся... успели.  
Будет петь и плясать, но еще бы немного...  
Успокойся, старик! Но была у порога...

В темном небе звезду он увидел с балкона  
и шепнул ей: «Живем» — и вздохнул облегченно.

Р. С. Она позвонила только через год, сказав:  
— У тебя такие знакомства! Позаботься обо мне и  
о муже. Достань две шапки. Мне из норки, а мужу мож-  
но похуже...

### НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Трассой ледяной слепой, разрушенной,  
«юнкерсом» впотьмах не обнаруженный,  
ночью через Ладогу в Кобону  
на себе нас вывез «Зис» натруженный, —  
на больных плечах в живую зону.  
Тут нам, одеялами закутанным,  
принесли сгущенки, колбасы.  
Вызволенья первые минуты,  
матери последние часы...

## НА СВИРИ

Петушок поет хрипло, старательно.  
Хорошо он поет, замечательно!  
Лес заречный с вершинною синью,  
старый дом по-над самую Свирью.  
Вот и парус — зияет прореха,  
но до Ладоги плыть не помеха.  
Жаль вот, стала дорогой — тропинка  
да кривою корягой — рябинка...  
Здесь, бывало,  
лишь стукни в оконце,  
и оконце ослепнет от солнца!  
А бывало... да что там: «бывало», —  
сто страниц напиши — будет мало!  
Те же Свирь и Лодейное Поле,  
жаль, что в сердце ни жара, ни боли...

## НА ВЯТКЕ-РЕКЕ

Мой друг, поэт, знаток частушек,  
пугал под Вяткою старушек,  
не форсом, не амбицией,  
а страшной эрудицией.  
Под балалайку пел он: — Ну!  
Прошу, добавьте хоть одну,  
старинную ль,  
советскую,  
частушку мне в коллекцию...  
Но лишь одно прошу учесть,  
клянусь, не прибавляю,  
что я на память тысяч шесть  
любых частушек знаю!  
Рязанских, псковских  
тысяч шесть,  
а ваших вятских — все что есть!.. —  
Одна старушка охнула,  
Другая: — Ну и кот!  
Подруга, бойся Бокова,  
в коллекцию зовет... —  
А Боков пел, играл, плясал.  
Был клуб забит битком...

Одну частушку записал  
попозже вечером:  
«Не могу я утерпеть,  
чтоб фигурой не вертеть.  
Во какая сатана —  
так и вертится сама! . . .»

Хорошая частушка,  
и пела не старушка.

# ВАЛЕНТИНА ДРОЗДОВСКАЯ

---

## ОКРАИНА

Окраина, любви моей столица,  
Любви моей Поклонная Гора,  
Я шла твоим ромашкам поклониться  
И босиком коснуться их ковра.

Но не видать зеленого разлива,  
Ни хуторка, ни кладбища вдали,  
Там, где цвела ромашковая нива,  
Кварталы белоснежные взошли.

И, первенец грядущего района,  
Тот самый дом стоит другим под стать.  
И то окно темнеет отчужденно...  
Здесь, как нигде, меня должны бы ждать.

\* \* \*

Твои цветы в моих ладонях вянут.  
Послушай, помоги мне как-нибудь  
Страницы дней, где был ты упомянут,  
Не вырвать, но хотя бы зачеркнуть.

Действительность сумела возвратиться,  
Отбыв в изгнание свой короткий срок.  
И надо, чтобы новая страница  
Тебе не посвящала новых строк.

Зачем же мы оттягиваем точку  
По существу в беседах ни о чем?  
Мы все равно блуждаем в одиночку,  
Хотя друг друга чувствуем плечом.

## ЭЛИДА ДУБРОВИНА

---

\* \* \*

Шел мокрый снег — осенний, невеселый,  
Во тьме дрожала света полоса.  
Из теплых окон музыкальной школы  
Струились детских скрипок голоса.  
И трогательно было это пенье,  
Как будто не кончался школьный бал.  
Шел мокрый снег — и в тусклом освещенье  
Чужой, тревожный город затихал.

Качались теплоходы у причала.  
Что кончен путь, не верили они...  
И долго я на берегу стояла,  
Глядела на портовые огни.  
Порт затихал — угрюмо и безвольно,  
Лишь ветер с моря налетал: «Держись!..»  
И было тяжело и даже больно  
Глядеть на замирающую жизнь.

Как будто там, за рубежом печали,  
За пеньем вьюг, оцепененьем сна,  
За долгими полярными ночами  
Не брезжила далекая весна!

Устало, без надежды и улыбки  
Стояла я в сквозящей темноте,  
А детские доверчивые скрипки  
Все пели о любви и доброте,  
И голоса их нежные дрожали  
(Так от звезды к звезде мерцает нить),  
Как будто бы молили, заклинали  
Наивность их и хрупкость пощадить...

Шел мокрый снег — безжизненный и вялый,  
И таял снег... И в сердце навсегда,  
Уже без боли, нежно угасала  
Былой любви печальная звезда.

\* \* \*

Свищет ветер, играя на флейте,  
На приколе уснули суда.  
Огоньки на невидимом рейде  
Повторяет ночная вода.

Этот снег, эта цепь золотая,  
Эта музыка влаги и мглы...  
Как лебяжья отставшая стая,  
Теплоходы во мраке белы.

Ни о чем им не хочется думать  
В приближении стужи и льда.  
Только нежность, покой и угрюмость,  
Только звезды, туман и вода...

Земснаряд развернулся устало  
И уходит фарватером прочь.  
Близко, близко пора ледостава  
И полярная долгая ночь.

Льды плывут к замерзающей Коле,  
Все грустней берегов забытье...  
Здесь, на жизненном зябком приколе,  
Долгим будет зимовье мое.

Знаю, будут усталость и холод,  
Но люблю в приближенье зимы  
Этот северный дышащий город,  
Эту музыку влаги и мглы.

Эту память о ласке и лете,  
Эту тихую думу, когда  
Огоньки на архангельском рейде  
Повторяет ночная вода.

\* \* \*

Краснеют рябины, вздымается ветром полова...  
Я с полем прощаюсь, с земли поднимаю зерно.  
Я с другом прощаюсь. Последнее сказано слово,  
Последнее выпито в тихом застолье вино.  
Я с дружбой прощаюсь — и дружба уходит  
неслышно.  
Я с грустью гляжу, как желтеет трава на лугу.  
И жалко не дружбы, а жаль, что и плакать излишне,  
Что плакать, как встарь, по былому уже не могу...

### СИНЕВА

Вечерней зари горит изумруд,  
И тень дрожит от весла,  
И тонкие лозы ветру поют  
Весть, что пришла весна...

Я брошу весло, с кормы наклонясь,  
Потрогаю воду в пруду.  
Звезда упадет — и сиреневый язь  
Спросонок проглотит звезду.

И станет мне весело, радостно жить,  
И просто, легко дышать.  
А лодка моя будет плыть и плыть  
Без весел среди камыша...  
И, словно где-то на высоте,  
Закружится вдруг голова:  
И свет на листве, и тень на воде,  
И синева, синева!..

# НИКОЛАЙ ЕГОРОВ

---

## МАЛЯР

Был полдень свежестью пронизан,  
Когда я в люльке подвесной  
Работал кистью под карнизом  
И разговаривал с весной.  
Она шутя качнула люльку:  
— Ты не засматривайся, крась! —  
И, бросив мне в ведро сосульку,  
Веселым смехом залилась,

## НА СЕНОКОСЕ

Тракторист умылся в речке,  
Сел в кабину —  
И опять  
Трактор синие колечки  
Начал дробно выбивать.  
Жатки спорят,  
Тараторят,  
Вслед за трактором бегут,  
На ромашковом просторе  
Травы звонкие стригут.  
Трактор тянет без оглядки  
На высоких скоростях,  
Жатки  
Трактору на пятки  
Наступают второпях.



## ВЕСЕЛЫЙ РУЧЕЕК

В гости к маленькой лужайке  
Ручеек с пригорка мчит,  
На трехструнной балалайке  
Развеселое бренчит.  
До того он весел, звонок:  
Солнце пляшет над кустом.  
Заблудившийся теленок  
Дирижирует хвостом.

# ЛЕОНИД ЗАМЯТНИН

---

## В ГОРАХ

К рассвету растворяют воды  
Звезду, упавшую в родник.  
Но странно — чувство несвободы  
Не оставляет ни на миг.

Следишь, как тянется, густея,  
Из раны дерева смола.  
И вдруг очнешься:  
Кто я?  
Где я?  
И вспомнишь —  
Где-то ждут дела.

Тревогой в сердце отзовется  
Внезапной птицы долгий крик.  
Ты только гость —  
Не удастся  
С природой слиться хоть на миг.

\* \* \*

До сих пор качают рюкзаки.  
До сих пор дорога дорогá.  
Собираю горы, ледники,  
Лунные безмолвные снега.  
Хижин антарктическую тишь,  
Ветра бесприютного скулеж.  
Мама, отчего же ты молчишь?  
Я вернулся. Ты не узнаешь?

## АЛЬПИНИСТСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Свежи незабудки —  
Не герани.  
Не кресты им память —  
Ледорубы.  
Их теперь  
Не разлучишь с горами,  
Молодых,  
Красивых,  
Белозубых...

Что-то не успели,  
Не свершили —  
Слишком преждевременно уснули.  
И навечно белые вершины  
Замерли в почетном карауле.

## ИРИНА ЗНАМЕНСКАЯ

---

\* \* \*

Немолодых людей ничто уже не губит,  
Ну, курево, вино да сахар не к столу...  
Немолодых людей почти никто не любит,  
Так думают они, как школьники в углу.

И кто там ждет и ждет, где соловьи, как мины,  
Запрятаны в кустах? И пара туфель жмет...  
К вам молодости страх и дух ее жасминный  
Приблизился... Зачем? А кто ее поймет!

Немолодых людей не так уж гложет голод,  
Тихонько из времен и пеших и лихих,  
С опаской обходя тех, кто фатально молод, —  
Домой, чайку попить...

Но как минувешь их?

\* \* \*

Соколики белые, не обгоняйте автобус!  
Кого-то везете, не вижу — стекло запотело...  
А воздух над городом — смесь темноты и сугроба,  
дыханья пустого и легкого-легкого тела.

Соколики, где вы? Автобус не может скорее.  
Дотянет до площади, вам же левее и выше.  
А что у нас дома? Чуть теплые две батареи.  
Письмо получить бы. Да нынче и писем не пишут.

Не пишут, не пишут, не пишут. Но ждут же, как  
прежде,  
удач, откровений. Не полных — пускай половинок.  
С приветом, соколики. Едет, петляя, к надежде  
автобус тяжелый и тесный, как лыжный ботинок.

# ИГОРЬ ИНОВ

---

ИЗ ЦИКЛА «МЕЖ ДУНАЕМ И ВЛТАВОЙ»

## В ЗАМКЕ НАМНЕСТЬ-НАД-ОСЛАВОЙ

В этом замке даже лица,  
подзаплывшие ленцой,  
начинают золотиться  
чудотворною пылью.  
Лают синие павлины.  
Сквозь сполохи витражей —  
гулко-гулко, длинно-длинно  
пять аккордов этажей.  
Зеркала и зазеркалье,  
тайны вещи храня,  
тихо время продлевали,  
продолжая и меня.  
Сколько раз я отражался  
в незнакомых зеркалах,  
загорался, сокрушался,  
обольщался впопыхах.  
Из крошечного овала  
провидением, судьбой  
пани Белая \* всплывала,  
уводила за собой...

---

\* Сказочное видение чешских и моравских замков.

# НАТАЛИЯ КАРПОВА

---

## ТРУДНЫЙ ВОЗРАСТ

Были прятки и горелки,  
Тома Сойера проделки,  
Ссадины и синяки.  
Повзрослели. Посиделки  
Полюбили у реки.  
И читали мы, подростки,  
Мопассана и Золя,  
И бросали папироски,  
И гасила их земля.  
И блуждали мы дворами  
Проходными — взад-вперед,  
Песни пели вечерами —  
Кто кого переорет.  
Кошки спины выгибали,  
Убегали из-под ног.  
Школу кончив без медалей,  
Жизнь вдыхали, кто как мог.

Я дворами проходными  
До сих пор спешу домой.  
Окликают (слышу имя),  
Но другую, и другими  
Занят двор.

Стоят гурьбой.  
И орет магнитофонный  
Голос здесь по вечерам.  
Подрастающий, зеленый  
Молодняк — он смена нам.

Трудный возраст переломный,  
Мир непознанный, огромный  
И стремленье быть взрослей.

Кто бежит? Я слышу топот  
Трудной юности своей.  
День за днем приходит опыт —  
Сами дни летят быстрей.

### ТЫ УЕЗЖАЕШЬ

Ты уезжаешь — да будут светлы  
Дни и дела твои!  
Мир тебе в помощи!  
Кажется, я развязала узлы,  
Все теперь просто —  
и утром, и в полночь,

Все теперь ясно.

Твой поезд, пора!  
Радости, ветра попутного, света!  
Что же мне делать?  
Дома, провода...  
Город, троллейбус...  
Вопрос без ответа.



## В УВОЛЬНЕНИИ

День рождения сегодня:  
двадцать лет, как ни крути.  
В увольнении я сегодня, —  
только некуда идти.

Но иду. (Куда — не знаю...)  
Полватрушки. Молоко.  
Третьяковка — выходная.  
Ну, а Питер — далеко.

Я бреду Москвою летней  
(а сапожки-то — скрипят!),  
весь насквозь двадцатилетний —  
от пилоточки до пят.

Не теряюсь я нисколько:  
предо мною все пути.  
Закавыка в том лишь только,  
что мне некуда идти.

Хоть твори поэму устно.  
Эх, Таганка, погляди:  
мне светло,  
легко и грустно...

Весь еще я —  
впереди.

# СЕРГЕЙ КАШИРИН

---

## ЗВЕЗДЫ

В полет готовясь, как в дорогу,  
Я загляну тебе в глаза,  
И выдаст тайную тревогу  
Твоя невольная слеза.

Тогда, нахмурясь раздраженно,  
Скажу в сердцах:  
— Ну вот, опять!  
Умеют же другие жены  
Мужей спокойно провожать.

Ты отвернешься на минутку  
И вдруг, веселая почти,  
Все обратить стараясь в шутку,  
Звезду попросишь привезти.

И я в который раз прощаю  
Твой женский, твой наивный страх.  
И для тебя пообещаю  
Собрать все звезды в небесах.

Но в час, когда с тяжелым гудом  
Корабль сквозь тучи поведу,  
Я за штурвалом позабуду,  
Что обещал тебе звезду.

Какие звезды! Словно ватой,  
Обложен хмарью небосклон.  
И руки заняты. И взгляд мой  
Лишь на приборы устремлен.

И ты прости, что ночью поздней  
Из атмосферной глубины  
Я привезу тебе не звезды,  
А холод первой седины.

### ЮНОСТЬ

— А покажись-ка, друг Серега, —  
Врач полковой шутя басил, —  
Твоя высокая дорога  
Потребует немало сил.

Он в летный день свой долг служебный  
Столь педантично выполнял,  
Что мне предстартовый врачебный  
Был ненавистен ритуал.

Меня вертел он как мальчишку:  
— Дыши...  
Присядь...  
Приляг, мужик! —  
Совал мне градусник под мышку,  
Велел показывать язык.

Про виражи, подъемы, спуски  
Он с важным видом рассуждал.  
Пугал меня:  
— От перегрузки  
Подчас ломается металл.

А я глядел орлом надменным  
Чуть свысока на целый свет, —  
Ведь был я летчиком военным.  
Курсантом был  
В семнадцать лет.

### ЗЕМНОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ

Земля на ниточке висела.  
Земля вращалась на весу.  
И открывались то и дело  
Пейзажи новые внизу.

Турбины падать не давали,  
А самолет дрожмя дрожал.  
Земля висела на штурвале,  
И я ее в руке держал.

Всю — с океанами, с лесами,  
С угрюмой ночью, с добрым днем,  
Держал — залитую слезами  
И опаленную огнем.

И все, что взору открывалось,  
И все, что было мне родным,  
Не просто жизнью называлось,  
А притяжением земным.

# БРОНИСЛАВ КЕЖУН

---

## БАЛЛАДА О МАЯКЕ

Как славный ветеран-морьяк,  
Испытанный боец,  
На берегу стоит маяк —  
Маяк Осиновец.

Подставив ливням и ветрам  
Израненную грудь,  
Он неизменно кораблям  
Указывает путь.

Днем полосы на нем, гляди,  
Видны издалека,  
Как будто на его груди —  
Тельняшка моряка,

А в сумрак, в темноте ночной,  
Что гуще грозных туч,  
В просторы Ладоги родной  
Он посылает луч.

Он корабли зовет сюда.  
Пусть волны плещут в борт —  
И день и ночь идут суда  
В Осиновецкий порт.

И, отъезжающим вдогон,  
Летит в ночную ширь  
Неугасающий огонь  
Его морской души...

Фугаски с неба сыплет враг,  
Отчаянно бомбит...  
Дрожит-шатается маяк —  
И все-таки стоит.

И, не забывший боль утрат —  
Как вспомнишь — скорбь-тоска, —  
На нем дежурит до утра  
Смотритель маяка.

Поскольку бомбы — не одна —  
Его разбили дом  
И ребятишки и жена  
Погибли в доме том,

Поскольку говорят «Свети!»,  
Он должен, как солдат,  
Здесь оставаться и вести  
Свой бой за Ленинград!

Он должен жить, спасти людей  
На этом берегу!  
Светить — и никаких гвоздей!  
Светить на страх врагу!

Воронки черные часты:  
Удар — и свет померк!  
И выворочены кусты —  
Лежат корнями вверх.

И снег черней полночной мглы,  
Где «юнкеры» прошли,  
И сосен сломанных стволы,  
Как веер, полегли. . .

И снова самолетный вой,  
И вновь свистит свинец,  
Но он стоит как часовой,  
Маяк Осиновец.

Он корабли зовет сюда.  
Пусть волны плещут в борт —  
И день и ночь идут суда  
В Осиновецкий порт.

И отъезжающим вдогон  
Летит в ночную ширь  
Неугасающий огонь  
Его морской души!

## ИЗ ГОРОДСКИХ ПЕЙЗАЖЕЙ

### I

За часом час заметно выше  
Пролеты этажей растут...  
С утра до вечера я вижу  
Крановщика высокий труд:

Сначала он, проснувшись рано,  
Едва заря развеет мглу,  
По лестнице крутого крана  
Ползет, как дятел по стволу.

Потом стрелою в небе синем  
Груз поднимает без конца:  
Весь день он трудится в кабине,  
Теперь похожий на скворца.

### II

Тут невозможно без улыбки:  
Где трудолюбию предел?  
Вчера на стройку, по ошибке,  
Красавец дятел прилетел.

Он, как прораб, исполнен пыла,  
На перекрытья бросил взгляд,  
Простукал новые стропила  
И улетел в соседний сад.

\* \* \*

Опять сегодня с нами рядом,  
В честь русской славы боевой,  
Гремит салют над Ленинградом —  
Над Летним садом, над Невой.

Как будто вышила узор нам  
«Аврора» — Балтики краса,  
И Петропавловка, как зерна,  
Ракеты сыплет в небеса.

Считая залпов вереницы,  
Преобразивших высоту,  
Народ на улицах толпится,  
Стоит на Кировском мосту.

Людей, как волны, принимая,  
Гудит гранит береговой. . .  
Гремит салют, как в вечер Мая  
Гремел когда-то над Москвой.

Он будит давние тревоги,  
Как заревой фанфары медь,  
И вспоминаются дороги,  
Что довелось нам одолеть:

В дрожащем свете вспышек алых  
Край заполярный вижу я,  
И Альп австрийских перевалы,  
И сахалинские края.

И вновь смотрю, как с нами рядом,  
В честь русской славы боевой,  
Цветет салют над Ленинградом —  
Над Летним садом, над Невой.



## ПЕТР КОБРАКОВ

---

\* \* \*

Отец и мать  
До солнышка вставали,  
День, словно год, маячил впереди,  
И слышал я сквозь сон на сеновале:  
«Сынок, корову в стадо проводи».

И я вставал.  
Вставала вся округа,  
Дремала только речка в берегах,  
И, молоком пропахшая, пеструха  
Несла, качая, солнце на рогах.

Тот добрый мир  
Забудется едва ли:  
Его сквозь годы вижу и теперь —  
Распахнутые солнечные дали,  
Где нет еще ни горя, ни потерь.

### У ЛЕСНОГО ОЗЕРА

Вода на рассвете туманна.  
Ни всплеска, ни звука — покой...  
И как-то кощунственно, странно  
Коснуться прохлады рукой.

На камень присев, замираю,  
Тростинку от глаз отстраня,  
И всею душой ощущаю  
Грядущую музыку дня.

А лес уже в зареве тонком:  
В природе ни спешки, ни зла.  
Вот вижу: лосиха с лосенком  
Сторожко к воде подошла.

Застыла, радарами — уши.  
Какие ей звуки слышны?  
О, только б никто не нарушил  
Щемящей до слез тишины.

В природе все просто и мудро.  
В туманной клубящейся мгле  
Рождается доброе утро  
Для радостных дел на земле.

\* \* \*

Еще — ни ягод, ни грибов,  
Еще в запасе лета сроки,  
В невзрачной завязи плодов  
Июнь накапливает соки.

Поля безмолвны и леса,  
Но там и тут идет работа,  
И по утрам блестит роса,  
Как будто это капли пота.

## ВАЛЕРИЙ КОЗЛИН

---

\* \* \*

Взъерошенный воробышек,  
Чирикающий истоиво,  
Ни перышком, ни горлышком  
Не вышел ты в солисты!

Куда там горожанам  
До жителей полей!  
Твой голосок с изъяном,  
Чердачный соловей.

А песенка обычная,  
Она про пыльный сквер  
Да про трубу фабричную,  
Нацеленную вверх.

С утра сияет солнце —  
Пернатого отрада, —  
И оттого поется,  
И нету с этим сладу!

## АЛЕКСАНДР КОМАРОВ

---

\* \* \*

Старик с корявою клюкой  
сидит на солнцепеке  
и гладит слабою рукой  
морщинистые щеки.

Не злопыхатель никакой  
и никакой не сплетник.  
Его не радует покой  
его деньков последних.

Но он на мир не держит зла,  
души тоска не гложет:  
он знает — сила убыла  
к тому, кто помоложе.

Нет никого у старика  
давно на этом свете,  
лишь рядом — ящик для песка,  
а в нем — играют дети.

\* \* \*

Приговоренным от рожденья  
здесь жить и пользоваться кровом, —  
сей город словно наважденье  
ежеминутное дарован.

В поселок дальний иль в столицу  
прибудешь — примут, потеснятся.  
А он все снится, снится, снится,  
как и любимые не снятся.

# МАРИЯ КОМИССАРОВА

---

\* \* \*

Нет, не по мраморным  
Ступеням  
Навстречу  
Утренней мечте, —  
Я шла,  
Не зная  
Отступлений  
И доверяя  
Высоте...

О, на Вершины  
Восхожденье!  
Сиянье чистое  
Снегов!  
Потоков солнечных  
Рожденье  
И в Завтра  
Вековечный зов!

## О МИРЕ

Не жалею на то,  
Что так жила,  
Что нежность рук своих  
Не сохранила,  
Что в дни войны  
По сердцу, как пила,

Ходила боль  
И счастья не сулила.  
Не жалуясь,  
Что трудно было мне...  
А разве Ленинграду  
Было легче?  
И тем, кто молча  
Умирал в огне?  
И тем, чьи в бронзу  
Одевались плечи?

Не потому ль солдатская стезя  
С тех пор на сердце,  
Как живая рана?  
Ни отболеть ей,  
Ни зажить нельзя,  
Она болит  
И ныне непрестанно...

Ударь, победный колокол,  
В набат,  
Благовестуй, не умолкая,  
Людам  
О мире на Земле,  
Зови солдат  
Растить хлеба,  
Заставь молчать орудья!

Пускай придет на Землю  
Тишина.  
Воскреснут травы,  
Полные доверья.  
И раненые  
Добрые деревья  
Погладит ласковой рукой  
Весна!

#### НА ФИНСКОМ ЗАЛИВЕ

Я все здесь,  
Как впервые,  
Замечала:  
Вот — чайка  
Закачалась на волне,

Но вострепелась вдруг  
И закричала,  
Как будто вчуже  
Жаловалась мне.

О чем тоскует птица?  
Что ей надо?..

А мне бы руки окунуть  
В лазурь,  
И плыть  
Раздольем песенного лада,  
И не встречать  
Больших и малых буры!

\* \* \*

Найти слова,  
Которым нет цены,  
И все отдать их людям,  
Без остатка.  
Они такие только и нужны —  
Для полного  
Душевного  
Порядка!

\* \* \*

Я тоже,  
Как в поле былинка,  
Росла,  
Цвела,  
Зеленела  
И звонко смеялась,  
И самой желанной  
Кому-то была,  
Кому-то светло  
В сновиденьях являлась.  
Кого-то сама  
До рассвета ждала.

Придет — не придет,  
По ромашке гадала.  
Кого-то встречать,  
Задыхаясь,  
Бежала,  
Кому-то черемухой белой  
Была.



## НИНА КОРОЛЕВА

---

\* \* \*

От любимой работы — и так уставать,  
Так выматывать силы и света не видеть!  
Я могла бы любимого возненавидеть,  
Я могла бы ребячью судьбу прозевать...

Говорит мне подруга: «Да брось ты ее,  
Сразу станет легко». Отвечаю ей: «Что ты,  
Это горе мое, но и счастье мое,  
Как же я без нее, без любимой работы?»

Вот разложены выписки на стеллаже.  
Вот страница оборвана на полуслове.  
Вот с наклейкой «Еще» и с наклейкой «Уже»  
Две картонные папки лежат наготове.

И раскрыта машинка. И матовый свет  
Так удобно от бронзовой лампы струится,  
Что, наверное, я и родилась на свет  
Для того, чтоб заполнить пустые страницы.

Ведь мое без меня не напишет никто.  
«Что ты дома сидишь, замарашка и соня?  
Ты не сшила пальто?» Я не сшила пальто —  
И уже не сошью его в этом сезоне.

\* \* \*

Полынный ветер стих. Спадает зной.  
И сын, мое сокровище, со мной.

Однообразен ход прекрасных дней.  
Сияют халцедоны меж камней.

В морской дали, чуть видимый для глаз,  
Плывет дельфин как надувной матрас,  
И море неподвижное плывет,  
Чего еще тебе недостает?

Недвижным кораблем в морских волнах  
Застыл вулкан потухший Карадаг.  
За ним дороги пыльная змея.  
За ней Россия, родина моя.

Там город мой. И дом удобный мой.  
И человек, давно уже родной.  
Подумала — и сердцу горячо.  
Чего же мне еще? Чего еще?

Не молодость. Но зрелая пора  
Уменья, мастерства и серебра  
Слов, сказанных о мире лишь тобой.  
И золото молчанья. И покой.

И так легко дается доброта  
Прощать обиду людям без суда.  
И можно стать собою не спеша.  
Уж не в раю ли ты, моя душа?

# ЮРИЙ КРАСАВИН

---

## ГРОМ

Гром полнеба перетряс —  
Свежестью подышим!  
Дождик кинул перепляс  
Косенько по крышам.  
Дали вешние чисты,  
Выстрелила почка...  
Мне на чистые листы  
Громом пала строчка.

## ГУСЕЛЬКИ

Пели тихо для Маруси  
Гусельки Семена...  
С ним ли, с ней  
Переглянусь я —  
Светятся влюбленно  
Друг для друга!  
И струну  
Слышат величальную,  
На плечах несут одну  
Радугу венчальную.  
Этой радугой задело  
И меня по краю.  
Их любовь —  
Мое ли дело?  
Песню догоняю...  
Может быть,  
И не вернусь я  
С песенного гона...  
Пели б тихо для Маруси  
Гусельки Семена.

## АНАТОЛИЙ КРАСНОВ

---

\* \* \*

Спасибо, жизнь, за то, что ты дала мне слово,  
Чтоб мог я говорить, когда молчать не мог,  
Когда болит душа и средства нет иного,  
Чтоб утолить ее, но есть российский слог.  
Нет, я не разлюбил ни море, ни березы, —  
Красу земли своей кто может разлюбить?  
Еще горит заря, еще сверкают росы,  
Чтоб оживлять глаза и душу не слепить.  
Благодарю за все — за небо и за море,  
За то, что предо мной их даль была светла,  
Благодарю за то, что летом и зимою  
В моем пути всегда любовь со мной была.  
Я говорю о них — о Родине, о чести,  
О милой, о друзьях-товарищах моих,  
С которыми иду одной дорогой вместе  
И славлю жизнь земли, как мысль и дело их.

\* \* \*

Пробивалась первая листва,  
И уже подснежники белели,  
Открывалась нам с тобой Литва  
В молодом и солнечном апреле.

И бескрайно наполнялась высь  
Светом и прямым и отраженным  
Там, где Вильна с Нерингой слились  
И неслись в теченьи сопряженном.

Я не знаю, правда или сон,  
Отсветом поэзии иль прозы,

Там, где серый камень иль бетон,  
Чистое явление березы.

Перед взором вот она, стоит,  
Тихая, зеленая, прямая,  
Нежность и доверчивость таит,  
Мужественно время принимая.

И струилась вверх ее листва,  
Птицы о весне и жизни пели,  
Открывалась нам с тобой Литва  
В молодом и солнечном апреле.

## ПЕРВЫЙ ШАГ

Дела твои,  
        коль вышел на большак,  
усиливает времени течение.  
... Вот человек сделал  
                                первый шаг,  
еще не осознав его значенья.

Всего-то —  
        шаг ...  
Споткнулся и упал.  
Ему привычней быть  
                                на четвереньках.  
Но, отдохнув,  
он вновь неловко встал...  
Стоит и умирляет дрожь в коленках...

Теперь — пойдет!  
Хоть многих насмешит,  
пока пойдет размашисто,  
                                свободно.  
Еще он столько в жизни совершит!  
Но первый шаг  
он совершил сегодня.

## ПОЛЯНА

Была поляна перед домом,  
что знала слезы,  
знала смех...  
Ее мы оглашали громом  
баталий детских  
и потех.

Взвивались в небо наши змеи,  
и голуби летели ввысь.  
Тут мы выросли,  
                                став смелее,  
здесь первые мечты сбылись.

Мечты о дружбе  
и о чести,  
о первой  
трепетной любви,  
когда ни лжи, ни зла, ни лести  
и так понятны соловьи! . .

. . . Теперь,  
                                коль в прошлое я гляну,  
пойму, забыв про все дела,  
что эта самая поляна  
дорогой в небо мне была.

#### РУССКИЙ ЯЗЫК

Язык народу дан навырост,  
он —  
                                воля сердца и ума.  
Какие дали в нем скрестились —  
Урал,  
                                Поморье,  
  Кострома!

Какие тайные понятия  
им пораспутаны давно.  
Хочу взглядеться и понять я:  
ведь что ни слово —  
  то зерно.

Зерно большой,  
                                высокой мысли,  
зерно любви и нелюбви. . .  
Вот и попробуй —  
                                поисчисли,  
вот и попробуй —  
  обнови!

Каких чудес не повидали,  
каких не сотворили дел! . .  
. . . А вот не обошлось без Даля:  
в какую даль он, Даль, глядел!

### НАД БЕРЕСТЯНОЙ ГРАМОТКОЙ

Нет, не поросли века коростой —  
в даль взглядишь  
и душу обнови.  
. . . Как письмо из прошлого,  
береста —  
весть печали,  
боли  
и любви.

Чье-то затаенное желанье  
выводила трепетно рука.  
Грамотка,  
наивное посланье,  
вышло так —  
в грядущие века.

. . . Как бы нас остуда ни знобила,  
как бы ни хрипели вслед года —  
все, что было, сердце не забыло  
и не позабудет никогда.

### Я-ТО ПОМНЮ...

Все равно —  
пиши ли прозой,  
заглубляйся ли в глубины  
новомодного стиха,  
знаю — ждет меня береза,  
знаю — ждет меня рябина,  
знаю — ждет меня ольха.

Я, конечно же, поеду,  
я, конечно, пошагаю,  
я, конечно, поплыву.  
Поклонюсь, как прежде, деду,





Любая трава и кустарник  
в безводье подобны золе.  
А жилистый  
                    сизый татарник  
растет на бескровной земле.

Растет и цветет, словно роза,  
хоть мир раскален добела.  
И вдруг вспоминаешь, что проза  
у Пушкина тоже была.

\* \* \*

А много ль надобно отваги  
слова расставить на бумаге?  
Поставить в стройный ряд,  
                                    по чину,  
найти достойную причину.

И так —  
                    чтоб боль  
осталась болью,  
судьба — судьбой,  
любовь — любовью.

И правда — правдой,  
долгом — долг...  
Когда не так —  
                                    какой в том толк?

... Вот потому, коль нет отваги,  
я не коснусь пером бумаги.

## ЛЕВ КУКЛИН

---

### ВОЕННАЯ КАРТОШКА

Устав не понарошку,  
Продрогнув по росе,  
Копаю я картошку  
На дальней полосе.

Голодный я — ужасно,  
Но ничего, терплю.  
На непослушный заступ  
Босой ногой давлю.

В ботве пожухлой мыши  
Шныряют из-под ног.  
Меня-то ростом выше  
Тяжелый черенок.

Копаю я, копаю,  
Хоть клада не таю.  
Зато я твердо знаю:  
Отец убит в бою.

Я помню похоронку  
И мамин крик в ночи,  
Голодную сестренку  
В тулупе на печи.

Была ничуть не странной  
Невылитая боль;  
В солонке деревянной —  
Немолотая соль.

И ясно, лучшей в мире  
Осталась на года  
Картошка та в мундире —  
Военная еда



И глядь — не нужен гром оваций,  
Но сад в цвету,  
  сосновый бор,  
И мыслей, чувств, ассоциаций  
Неспешный,  
  вольный перебор. . .

\* \* \*

Все нужнее побыть одному,  
Все трудней одному оставаться:  
Не смеяться, не пить, не трепаться, —  
Разобраться: зачем?  
  Почему?

Есть все время работа уму!  
Непрерывна, бессменна, бессрочна,  
Лишь со мною уйдет — это точно!  
Все важнее побыть одному!

Отогнать суету, кутерьму.  
Дурака сам с собой не валяю,  
Негативы души проявляю.  
Что за снимки там?  
  Нет, не пойму. . .

Трудно нынче побыть одному:  
Сын в войну в коридоре играет  
И вопросов отцу подбавляет, —  
Я на все не отвечаю ему!

Остановится время в доме —  
Без собраний, звонков, деклараций.  
Нужно с мыслями тихо собраться. . .  
Очень нужно побыть одному. . .

# НИКОЛАЙ КУТОВ

---

## ЗАПОЛЯРЬЕ

Край краткого скупого лета,  
Край капитанов,  
Край электричества, край света,  
Плотин и кранов.

Как много у него профессий,  
Богатств, простора!  
Текут повсюду реки-песни,  
Блестят озера.

И сопки в облаках витают,  
Покрыты снегом.  
Два моря сушу омывают,  
Сливаясь с небом.

Край заполярный, корабельный,  
Край долгой ночи,  
Гористый, тундровый, метельный,  
Красивый очень.

Край средь других не одинокий,  
Край рек хрустальных,  
Такой родной — такой далекий,  
Такой не дальний!

\* \* \*

Любви похожей не бывает,  
У каждой есть свои секреты,  
Всегда их что-то отличает, —  
Слова, поступки и приметы.

Но есть в самих влюбленных сходство:  
На все их чувства переходят

И люди честность, благородство,  
Как и в себе, в других находят.

В чертах прохожих замечают  
Влюбленные — черты друг друга.  
Их жизнь весенними лучами  
Озарена, как солнцем юга.

Любви похожей не бывает,  
Но, радостные, словно дети,  
Так схожи те, что забывают  
В объятьях жарких все на свете.

### ГОРОД НА СУХОНЕ

С жизнью не шумной, не суетной,  
Этих краев старожил,  
Маленький город на Сухоне  
Прежде казался большим.

Но, знаменитый умельцами,  
Город, что с детства знаком,  
На расстояньи уменьшился,  
Тихоньким стал городком.

Только необычайное  
Вместе с обычным всегда...  
Город, как будто нечаянно,  
Переиначил года.

И дорогими приметам  
Детство приблизил ко мне,  
И с городами заметными,  
Новыми встал наравне.

Город с постройками древними  
Вижу, как в детстве, опять.  
Стал он все больше со временем  
Места в душе занимать,

Рядом и на расстоянии  
Краше, милей становясь...  
С городом нет расставания,  
С ним не кончается связь.

## АННА КУТЫЕВА

---

\* \* \*

Глаза у любимого — два запотевших окна.  
Лишь яркий огонь проникает сквозь потные стекла.  
«Я должен уехать. Неделю побудешь одна».  
А дождь все идет, и опять штукатурка намокла.

«Лечу в Токтогул». И молчим, и подолгу без сна.  
Лежим — одеяло до носа — в холодной постели.  
Глаза у любимого — два запотевших окна.  
Я тру их рукой, но не с той стороны запотели.

\* \* \*

От слов и предчувствий не маюсь.  
К приезду не выбелю дом.  
Но я без тебя задыхаюсь,  
Как рыба зимой подо льдом.

Тебе ли — земной этот график?  
А крылья подвязывать — стыд.  
И ворох сухих фотографий,  
Как листья, шуршит и шуршит.

Квартира, устав на работе,  
Утихнет. Глухая пора.  
А лампу в подъезде напротив  
Не гасят всю ночь до утра.



## АЛЕКСАНДР КУШНЕР

---

\* \* \*

Ах, эта ночь, этот плащ на железном гвозде,  
Жирная зелень и яркая лампа в сто ватт.  
Лампу гашу, но нельзя же сидеть в темноте!  
И мотыльку говорю я: Ты сам виноват.

Загримированным кажется сад, но никак  
Сообразить не могу, подо что, под кого?  
Если б листва не кипела, не ерзала так,  
Мне, может быть, разгадать удалось бы его.

Кто-то томится, и тополь подходит к нему,  
Сбить предлагая жестокое пламя и пыл.  
В августе бог принимает, как врач, на дому.  
Если пойти к нему, скажет: Ты сам полюбил.

Падают звезды. С шоссе ударяют лучи  
Белых, сверкающих, словно заплаканных фар.  
Сколько здесь бархата, шелка, фланели, парчи!  
Глянцево-гладкий, волнисто-ворсистый кошмар.

Весь он умрет... по сравнению с тем, кто не весь,  
В лире продлившись, — его безнадежны дела.  
Что до любви, то она бы сошла за болезнь,  
Если б любовь, как болезнь, излечима была.

Передо мной то зеленый провал, то пятно,  
То содроганье и приступ с захлестом тугим.  
Сад бы напомнил безумие, если б оно  
В шуме листвы не казалось прекрасным таким!

## ПЧЕЛА

Пятясь, пчела выбирается вон из цветка.  
Ошеломленная, прочь из горячих объятий.  
О, до чего ж эта жизнь хороша и сладка,  
Шелка нежней, бархатистого склона покатый.

Господи, ты раскалил эту жаркую печь  
Или сама она так распалилась — неважно,  
Что же ты дал нам такую разумную речь,  
Или сама рассудительна так и протяжна?

Кажется, память на время отшибло пчеле.  
Ориентацию в знойном забыла пространстве.  
На лепестке она, как на горячей золе,  
Лапками перебирает и топчется в трансе.

Я засмотрелся — и в этом ошибка моя.  
Чуть вперевалку, к цветку прижимаясь всем телом,  
В желтую гущу вползать, раздвигая края  
Радости жгучей, каленьем подернутой белым.

Алая ткань, ни раскаянья здесь, ни стыда.  
Сколько ни вытянуть — ни от кого не убудет.  
О, неужели однажды придут холода,  
Пламя погасят и зной этот чудный остудят?

\* \* \*

Подозревается звезда,  
Что у нее есть спутник темный.  
Срывает в Пулковке с куста  
За каплей каплю ветр бездомный.  
(Видна меж веток тень гнезда.)

Фотографированье звезд,  
Обмеры их и обработка. . .  
Земля, земля, контрольный пост  
Вселенной, видимой нечетко!  
(Торчит наружу птичий хвост.)

Мерцал серебряный браслет,  
Сверкали капли на отлете. . .

Через десяток светолет  
За фотографией зайдете!  
(Пух реет в прутьев переплете.)

Так вот где Греция! Сметен  
Наивный мир ее устоев,  
Но в небе тесно от имен  
Богов, кентавров и героев.  
(Увы, недолог птичий сон.)

(На два часа дано уснуть.)  
Напоминает Млечный Путь  
Рентгеноснимок: та же дымка  
И тьма межреберная... Грудь  
Прижал к экрану Невидимка.

Он болен жизнью. Комаров  
Не счесть, и жалят, настигая.  
Мы на окраине миров,  
Вот почему печаль такая!  
(Недолог сон, непрочен кров.)

Любовь моя, беду терпя,  
Душа свеченье излучает.  
Материя сама себя  
Всю ночь прилежно изучает.  
(Жилье колышет и качает.)

(О ночничок на пять свечей!)  
Земля в сиянии лучей,  
Кусты с их яркими слезами.  
Не прилетайте к нам! Ничьей  
Не надо жалости. Мы сами.

Вспухают кроны, дышит грунт,  
И горизонт круглится плавный.  
Земля, земля, контрольный пункт  
Добра и зла, борьбы неравной!  
(Когда б не птичий контрапункт...)

Среди жасминовых кустов  
Меня по Пулковку водили.  
Астрономических трудов  
Невероятны будни были.  
(Ты кто, из пеночек, дроздов?)

(Твой тихий вскрик похож на хруст.)  
Когда б не белый этот куст,  
Не белый куст за бледной мглою,  
Когда б не горечь этих чувств,  
Когда б не жизнь моя с тобою...

## НАТАЛЬЯ ЛАНКОВСКАЯ

---

\* \* \*

Стареет день под шум дождя.  
Слезятся окна желтым светом.  
А листья быстро облетят,  
Но дело, может быть, не в этом.  
    И дело, может быть, не в том,  
    Что скор сердитый шаг прохожих,  
    Что хмуры лица под зонтом  
    И силуэты так похожи;

И я сама, как все вокруг,  
Спешу, кружу среди тумана,  
Не вынимая зябких рук  
Из неглубокого кармана...  
    В мозгу мотивчик, трам-там-там,  
    С утра вертелся (надоело!),  
    Как будто что заело там...  
    Но, может, и не в этом дело...

Но в чем же дело, вот вопрос?  
Ведь что-то важное, казалось,  
Должно случиться, началось,  
По крайней мере начиналось?..  
    А если это ерунда,  
    Тогда откуда напряженье,  
    Дрожанье нервов и куда  
    Весь вечер быстрое движенье?..

## ВЛАДЕЛЬЦУ СОБАКИ

Строите ли вы рожи,  
Чистите ли нос со стараньем, —  
Собака, поодаль лежа,  
Взирает на вас с обожаньем.

Любое деянье ваше  
В глазах ее — священнодействие.  
Нет вас мудрей и краше  
Ни в мире, ни по соседству.

За вас она бросится в реку,  
За вас она ринется в драку. . .  
Хозяин, будь человеком,  
Не обмани собаку.

# БОРИС ЛЕВИН

---

## НАГРАДА

Вполсудьбы, вполнакала  
в зале марши звучали.  
Нам медали вручали  
цвета травленной стали,  
цвета вьюги и дали —  
на границе печали. . .

А на ленточках смело  
три полоски адели:  
седине отвечали,  
что не надо печали! . .  
Три полоски, три доли,  
три березки у поля —  
юность, зрелость и старость,  
ох, не всем вы достались;  
три полоски, три радости —  
юность, зрелость и старость,  
скольким сестрам и братьям  
не видать этой алости. . .

На кружочке два слова:  
«Ветерану труда», —  
поколение отковано  
навсегда, навсегда;  
а огню полуденному  
седина нипочем.  
Эх, по полю пройденному —  
три полоски огнем! . .

## ПОД НАРВОЙ

Клюква под Нарвой в болотистых рощах —  
темная, крупная, в белом морозце! . .

С кочек горстями ее собирали,  
кочки под нами качались коврами,  
изредка пули шальные свистели,  
только на пули плевать мы хотели.  
Ноги тонули в болотных оконцах —  
клюква на блюдечках, клюква на донцах.  
В ней, подмороженной, неугасима  
кислая, злая, веселая сила.  
Лед по болотцам — хрупкие комья,  
яркое небо — все к перелому.  
Все — к наступленью.

С переднего края —  
красная, терпкая сила земная! . .

## КРАСОТА СТАНИН

Станины. . . Слово-то какое —  
большого, прочного покоя.  
Сеченья плоти их литой —  
под сборку плоские откосы —  
как будто грани у торосов  
манят скользящей чистотой.  
Движенья плавность и покой  
еще на них не опустились;  
но вот придет тепло усилий  
и оживит их. . .

А пока  
гляжу на грубые бока,  
где рядом с коркою видна  
зеркальных срезов глубина,  
где тонкость грубости пристала, —  
и эти два лица металла  
полны значенья для меня,



\* \* \*

— Пей чай, остынет. . . — Нет, не слышит.  
И смотрит, словно сквозь стекло.  
Негромкий дождь стекает с крыши.  
На кухне тихо и тепло.

Но вот очнулась, оглянулась,  
засуетилась у стола  
и так смущенно улыбнулась. . .  
— Послушай, где же ты была?

— Да так, забылась, — отвечает. —  
Потом, быть может, расскажу.  
Давай-ка лучше выпьем чаю,  
давай варенья положу. . .

— Ну положи. — Ведем беседу.  
И вот уж я и сам лечу  
за мыслью призрачной по следу  
и чайной ложечкой бренчу.

А мысль уже за краем света,  
во тьме резвится и парит.  
А нежный голос рядом где-то:  
— Пей чай, остынет, — говорит.

## ИВАН ЛЕНЬКИН

---

ТАМ, НА ШЕЛОНИ...

(О стихах Ивана Ленькина)

Много, много раз я ездил по этой дороге. Крутой поворот влево — и мост, и река, под стать великим русским рекам, исполненная медлительной силы, то налитая небесной синевой, то маслянисто-серая, как поток лавы, то потемневшая, буревая, то в прозелени первого льда, то в слепяще-яркой чешуе мартовского наста. И название у реки — из глубин нашей истории, призывное, и тревожное, и раздольное — Шелонь. Шелоником новгородцы звали юго-западный ветер. И была у них поговорка: «Шелоник, на море разбойник». А рядом созвучное, родственное по духу — шелом. Река Шелонь — ратная, порубежная. Вслушайтесь в самое это слово — Шелонь. И почувдится дальний звон, и звук претворится в образ, поэтический, дивный...

Вся Новгородчина издревле питала русское искусство образами, придавала ему особую музыкальную тональность, словесный узор. Природа севера Русской равнины будто нашептывает, навевает стихи, слагает строфы, отлаживает ритмы. Природа здешняя обладает особенным даром гармонического самовыражения.

Однажды мы возвращались с моим новгородским товарищем из похода по Ловати, Рдейским озерам. На мосту через Шелонь товарищ сказал: «Здесь, в Старом Шимске, живет поэт Иван Ленькин. Хочешь, зайдем к нему». Я сказал, что, конечно, хочу.

Ленькин пришел к дежурства на нефтебаз, где работает охранником. Вскоре, за наспех собранной на стол закуской, выяснилось, что главным делом жизни старошимский сторож, огородник, рыбак почитает сочинение стихов. Он самый усердный член новгородского литературного объединения «Радуга». Ленькин читал и читал стихи, с неугомонностью ручья, с неутомимостью дятла.

Ивана Ленькина лучше не слушать, лучше его стихи прочесть, тогда путь к Поэзии станет короче. Позже, разбираясь в отданной мне пухлой папке со шнурами-завязками, я буду радоваться его стихам, как радуюсь встрече с Шелонью и Ильменем.

...Здесь с песней ветра слит мой голос  
И с вешней трелью соловья.  
Я — ветка яблони, я — колос,  
Травинка малая — все я.

Иду, дышу простором росным.  
Иду, судьбой моей горжусь.  
С полями, с лугом сенокосным  
Я никогда не распрощусь.

Это — строки из стихов Ивана Ленькина, тотчас подкупающие даже самого неизощренного читателя — в высоком смысле — младенческой безыскусностью, пронзительной искренностью, цельностью и естественностью мировосприятия.

Ленькин научился слагать стихи, живя свой век в сердечном единении с русской природой, зная всю череду крестьянских работ... У него можно найти не только отдельные удачные строчки, но и целые стихотворения, построенные, может быть, и стихийно, но обязательно по закону гармонии, подсказанному автору самой природой. Простоту этих стихотворений можно счесть за синоним самой подлинной красоты, доброты и сердечности.

*Глеб Горышин*

## ШЕЛОНЬ

Стоят зеленые сосенки  
На берегу твоём крутом.  
Я просыпаюсь утром звонким,  
И чайки машут мне крылом.

В твоей тиши я различаю  
И песнь протяжную, и гром.  
Я рыболовов здесь встречаю  
И по ночам, и белым днем.

Твою глотками пью я воду  
И не напьюсь, моя Шелонь.  
Ты — словно зеркало в погоду,  
А в непогоду — как гармонь.

Шелонь, Шелонь, ты манишь в детство.  
К тебе любовь я берегу.  
Мы — как два друга по соседству,  
А я без друга — не могу.

## ОКСАНКА

У Оксанки спозаранку  
Дел немало там и тут.  
Ноги — быстрые резвянки —  
Ей покоя не дают.

Просыпается Оксанка  
И скорей: «Мамань, одень!»  
Начинается гулянка  
У Оксанки на весь день.

То платок не так повязан,  
То косичка расплелась,  
То случилось что-то с глазом, —  
В избу к маме шасть да шасть.

Шаловливую Оксанку  
То встречай, то провожай,  
Дверь играет как тальянка —  
Хоть совсем не закрывай.

## ОТТЕПЕЛЬ

Вовсю горланят петухи —  
Предвестники тепла.  
И снег, что был вчера сухим,  
Сползает со стекла.

Оттаяли все лужицы,  
Летит капель с берез.  
Зима вот-вот разрушится —  
Ушел седой мороз.

И воробьи-разбойники  
Распелись, как весной,  
Под нашим подоконником  
Шумят наперебой.

Обрушилось лавиною  
Тепло на грудь полей,  
Под елкой и осиною —  
Январский водолей.

## У ВОКЗАЛА

У вокзала шутки, песни,  
Дробный топот каблуков.  
Три села собрались вместе  
Проводить призывников.

Под баян, наудалую,  
Широко раздвинув круг,  
Парни пляшут и целуют  
Дорогих своих подруг.

Громыхнули, прозвенели  
По составу буфера.  
Очи женщины погрустнели:  
Сыновьям в вагон пора.

Нету слезы лить причины,  
А поди тут не пролей!  
В стороне стоят мужчины,  
Не смущают сыновей.

Вот пошли, пошли вагоны. . .  
И, изогнутый серпом,  
Весь состав темно-зеленый  
Скоро скрылся за холмом.

Что ж, разлука не размолвка,  
Не затмился белый свет.  
И подружки долго, долго  
Тем вагонам смотрят вслед.

## ЗАКОН ЗЕМЛИ

Земной простор пророс насквозь  
Ростками буйных трав.  
И кажется: лишь зерна брось —  
Они взойдут стремглав.

Пшеница встанет во весь рост,  
Взвихрится деревцо.  
Закон земли предельно прост:  
Одаривать творцов.

Язык земли предельно прост,  
Творцам понятен он:  
Шагать сквозь годы в полный рост —  
Таков людской закон!

\* \* \*

Дает природа сроки  
Работе сельской всей.  
Май подсушил дороги —  
Паши поля и сей.

Гудит пчелиный улей.  
Вокруг в цветах луга.  
Коси траву в июле,  
Ставь кучные стога.

Чуть августа страницу  
Сентябрь перелистнет —  
Жни спелую пшеницу,  
Лен очереди ждет.

## АЛЕКСЕЙ ЛЮБЕГИН

---

\* \* \*

Малыш, в разгар большого сенокоса  
Я спал в траве у самых губ коня,  
А жизнь меж тем тяжелые вопросы  
Старательно таила от меня.

Катилось солнце, жаркое, как хлебы  
Из русской печки голубого дня,  
А жизнь меж тем безоблачное небо  
Пахала самолетом для меня.

Но в некий час возник во мне философ,  
И я упал на землю, сам не свой,  
И окружили тысячи вопросов  
Высокой первобытную травой.

И ту траву я стал косить свирепю,  
Ей не было начала и конца,  
И безмятежно наблюдало небо,  
Как сходит гонор с потного лица.

Заря вставала вновь, простоволоса,  
Тянулась к ней примятая стерня. . .  
Малыш — мой сын — в разгаре сенокоса  
Лежит в траве у самых губ коня.

\* \* \*

На лбу у телочки откуда  
Сердечко? Глаз не отвести!  
При виде маленького чуда  
Мое сильнее стучит в груди!

Я ей принес охапку сена,  
И померещилось мне вновь,  
Что посетила наши стены  
Сама волшебница Любовь!

И не промолвив ни словечка,  
Незримо обойдя избу,  
Она оставила сердечко  
У нашей телочки на лбу.



## КОСОГОР

Нынче — мудрый и седобровый —  
Баял нам старожил села,  
Что фамилия «Соловьевы»  
С наших мест по Руси пошла...  
...Косогор вчера обезлесен  
Пляской пил, гульбой топором —  
Уголок соловьиных песен  
Стал углом продувных ветров.  
Поздно каяться, хныкать нудно —  
Мол, ошибка, стыдоба-стыдь...  
Красоту погубить нетрудно,  
Трудно вынянчить и взрастить!

## СЕЛА

В каждом названье села —  
Златынь, Сосницы, Сельцо —  
Буква любая светла,  
Как золотое кольцо.  
Русско-Высоцкое, Гать,  
Ляды, Малиновец, Лидь —  
Вас не смогли ни сломать,  
Ни красотой обделить.  
Будьте во все времена —  
Так пожелали отцы, —  
Северных сел имена,  
Звонкими, как бубенцы!

## ОТВА́ДНАЯ

Сват смешно появился в селе,  
Несмотря на теплынь, в зипуне  
И сидел мешковато в седле,  
Как ворона верхом на свинье.  
Ой, суди, ой, ряди —  
Лишь насмешки впереди.

Нудно речи про сватанье вел,  
Размыкая улыбчивый рот.  
Но, вздыхая устало, как вол,  
Получил от ворот поворот:  
«Ты плешат, старый сват,  
Зипунишко дыроват!

Ты обиды на искренних нас  
Не держи, разберись до конца,  
Не взыщи за корильный отказ —  
Ждем для дочки другого гонца!»  
Нет кручин без причин —  
Ой, не будет заручин!

## РЕЧЬ

Речиста кольская поморочка,  
Сулиха, ждыха, чернобровиста:  
«У семги знатная икорочка,  
А наша реченька уловиста!  
По бережине к водопоине  
Вела я важенку любимую,  
Бельчонок скрылся в желнобоине —  
Нырнул в сосну необхватимую!»  
Я рад, идя тропинкой скользкою,  
Нас познакомившему случаю,  
И, зачарован речью кольскою,  
Твои слова всем сердцем слушаю!

## ПОКУПКИ

На осенней ярмарке Ненила  
Белых утиральниц накупила,  
Выбрала для взбивчивых подушек  
Голубых кисейных накидушек.

Варзужанин, шевеля усами,  
Ел ее мешочными глазами,\*  
Бормотал: «Приманчива молодка!»,  
Выпустив из клетки зимородка,

Кладыльщик, что складывает печи,  
Перед нею приосанил плечи.  
Из корзины, чуть касаясь юбки,  
Выпирали горбышом покупки.

К дому своему, обновам рада,  
В сыпунце шального листопада  
Шла Ненила, на звезду похожа,  
Всех поморов красотой тревожа!

## К ЕЛЕНЕ

Сверкают, как луны,  
Гулёбные чуны —  
Нарядные сани  
Гармонщика Сани.  
Недавно со вкусом  
Он красил их лаком,  
Цветастил узоры —  
Дивитесь, поморы!  
Запряг он оленей  
В сиянье саней,  
Помчался к Елене —  
К невесте своей.  
Полозья-быстрицы  
Пылят серебром,  
Поют, как синицы  
В снегу молодом!

---

\* Мешочные глаза — шутовское прозвище варзужан, жителей села Варзуга, Мурманской области.

## ВИКТОР МАКСИМОВ

---

### СВЕТА

Ее рука  
была в моей руке!  
Она звалась так лучезарно —  
Света!  
Я счастлив был в заволжском городке,  
снял с утра.  
И знать не знал про Фета.

Мы залезали с ней  
на облака  
по лесенке таинственной и шаткой —  
до них так близко было  
с чердака,  
и дворнику махал я с неба  
шапкой! . .  
В ее руке  
моя рука была!  
Влюблен я был!  
Такие вот дела! . .

Бродили,  
под собой не чуя ног,  
«родную речь» и «пение»  
мотали!  
И ангелами падшими  
слетали  
с небес  
в забытый богом городок.

Но даже порознь  
были мы близки!  
Я ложку  
только левой брал рукою,

а к той руке  
я припадал щекою  
и вспоминал тепло ее руки! . .

Светила прежде  
и свети мне впредь!  
Те облака  
летят над миром где-то,  
летят,  
и люди щурятся от света,  
нас в небесах  
не могут разглядеть! . .

### ПОПУТКА

Полуторка промчится дребезжащая,  
замашут мне из кузова рукой!  
Давно прошедшим станет  
настоящее  
с шоссейкой за чертою городской,  
с шоферскою душой  
такую чуткою,  
с такою тяжкой тучей  
за спиной,  
с такою вот неожиданною попуткою,  
со всею моею жизнью остальной!  
Ударит  
электрическая судорога!  
Крутнет баранку  
молдаванский черт!  
За горизонт  
провалится  
полуторка,  
пыль золотая  
взор заволочет! . .  
Покуда жду,  
все травы перетрогаю,  
все горечи души  
переберу! . .  
Пускай меня шофер другой дорогою,  
совсем другой  
домчит сюда к утру!

## ДИФРАКЦИЯ

Назад оглянулся,  
и дух захватило, —  
простор,  
простеганный рельсами,  
птицей вечерней воспетый,  
зеленый вблизи,  
а поодаль войною задетый,  
явился очам,  
и слеза изменила мой взор.

Азовом запахло —  
так даль стала дивно близка. . .  
У Банного спуска  
волна полоскала медузу  
и полз по-пластунски  
пацан на баштане к арбузу,  
пчела, будто фикса,  
мерцала в усах старика.

Попристальной глянув,  
я понял, что не был он слеп!  
О, смуглый хитрец! —  
он для виду закашлял натужно,  
потом по арбузам  
глазами скользнул равнодушно  
и солью посыпал  
с горелой корочкой хлеб.

Для вида всплакнул  
и сквозь линзы волшебные стал  
глядеть за баштан  
и за парк с парашютною вышкой,  
туда —  
лет за тридцать вперед,  
где над бывшим воришкой  
по небу полуночи  
ангел в скафандре летел.

## НИКОЛАЙ МАЛЫШЕВ

---

ИЗ ЦИКЛА «БАГУЛЬНИК В ТАЮЩЕМ СНЕГУ»

\* \* \*

По-моему, все это — лишь начало  
того,  
что мне судьба предназначала,  
свою тропинку под ноги кладя.  
По-моему, все это — лишь вступленье  
в провинцию,  
где ждут стада олени  
идущего по ягелю дождя.  
Его шаги почти неразличимы,  
как будто он и сам обулся в пимы,  
оделся в серо-бурые меха  
и вот идет туда,  
где буровая,  
как гриб последний землю пробивая,  
встает среди лишайников и мха.  
Участок тот — Маринины владенья,  
за нею здесь ребята ходят тенью,  
в том сам начальник признавался нам. . .  
По-моему, нефтяница Марина  
переместилась из романов Грина,  
вернее —  
прибежала по волнам.  
По-моему, не дождь, а я в дороге,  
такой же молодой и длинноногий,  
русоволосый, рослый, ветровой! . .  
Мне так легко и так просторно в тундре,  
что нет заботы —  
тучи или кудри  
вихрятся над моею головой! . .

## ТУНДРА

Леса и высокое небо я бросил,  
расстался с теплом и домашним уютом,  
чтоб вызнать побольше житейских ремесел,  
привыкнуть к баракам,  
ярангам,  
каютам. . .

Вы знали когда-нибудь ветер упругий,  
видали сполохов слепящие пятна?  
Вы слышали, люди, рождение выюги —  
поземки вихрящейся шепот невнятный?  
Встречали вы зорьку,  
что в тундре алеет,  
держали колосья полярного хлеба?  
Вам письма,  
когда вас тоска одолеет,  
скажите,  
когда-нибудь падали с неба? . .

Стою я сейчас у морского припая,  
заждался меня вездеход на дороге.  
А тундра лежит,  
как песок, голубая  
и преданно лижет поземкою ноги!

## КОРЯЖМА

Пригласи меня, Коряжма,  
в тот пролесок у реки,  
где надрывно и протяжно  
день и ночь басят гудки,  
где, набравшаяся сока,  
в стороне от всех дорог,  
в топях  
клюква-белобока  
подставляет солнцу бок.  
Где деревья строевые,  
срок заветный торопя,  
плотно кольца годовые  
навивают на себя,



Где живут одноэтажно  
села северной Руси. . .  
Пригласи меня, Коряжма,  
на побывку пригласи,  
чтобы нас сроднили годы,  
чтоб совпало средь ветвей  
время зрелости природы  
с часом зрелости моей!

## МАРТ

Хрустальное оцепененье  
С утра  
    и тонкий синий лед.  
А днем от солнца опьяненье  
И спешка на пернатый слет,  
Где будет принято решение:  
Зря и напрасно не галдеть.  
И не кипеть от возмущенья  
По пустякам.  
    И чаще петь.

\* \* \*

Лето, лето!  
Красное лето!  
Я опять проискал до рассвета  
По полям, по лесам да по кочкам  
Две единственно верные строчки.

Лето, лето,  
Красное лето,  
Где ж ты прячешь сокровище это?

\* \* \*

Буксирами ночными вспорот  
Непрочный, слишком ранний лед.  
Мосты разъединили город,  
И транспорт дальше не идет.

Не проявляя нетерпенья,  
Не замечая мокрый снег,  
Двух берегов соединенья  
Ждет одинокий человек.

## ИГОРЬ МИХАЙЛОВ

---

### КОСЬ-Ю \*

Неказистый, некрасивый,  
но вполне пригодный плот,  
наших дерзостных усилий,  
может быть, незрелый плод,  
наше средство общения,  
водный плуг и верный друг —  
у тебя прошу прощенья,  
что воспел тебя не вдруг!

Кое-что мы разглядели,  
опыт предков оценив:  
вверх — тайгою — шли неделю,  
вниз — водою — меньше дня!  
Кое-что соображали,  
коль ишачили всюю:  
мы тебя сооружали  
над стремительной Кось-ю.

Кто слышал такую речку?  
С дальних гор пришла она —  
прихотлива и беспечна,  
неприметна и скромна,  
и бежит в глуши таежной  
в три ручья среди камней. . .  
Перейти ее несложно,  
плыть по ней — куда сложней!

Кто с нее, беспутной, спросит  
за набор отменных зол?  
То, глядишь, в течение сбросит,  
то насадит, как на кол!  
С нами плыл бывалый малый,

---

\* Кось-ю — на языке коми означает «Каменная река».

знал Кось-ю не первый год —  
мы и с ним раз пять, пожалуй,  
кувыркались в жидкий лед!  
Путь нелегок, риск огромен,  
но тем больше сердцу мил:  
все равно мы сэкономим  
уйму времени и сил!

Плыть по речке — то ли дело:  
не болота, не снега!  
То густела, то редела,  
то туманилась тайга,  
чужакам на удивленье  
вплоть до самых облаков  
возводя сооруженья  
из причудливых холмов. . .

Незабвенные картины!  
Кто не видел — не поймет.  
Может, к зарослям малины  
подтянуть удастся плот?

. . . Как ты там, в глуши таежной, —  
сберегла ль свою красу,  
так же ль ты неосторожна,  
быстротечная Кось-ю?

Так же ль плещешься, играя,  
рвешься вдаль: скорей, скорей!  
Ты все та же — молодая,  
мы — на тридцать лет старей. . .

Был и мной твой нрав изучен,  
стала ты и мне близка —  
от излучин до излучин,  
с островка до островка. . .

Много всяких рек и речек  
я с тех пор перелюбил,  
но твоей картавой речи  
и сегодня не забыл.

## МАЛЕНЬКАЯ СТАРУШКА

Когда я утром, чуть восстав от сна,  
из дому выйду, я ищу глазами  
старушку маленькую у окна,  
в очках, с подкатанными рукавами.

Начав уборкой каждый божий день,  
в движеньях экономна, энергична,  
она повытирает пыль везде  
и блеск на стекла наведет отличный. . .

Раздвинув осторожно занавески  
и поливая тщательно цветы,  
о чем, скажи, раздумываешь ты?  
О том, как сына помирить с невесткой?  
Как позаботиться о детворе,  
пока родители в командировке?

. . . Вот коврик выбивает во дворе,  
вот вешает бельишко на веревки. . .

И весь-то день хлопочет, семена,  
как будто ей усталость незнакома.  
На ней, конечно, зиждется семья,  
она — хранитель, «добрый гений» дома,  
из тех, что отдыхают раз в году,  
и то когда простудятся и слягут,  
а умирают где-то на ходу,  
разволновавшись от сыновних тягот.

. . . Н а ш добрый гений рано отлетел:  
все та же беспощадная блокада. . .  
Не потому ль был труден мой удел,  
не потому ль все шло не так, как надо?

Чужая бабушка, чужая мать. . .  
С чего ж порой, остановившись резко,  
я так боюсь внезапно увидеть  
задернутые глухо занавески?  
И лишь потом взгляну в ее окно —  
и сердце отпускает понемногу:  
все чисто, прибрано, подметено. . .  
Пока что все в порядке, слава богу. . .

Как много было пролито Еленой  
Денисьевой соленых, горьких слез,  
чтоб тютчевских элегий несравненный  
щемящий звук в поэзии пророс!

Какой был нужен сплав, где уйма боли,  
жестокость, жалость, и восторг, и страх,  
чтоб стала вдруг Калашникова Оля  
русалкой вольной в пушкинских стихах!

А горничная Гаша, в светлый час  
Толстому растревожившая душу, —  
той, с мокрою смородиною глаз,  
слегка косящих, — Масловой Катюшей!

Ушло безропотное существо —  
остались в книге взгляд, черты и речи. . .  
Но ей-то разве легче оттого,  
что он ее беду увековечил?

Искусство — как Молох, не дрогнув бровью,  
бесстрастно ждущий всех, кто внидет в храм:  
не сытый нашей собственной кровью,  
он жаждет крови тех, кто дорог нам!

\* \* \*

Учитель речь ведет издалека.  
Внимательны глаза ученика.  
Но кто из них сильнее, кто слабей?  
Попробуй вникнуть глубоко и тонко:  
Сильнее станет взрослого рука,  
Держась за руку тонкую ребенка.

### В ЭВАКУАЦИИ

Мы пишем о том, что сегодня болит, —  
Минувшие боли душа не хранит.

Мой сверстник блокадный, нам в год или в пять  
Всеобщего горя еще не понять.

Огромный и добрый, нас принял Урал,  
Могучим заслоном от голода стал,

Там вкусная осень, и даже зима  
Хрустела как корка... Мы ждали письма.

...Опухшую маму привозят с вокзала:  
Вдоль стенки прошла — и меня не узнала.



## СВЕТЛАНА МОЛЕВА

---

\* \* \*

Растаял первый снег на крыше —  
Октябрьский мимолетный снег. . .  
И стало слышно: тополь дышит  
Растерянно, как человек.  
Ведь он еще листвы не сбросил,  
Такой зеленый и живой,  
А уж зима, минуя осень,  
Шумит над самой головой.  
И веет холодом недужным  
Из-за холмов, издалека.  
И резко отразились в лужах  
Наснеженные облака.  
Войду в избу, закрою сени,  
Храня домашнее тепло.  
Походкой медленной, осенней  
Пройдусь по дому тяжело.  
Тоской охвачена мгновенной,  
Начну вещички собирать. . .  
Еще нельзя, еще не время  
Себя покою уступить.  
Надежно книги упакую,  
Багаж прикину на руке,  
В свою квартиру городскую  
Сбежать пытаюсь налегке  
От близкой стужи,  
От смятенья,  
От света снега на лугу. . .  
Но все тяну, тяну мгновенья  
И понимаю: не могу. . .  
И, медленно свыкаясь с болью,  
«Да что же, — думаю, — со мной? . . .»  
А уж зима, почуя волю,  
Шумит над самой головой.

Город оттепелью разорен,  
Весь разбит на обломки и брызги,  
На кубы, треугольники, призмы, —  
От асфальта февраль отделен.

Город оттепелью зачернен,  
Кое-как заштрихован ветвями,  
На табло обозначен нулями  
Неустойчивый мокрый циклон.

Город оттепелью оглушен,  
Но настроены чуткие нервы —  
И весны, отдаленной и верной,  
Приближается тающий звон.

Что же будет?  
А будет светло.  
Петропавловкой выстрелят почки.  
И ни строчки не будет, ни строчки —  
Как молчанье далось тяжело. . .

## ГЕННАДИЙ МОРОЗОВ

---

### КОГДА В КАСИМОВ ПРИЕЗЖАЮ...

Когда в Касимов приезжаю,  
Где годы детские прошли,  
Я с тихой грустью вспоминаю,  
Как мы, настырные, росли.  
Как наши матери и бабки  
Нас поднимали, огольцов,  
Как мы донашивали шапки  
Пропавших без вести отцов,

### ФРОНТОВОЕ ПИСЬМО

*Памяти отца*

Над старым письмом замираю...  
Ты пишешь: «Воюем... Зима».  
Отец мой! Да что я узнаю  
Из строчек скупого письма?  
Но связь есть живая меж нами,  
Когда я читаю сейчас:  
«А как у вас, Тася, с дровами?  
И есть ли картошка у вас?»

А вот про меня: «Как здоровье  
Сынишки? .. Пиши, не тай...»

И слиплись от слез, как от крови,  
Соленые губы мои,

## КОРОВЫ

### 1

Нет, память, ты не позабыла —  
Такое в жизни нашей было.  
Ничуть не покривлю строкой:  
Коровы жрали чернобылы,  
Несли горькуху-молоко.

Худы, мосласты, ноги в язвах,  
Как кровяной подтек — глаза. . .  
Коровы яро грызли прясла,  
Могли бы выглотать леса.

Давясь, жевали ежевицу,  
Перекопытили весь луг.  
Им не скребли костяк скребницей,  
Слегка прихлестывая вицей, —  
Их запрягали бабы в плуг.

### 2

Тем суховейным летом знойным,  
Послевоенным, беспокойным,  
Я вырастал, мужал и креп.  
Держась за старенький подойник,  
Шел с матерью в прохладный хлев.

Корова, стоя у лабаза,  
Щипала мелкий мох из паза  
И, злых слепней хвостом гоня,  
Глубоким, грустным, карим глазом  
Глядела молча на меня.

Упрятав пряди под косынку,  
Мать молоко цедила в крынку.  
Буренка терлась о столбы,  
И моховинка, как сенинка,  
Свисала с горестной губы.

## ПОСВЕТЛЕЛО

Ах, как нынче кругом посветлело!  
И озера и речки чисты.  
Даже в кадках вода засинела,  
Блещут крупной росой кусты.

Неоглядно широкое поле,  
Окский бор басовито гудет.  
Наша бабушка в темном подоле  
С огорода картошку несет.

Я гляжу в предосенние дали.  
Знаю, нету милее земли,  
На которую листья упали,  
На которой цветы отцвели. . .

## ЛЕВ МОЧАЛОВ

---

### В ОСЕННЕМ ЛЕСУ

Мы входим в шум.

И ходим в шуме  
задумчиво и оглушенно.

И не ругаемся,

не шутим.

И для отвода глаз — кошелка.

В каком смятении осинник!

Еще такого не бывало.

И кажется, он не осилит

готовящегося обвала.

Под натиском тоски и боли —

еще секунда —

и крушенье!

Но это

только вздох глубокий  
да желтого листа круженье.

А солнце — крохотно и зыбко —  
скользит лодчонкой по вершинам.

Шумят,

шумят косноязыко

они во сне несокрушимом,

нас вещим шумом засыпают,

листвой обрушиваясь косо.

И наши беды

засыпают,

и мы не чувствуем наркоза...

Не унесешь в кошелке шуму —

все мимо сыплется и мимо.

К нему —

несметному, большому —

лишь тянемся неуголимо.

## РАДИОГРАММА ИКАРА

Теряю запас высоты.  
Еще полминуты — и финиш.  
Точнее, финал. . . И ты,  
родная земля, меня примешь.  
Прости же, что дерзость имел  
на свет появиться до срока.  
Мой — непослушанья — пример  
учтен! Я наказан жестоко.  
Но совесть моя не солжет —  
в преддверии преисподней  
скажу, что весь мой полет —  
ошибка! Но только сегодня!  
Не зря мастерил я крыла.  
Не зря безоглядная юность  
меня в поднебесье вела.  
Не зря высотой захлебнулась!  
Я счастлив хотя бы одной  
секундой, ее откровеньем,  
когда наша жизнь подо мной  
в масштабе прошла муравейном.  
Букашками — люди, стада.  
В порту — корабли-тараканы.  
Мой город. . . Еще города.  
Соседние царства и страны.  
Святылища, склады, мосты. . .  
И все притулилось, прижалось  
к земле. И все с высоты  
рождало — вы знаете — жалость.  
Я сам, сорванец и чужак,  
жил с вами, не зная, не помня,  
как я несмыслен еще, как  
вселенная эта огромна.  
И, чуть не лишившись ума,  
открыл я, что небо — бездонно,  
и понял, что наши дома  
я вижу из Нашего Дома.  
Скажу напоследок: увы,  
своей мы не поняли роли. . .  
Ну, что же не слышите вы?  
Очнитесь! Оглохли вы, что ли? . .

\* \* \*

Как нехотя мы умнеем,  
обманным подобьем стены  
от мудрости — самомнением  
напыщенно защищены.  
Нам все еще вроде бы двадцать,  
улыбочка все на губе.  
Не хочется расставаться  
с ребячьим доверьем к судьбе.  
А мудрость — нас настигает.  
Не видит расставленных стен,  
внезапным прозреньем стегает,  
И требует платы взамен:  
«Давай-ка мне честную плату,  
выкладывай, не тая,  
потерю или утрату, —  
тогда я навеки твоя».

Воздай благодарность потерям:  
пускай не совсем задарма,  
а выстроил мудрости терем,  
отделал палату ума.

\* \* \*

Как сахар в сумраке чая,  
в вечерней его глубине,  
легко растворяясь и тая,  
тони в подступающем сне.  
Теряй себя в полудреме,  
в провале зыбучих минут,  
пусть волны в ночном водоеме  
все дальше — кругами — идут.  
И нет уж ни стен и ни дома,  
качают тебя, подхватив,  
деревьев могучая дрема  
да ночи вселенской разлив.  
Отдавшись ее половодью,  
в забвенье блаженно войдя,  
становишься чуткою плотью  
тумана, листвы и дождя.



Вбираешь совсем неприметно  
в состав существа своего  
промоглого мрака и ветра,  
и шороха вещество.  
Соцветием, каждую травкой  
впиваешь истому земли.  
И ноет струной телеграфной  
тревога твоя. . .

А вдали  
режут тепловозы утробно  
и долгие товарняки  
старательно,  
подробно  
считают твои позвонки.

## ГЕОРГИЙ НЕКРАСОВ

---

\* \* \*

С утра до вечера нас окружают люди,  
Мы судим их, они нас тоже судят.  
Встречаем чутких и с душой холодной,  
Нечестных, и завистливых, и злых.  
И все-таки скажу кому угодно:  
Людей хороших больше, чем плохих.

А если бы наоборот все было,  
Как выглядели б наши дни уныло!  
Но жизнь цветет и щедрое цветенье  
Нам обещает в даях заревых.  
Что ни толкуй в порыве возмущенья —  
Людей хороших больше, чем плохих.

Жизнь это поле, данное в наследство,  
Где зеленыя и сорняки в соседстве.  
Все ж зеленыя встают над сорняками  
И хлеб готовят в колосках тугих,  
Они — как люди с добрыми сердцами.  
Людей хороших больше, чем плохих.

\* \* \*

Всегда он просыпался по утрам  
С одной заботой: надо торопиться.  
И, мысленно прикованный к часам,  
Пил чай горячий, крепкий, как бальзам,  
Склоняясь над газетною страницей.  
Потом спешил по маршам этажей,  
Постукивая дробно каблуками

В несмелом свете лестничных огней,  
И вырывался пулей из дверей,  
Встречаемый трамвайными звонками.

На улице — людей круговорот.  
И, освещая Невскую заставу,  
Луна, казалось, с утренних высот  
Бела шагавшим всюду точный счет,  
И он тогда входил в него по праву.

Но годы отгорели, как в огне.  
Пришлось к спокойной гавани причалить.  
И вот уж не на улице — в окне,  
Сидящего в квартирной тишине,  
Луна его утрами замечает.

А сердце там, в заботе цеховой,  
Где крылья расправляются Отчизны.  
И мысль крушит обманчивый покой:  
Все сделал ли за век рабочий свой,  
Что был обязан совершить он в жизни? . .

\* \* \*

Еще бушует городской прибой,  
Хотя его уже слабеет сила.  
Домой ты возвращаешься другой,  
Чем утром ты из дома выходила.

На сердце и тревожно и легко,  
И хочется под звездными огнями,  
Смеясь, раскинуть руки широко  
И мир обнять, и говорить стихами.

Тебе и невдомек свой плащик снять,  
Ты в комнату врываешься пургою,  
И вот в восторге шумном кружишь мать,  
Та спрашивает: «Что, скажи, с тобою?»

Ты только улыбаешься светло —  
В слова не умещается волненье.  
Мать понимает: и к тебе пришло  
Любви нежданной чудное мгновенье.

К тебе она заглянет перед сном,  
Поправит одеяло, сядет рядом,  
И только будет ведать ночь о том,  
Что скажете друг другу словом, взглядом.

Мать выйдя от тебя, грустя чуть-чуть.  
Ты грусть ее, конечно, не заметишь.  
Ей в эту ночь, наверно, не заснуть.  
Ты будешь спать счастливейшей на свете.

# ТАМАРА НИКИТИНА

---

## ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

В этот день мы с Вовкой рано встанем,  
Побежим за ягодами в лес,  
Земляничкой,  
                    влажными цветами  
И хвоей пропахший до небес.

И пока туман в оврагах тонет,  
Ищем необычные дары,  
Чтобы им порадовалась Соня. . .  
Сколько лет промчалось с той поры?

Кто теперь в оврагах счастье ищет  
И лесная та поляна — чья?  
Что растет на дальнем пепелище  
У того,  
                    у нашего ручья?

Может быть, и лучше — не готовясь. . .  
Просто как!  
Отбросить все дела,  
Сесть в ближайший приозерский поезд —  
И уже платформа поплыла. . .  
И уже мелькают перелески —  
Дальних далей ясная печать.  
Еду я на встречу с нашим детством —  
Сонино рожденье отмечать.

Но смущают душу мысли разные.  
Разве все вернуть по силам мне?  
Вот она и станция Отрадное,  
От сосновой Тосны в стороне.

Но уже помолодела снова я,  
Хоть дорогу узнаю с трудом.  
Стоп, автобус!

Выхожу.

Плодовое.

Сельские проулки. Сонин дом.

Как мне эти запахи все любы!  
Огород,

пустынное крыльцо.

В огороде вижу тетю Любу —  
Прежнее любимое лицо.

И туда по борозде бегу я  
Дорогие плечи обнимать.  
Подбежала к ней,

тянусь,

целую. . .

Это ж — Соня!

Ну совсем как мать.

Сколько их, воспоминаний личных!  
Не вместить в порядок этих строк.  
Кто ж нам нынче испечет черничный,  
Наш у с а т ы й,

детский наш пирог?

Синие «усы» — в чернике губы!  
Поднимался на любви,

в тепле

Тот пирог. . .

Уснула тетя Люба

Под крестом на волховской земле.

Навсегда ее огонь погашен,  
Руки отдыхают наконец.  
И давно в земле Фадеев-старший,  
Спутник жизни, голова, отец.

Был он молодой, веселый, ловкий.  
Если б не свинцовая пурга!

Лег на Невском пяточке,

в Дубровке,

К Ленинграду не пустив врага.

Враг ломал, да только не осилил.  
Полегли отцы. . .  
В конце концов  
Не на том ли и стоит Россия:  
Дочки — в матерей,  
сыны — в отцов.

Жизнь идет.  
Да разве это худо,  
Что сквозь время,  
  сквозь нелегкий быт  
Все мы ждем хоть весточки оттуда  
И не можем детство позабыть.

Наше все — до ягодки-кровинки!  
Даже небо — наше, только верь.  
Потому похожи на поминки  
Праздники семейные теперь.

Тридцать лет, какobeliski, встали.  
А в застолье — тяжело вдвойне.  
Не пришли отцы из шквальной дали —  
Вот мы и остались на войне.

В праздник — горько.  
Память губы студит  
И гремит по выжженным мостам.  
Мы все больше радуемся будням,  
Как неярким полевым цветам.

Жизнь идет. Июль так щедро светит,  
И поля раздольные вольны. . .  
Пусть растут и радуются дети,  
Никогда не знавшие войны,

## ЖЕНЩИНА

В поселке малом улочки горбаты  
И неизменен сумерек прилив.  
Там женщина присядет возле хаты,  
Натруженные руки уронив.

Какою болью пальцы сведены.  
Как тяжелы морщины и крупны.  
Как пристально глядят из темноты  
Тяжелые осенние цветы.

...А счастлива ль ты, женщина, в судьбе?  
Об этом ли сейчас твое молчанье?  
О, сколько войн вломилось в дом к тебе,  
Сжигая, разрушая, разлучая!

Пусть, словно раны, зарастают рвы,  
Но не забыть, пока живешь на свете,  
Как страшные лепешки из травы,  
Окаменев, совала в руки детям.

...А счастлива ль ты, женщина, в любви?  
Едва ли горше слезы проливались  
В часы, когда соперницы твои  
С твоим беспутным мужем миловались.

Ох, погулял на долгом-то веку!  
Ох, побродила в нем шальная сила!  
Простила и обиду, и тоску.  
Любимого прощать легко. Простила.

Теперь глаза покоем налиты.  
Уснул твой муж. И дети спят. И внуки.  
В неразличимом лике темноты  
Уснули краски, шорохи и звуки.



И звонкий пес в щелястой конуре,  
И вся Земля в бескрайнем сентябре.

Сейчас ты встанешь медленно, с трудом,  
Подобна засыхающим растениям,  
И перейдешь с крыльца в свой добрый дом,  
Что сохранен твоим долготерпеньем.

В усталом теле сдерживая дрожь,  
Переступая низенький порожек,  
Мгновенным счастьем вся захолонешь  
И удивишься: господи, за что же. . .

## ЮРИЙ ОБОЛЕНЦЕВ

---

### НА ТРОПАХ ЮНОСТИ МОЕЙ

Мне крышу часто заменяло небо  
и не жалел тепла костер лохматый,  
не раз,  
как с другом,  
табаком и хлебом  
делились незнакомые ребята.

Я кирзачей немало истоптал —  
был сплавщиком, каюром, лесорубом,  
прокладывал в тайге стальные трубы,  
опоры ЛЭПа вел за перевал,  
по скальным кручам забирался в горы —  
туда,  
где ветер звездами пропах,  
где дремлют лебединые озера,  
до времени скрываясь в ледниках.

Пока меня в кедровые распадки  
гоняли неотложные дела,  
неподалеку от моей палатки  
Поэзия неузнанной жила.  
Стоит березкой-скромницей  
в сторонке,  
мелькнет  
в шаманских сполохах огня,  
а то  
из-под ресниц шальной девчонки  
лукавым взглядом выстрелит в меня.

Еще не понимая,  
что отмечен  
необъяснимым выбором ее,

я все искал призвание свое,  
как русло —  
сотни безымянных речек.

Не выбирал себе дорог полегче —  
на судоверфи,  
грузчиком в порту,  
упрямой силой наливая плечи,  
я ощущал,  
что крепну и расту.

Меня пристрастно время испытало —  
любовью и враждой,  
добром и злом. . .  
Мужал характер.  
Сердце созревало,  
Пришла судьба.

. . . . .  
Стихи пришли потом,

### ВСЕГДА СО МНОЙ

Ленинградцы блокадной поры,  
Вижу снова  
Наши улицы, наши дворы,  
Наших комнат промерзлых дары  
В виде облачка духа жилого.

Строчку, стройку, рабочий эскиз  
Бросив — и в ополченцы!  
Сколько за обреченную жизнь?  
Враг смеялся!

Но вновь этой жизни коснись!  
Нет бинтов — на клочки полотенце!

И сограждан, в том вечном строю,  
В то мгновенье  
Подымавших до подвига душу свою,  
Я на улицах этих с той поры узнаю, —  
В каждом сердце — Россия и Ленин!

# НИНА ОСТРОВСКАЯ

---

## ДЕВЧОНКА

За зимним окном пробегают ребята —  
Торопятся в школу, как все мы когда-то.  
В замерзшем стекле, запотевший и синий,  
Узорами светится солнечный иней,  
И в сказочном мире, что инеем соткан,  
Я девочку вижу в пальтишке коротком:  
Та девочка — в варежках синеньких руки —  
Мечтала отдать свое сердце науке —  
Старалась на раннем пути изначальном  
Готовить себя к экспедициям дальним:  
Готовить себя к многодневным походам,  
К недетским лишениям, к тяжелым невзгодам...  
Я вижу: в мороз, на рассвете студеном,  
Бежит она в школу привычным прогоном,  
Бежит, как спортсмен на короткой разминке,  
И пар оседает на мех пелеринки.  
Залеплены инеем челка, ресницы...  
В выси облака — словно перья жар-птицы,  
В снегу провода провисают устало,  
Пылает заря на сугробах канала,  
Горят разноцветьем, кружатся снежинки...  
Маршрут пролегает от улицы Глинки.  
У мостика Львиного — нет передышки,  
Мешают в портфеле тяжелые книжки,  
Но дальше — вдоль белой от снега решетки,  
И лишь от Фонарного — отдых короткий:  
Там, с улицы людной, в звезду свою веря,  
Войдет она в шумные школьные двери...  
... Далекие годы ушли без возврата.  
Но кто-то, спеша на работу когда-то,  
Скользя, спотыкаясь по сбитому насту,  
Запомнил девочку, дышавшую часто,

Бегущую мимо легко и упруго,  
Спешащую в юность из школьного круга,  
В широкую жизнь, в грозовое начало —  
Навстречу заре, поlyingающей ало.

### ЕЩЕ ИГРАЮТ ГОРНЫ...

Еще играют горны  
В оранжевом бору,  
И ловят солнце зерна  
Колосьев поутру.  
Еще струится дико  
В траве родник живой  
И смотрит голубика  
Небесной синевой,  
А у озерной чаши,  
От глаз людских вдали,  
На красных кочках пляшут  
Лесные журавли.  
И в алый шелк одеты,  
Ровня тихий ряд,  
Грибы, прощаясь с летом,  
Навытяжку стоят...

### ДЫХАНИЕ

Я дышу, я ликую сегодня,  
И обиды на прошлое нет —  
Снова брошены гибкие сходни  
В перемытый ветрами рассвет.  
Я ушла из проклятого плена.  
Пусть поют о весне соловьи, —  
Захлестни, тополиная пена,  
Все больничные тропы мои!  
Разметай, унеси мои сети,  
Расколдуй мою боль навсегда! ..  
Ах, как мир необъятен и светел,  
Как сверкает и плещет вода...  
И навстречу июньскому раю  
Я, смеясь, осторожно спешу...  
Что-то ждет меня завтра — не знаю,  
Но сегодня я солнцем дышу!

## МОЛОДОСТЬ

*С. Наровчатову*

Я старюсь, не ревнуя к молодым,  
не суетясь у некого предела,  
и верю им не меньше, чем седым:  
талантами земля не оскудела.

Мы тоже были молодыми, друг,  
нас в кипяток и в прорубь окунало:  
даешь Хибиногорск, Полярный круг,  
привет Москве с Ферганского канала!

Страна ко всем равно была добра,  
жила в те годы молодость и наша  
плотиной, ставшей на пути Днепра,  
высокими цехами Уралмаша.

А там — война. На фронте самый цвет,  
все лучшее, вся молодость и сила:  
Ватутину всего-то сорок лет  
и нам, ты знаешь, старость не грозила.

Вот молодость! Не тем она горда,  
что было всласть попито и попето,  
а тем, что с боем брали города  
и впереди у нас была Победа.

Сейчас обусть бы наши сапоги  
в цементе, в стружках и в окопной глине —  
и молодежь услышала б шаги,  
звучавшие в Кузнецке и в Берлине!

## ФРОНТОВЫЕ СТИХИ

Так начиналось, помню, это:  
прощая мелкие грехи,  
дивизионная газета  
мои печатала стихи.

Они печатались не где-то,  
где их никто не разберет:  
стихи ценились, и газета  
их выносила наперед.

Бывало, все версталось разом,  
и часто шло мое перо  
в ряду со сталинским приказом  
и сводкой Совинформбюро.

Боюсь, что это было слабо,  
но, признавая мой талант,  
один веселый писарь штаба  
сказал: «Неплохо, лейтенант».

Кто знает, если бы не эта  
бесхитростная похвала,  
куда солдатского поэта  
судьба еще бы привела. . .

Что хорошо, что вовсе слабо,  
теперь никто не скажет мне,  
молчит мой критик, писарь штаба:  
остался, видно, на войне.

Остался где-то парень шалый,  
где смерть ходила по пятам,  
не то бы он теперь, пожалуй,  
сказал: «Неплохо, капитан».

## МОСКВОРЕЦКИЕ МОСТЫ

### 1

У реки жила девчонка,  
что вошла в мои мечты.  
Москворецкая сторонка,  
москворецкие мосты!



Я тогда был очень юным  
и встречал свою мечту  
то, как помню, на Чугунном,  
то на Каменном мосту?

2

А потом была дорога  
через годы и фронты,  
но хранила память строго  
москворецкие мосты.

Ветер боя бил по струнам,  
пули пели на лету.  
Где вы, ночи на Чугунном  
и на Каменном мосту?

3

И теперь чего-то ради  
я брожу до темноты,  
вспоминаю в Ленинграде  
москворецкие мосты.

И мечтаю в свете лунном  
увидать девчонку ту,  
встретить юность на Чугунном  
иль на Каменном мосту.

### ЗАБОТЫ ВЕКА

Шумит неугомонный век,  
и каждый новый год — как века.  
Стремится к звездам человек:  
тесна Земля для человека.

Давно открыты полюса,  
алмазный бур буравит недра,  
и в завтра наши голоса  
уже летят на крыльях ветра.

Жизнь вечна: через толщу лет,  
когда следы песком затаянет,

иной ученый иль поэт  
в наш отшумевший день заглянет.

Сумеет ли увидеть он,  
что занимало наши думы,  
когда мы с Волгой слили Дон  
и напоили Каракумы?

Поймет ли новый человек,  
что мы бесспорно были правы,  
когда меняли русла рек  
и бой вели не ради славы?

А мы свое упрямо гнем,  
спешим, легко себя прощаем  
и вечно думаем о нем,  
кому всю Землю завещаем.

# АННА ПЕТРАШЕНЬ

---

## НАРАСТАНИЕ СВЕТА

Спит Нева, льдом и снегом одета,  
в забытьи не бунтует, не ропщет.  
Спит на Заячьем острове роща.  
Но идет нарастание света.

Утомил затянувшийся отдых,  
и сквозь сон проступает волнение.  
Неподвижность полна нетерпенья,  
тополя уже нюхают воздух.

Что-то сдвинулось неуловимо,  
и предвестьем счастливым пахнуло,  
белоснежным крылом промелькнуло,  
за собой поманило незримо.

Затаилось. Не слышно ответа,  
не откликнулись птицы и воды.  
Неудачи печалят и годы.  
Но идет нарастание света.

## ЯБЛОНИ

Вот яблони, обожжены морозом.  
Еще не знают — живы иль мертвы.  
Застыли соки, затвердели слезы,  
и одиноки огоньки листвы.

В усилиях выжить нет еще единства.  
Полуживым — далек весенний зов.  
Средь черных веток горсточка цветов  
одна сияет жаждой материнства,

# НАТАЛЬЯ ПИРОГОВА

---

## НОВОСЕЛЬЕ

Новоселье,  
Новоселье. . .  
Транспорт с грузом —  
Каруселью.  
С грузом легким и тяжелым.  
Груз любой здесь —  
Новоселом.  
Громче всех кричит студент:  
«Не разбейте инструмент!»  
Загудел рояль в дверях  
На пяти богатырях. . .  
Боком вверх диван-кровать  
Этажи пошла считать. . .  
Холодильник, стол, ковер. . .  
Плечи —  
Словно транспортер. . .  
Дом построен,  
Дом сдается.  
Сердце дома  
Гулко бьется.

\* \* \*

Тает снег —  
Просветленья последнее,  
И на север спешат облака,  
И глаза мои синюю весенною  
Переполнены, словно река.

И последняя невская льдинка  
Разбивается о плиту. . .  
На руке моей тает снежинка,  
Еще помнящая высоту.

# НИНА ПОГОДИНА

---

## ОТКРЫТИЕ

Лето отошло росой медвяною,  
отзвенели птичьи голоса.  
Осень золотые да багряные  
надувает кленов паруса.  
Городок мой словно легкий парусник,  
что готов сорваться с якорей,  
да и мне не терпится на пару с ним  
со стихией встретиться скорей.  
Там, за волноломом, волны грузные  
раскачали Ладогу до дна.  
Силой неумемной, необузданной,  
волею неистойвой сильна,  
Ладога, ты для меня открытие —  
каждый раз иная, чем вчера.  
И готов мой парусник к отплытию,  
и поют, как струны, леера.

# НАДЕЖДА ПОЛЯКОВА

---

## ПАМЯТНИК ДЕКАБРИСТАМ

В старом парке — грай вороний,  
Снег, упавший с высоты. . .  
Ничего на свете, кроме  
Этой каменной плиты;

Кроме трех гвоздик печальных,  
Поджигающих сугроб,  
Вместо тех цветов прощальных,  
Не положенных на гроб;

Кроме выбитых по камню  
Золотых пяти имен,  
Кроме книжек под руками,  
Где их дух запечатлен;

Кроме тех портретов старых,  
Где, прекрасны и чисты,  
Перед будущим предстали  
Их прозрачные черты;

Неподвижно стынут кроны  
Над гранитною плитой. . .  
Ничего на свете, кроме  
Щепок виселицы той,

Щепок, выбеленных светом,  
Снегом, ливнем добела  
И отасканных Поэтом  
Там, где казнь произошла;

Ни могилы, неугодной  
Тем, кто власть держал в руках. . .  
Кроме памяти народной,  
Не растерянной в веках,

## БРОНЗОВЫЕ КОНИ

Коней караковых, соловых,  
Чубарых, пегих, воронных,  
Гнедых, буланных, рыжих — словом,  
Всех тех, что кованой подковой  
Будили звонкость мостовых,

Метелям невским мча навстречу  
То в бубенцах, то в плеске лент  
Под пенью, смех, музыку, речи —  
В металле век увековечил,  
Легко подняв на постамент.

И сделал вовремя. Живая  
Жизнь скоростей вершит полет,  
Иные дали открывая.  
И редко лошадь ломовая  
Музейным мамонтом пройдет.

Не ею новый день означен.  
Но в час, когда жесток мороз,  
Я знаю — так, а не иначе! —  
Ночь кормит бронзовых, горячих  
Овсом осыпавшихся звезд.

Неслышно бронзовые кони  
На снег ступают голубой  
В расшитой блестками попоне.  
Тепло касаются ладони  
Щекотно-бархатной губой.

## ЛЬВИНЫЙ МОСТИК

Седой метелью лет занесено,  
Что было между мною и тобою.  
Чугунной цепи грузное звено,  
Как трудный день, провисло над водою

Канала, над исхоженным мостом,  
Где каждая доска, как половица,  
Знакома нам, где тишина, как стон,  
Где мне опять дано остановиться



Под взглядом львов озябших.  
И опять  
Склониться к ледяной воде канала,  
Как якорные цепи выбирать  
Из давних лет, из самого начала.

Ослабил лев чугунное кольцо,  
Качнулась цепь, и от ее движенья  
С моим лицом опять твое лицо  
Мне возвратила память отраженья

Ночной воды. И звук моих шагов  
Мостом удвоен, от двойного света  
Двух фонарей с гранитных берегов  
Двойная тень качнулась, и приметы

Одна твои имела. Никогда  
Моя душа с твоей не разлучится,  
Как с черным небом ясная звезда,  
Свет от которой освещал нам лица.

## ВАЛЕРИЙ ПРОХВАТИЛОВ

---

\* \* \*

А было мне всего семнадцать лет,  
когда ударил в сердце запах снега  
и показался невольный парашют  
непрочным бортом Ноева ковчега.  
Потом придет сознание,  
потом, —  
но в те года так хочется вернуться!  
Казалось мне, что жизнь — сплошной потоп,  
в котором так нетрудно захлебнуться.  
И ты, душа, на прошлое молись,  
крутясь в бездонной пропасти наитий:  
ведь юношеский наш максимализм —  
всего трамплин для будущих открытий.  
Как хочется быть с веком наравне,  
опробовать впопыхах его устои,  
врываясь в жизнь на трепетной волне,  
нутром постичь,  
что жить на свете стоит!

### НА ПАРАДЕ ПОБЕДЫ

Посмотри, как проходит пехота, —  
сквозь улыбки,  
сквозь море цветов. . .  
А на лицах  
                                застыла забота  
четырех рукопашных годов.



## ВЛАДИМИР РЕЦЕПТЕР

---

\* \* \*

Будь гостем в городе. Ступай, пока ты жив,  
по Невскому и по Фонтанке.  
Литые юноши, коней остановив,  
заставят вспомнить об осанке.

Сойди на чистый лед. Проследуй под мостом.  
И в неожиданном разрезе  
все — вновь и новое. . . Иной Фонтанный дом. . .  
И берег в камне и железе. . .

Дыши и впитывай святую красоту,  
пока ты жив. Живи в заботе  
быть гостем в городе, прохожим на мосту  
и в то же время плотью плоти. . .

### РЕМБРАНДТ

«БЛУДНЫЙ СЫН»

Кто я на этой картине — отец или сын?  
К вам обращаю сегодня лицо или спину?  
Или — как вышло, так вышло — уже двуедин,  
к сердцу прижав дорожную навек половину? . .

Сам ли на этой картине знакомлюсь с судьбой?  
Или горжусь перед вами счастливым позором?  
Или — поодаль и справа — свидетель немой,  
я оперся о клюку с отуманенным взором? . .

Кто же я здесь, на картине, из этих шести? . .  
Пусть времена насмеются над знатоками. . .  
Бедные женщины! Их и не видно почти. . .  
Что впереди, если так обнажен перед вами?!

Буду ли я, как прощающий старец, красив?  
Или, как сын, победивший гордыню, возвышен?  
Кто я на этой картине, когда, отступив,  
выпью вина и навешу сережки из вишен? ..

\* \* \*

С загадкой на челе, с простудой по жаре,  
с улыбкой и слезой, с неверием и верой,  
все дни смешала ты в моем календаре,  
и перестала жизнь быть медленной и серой.

Полыни полон рот, и прошлое при нас,  
но, видно, пробил час, и исповедь бесстыдна,  
и радость прорвалась сквозь правду без прикрас,  
и горько, и легко, и берега не видно. . .

Нас Киев окрестил, как предков, на Днепре  
и сделал все, что мог, пугая расставаньем.  
Чего ж тебе еще, с простудой по жаре,  
с улыбкой и слезой, с неведеньем и знаньем? ..





На поваленном дереве  
Мы сидим у воды.  
Ветви вскинута веером,  
Словно руки беды,  
Но, об этом не ведая,  
Мы сидим над водой,  
Я — уже поседелая,  
Ты — такой молодой.

На поваленном дереве  
Мы сидим у воды,  
Безграничным доверием  
И полны и чисты.  
Но внезапно мы замерли,  
Словно чувствуя глаз, —  
Это скрытую камерой  
Время целится в нас.

На поваленном дереве  
И уют наш и стол,  
Листья падают медленно  
На коричневый ствол.  
Мы уйдем — не останется  
Никакого следа.  
Что же с деревом станется —  
Знает только вода.

Лишь мгновению верю я —  
Слишком много и дня.  
На поваленном дереве  
Ты целуешь меня.  
И звезда загорается  
Почему-то одна.  
Что же с нами-то станется —  
Знает только она!



Вновь отрезвляя и слепя,  
Нам правда вслед глядит угрюмо.  
Да, я придумала тебя,  
Но ведь и ты меня придумал.

Тебя из снега я леплю,  
А ты меня из камня рубишь.  
И ты не тот, кого люблю,  
И я не та, кого ты любишь.

Но кто бы что бы ни терял —  
Благодарить нам остается,  
Что существует материал  
И он усильям поддается.

И среди холода и тьмы,  
Когда в окно к нам рвется вьюга,  
Порой от счастья плачем мы  
Вдвоем,  
        в объятьях друг у друга!

\* \* \*

Что может быть чище и проще —  
Искать у природы приют?  
Стоят корабельные рощи —  
Петровские сосны, вы тут!

Прекрасные кроны надменны,  
А корни сильны и добры,  
Затем  
        что века неизменно  
Отсутствуют здесь топоры!

Затем что невольно вполсилы  
Звучать начинает здесь речь.  
Затем  
        что их жизнь пощадила  
И нас они жаждут сбересть!



## ГЛЕБ СЕМЕНОВ

---

\* \* \*

Сколько ж было!.. А было... и жгло...  
Неужели со мной это было?  
Поросло.  
Или сплыло.

Вот, казалось, любовь навсегда.  
Дальше некуда вроде, казалось!  
И следа  
не осталось.

Не осталось следа, говорю...  
Нет, не то что забыл, а не помню.  
Не курю —  
и легко мне.

И легко пожимаю плечом.  
Да когда и вздохну тяжелее —  
ни о чем  
не жалею.

Так и чувствую, как с высоты  
шаг за шагом спускаюсь я к дому...  
Ну а ты?  
По-другому?

\* \* \*

Любовь... О господи, любви!  
Любила — не любила...  
Чурайся, ерничай, злословь,  
забудь, как это было.

Не верь, что было не уснуть,  
все перепутай даты —  
и все ж до гроба счастлив будь,  
что мог любить когда-то.

Когда под шорох грозных крыл  
держать ответ придется,  
шепни одно лишь: «Я — любил», —  
и жизнь тебе зачтется!

### БАНАЛЬНАЯ БЕССОННИЦА

Всю жизнь она хотела спать —  
и выспаться не удавалось.  
Теперь в четыре или в пять  
сном неохотным забывалась.  
Не то что память тяжела,  
но если было — значит, было.

Он жил — не думала: жила,  
он умер — поняла: любила.

Не так, пожалуй, как иных,  
но свыше двух десятилетий  
он был наивней, чем жених  
(не зря его любили дети  
чужие), говорил: «Моя» —  
и целовал. Она боялась  
от невозможности вранья  
промолвить слово — и смеялась.

Смеялась кряду двадцать лет! . .  
Сказал бы кто, что плакать будет  
и отвечать все «нет» да «нет»,  
лишь утром телефон разбудит.

# ИРЭНА СЕРГЕЕВА

---

## ВОСПОМИНАНИЕ

Он вернулся. Он юность искал  
там, где вольные волны бегут,  
где, подобно скале среди скал,  
все стоит легендарный Гангут.

Он вернулся, а раны болят.  
С каждым годом ступать тяжелей.  
Огляделся бывалый солдат —  
и не всех досчитался друзей.

Где ты, юность? В огне и в дыму  
затерялась. . . А эта скала  
и во сне возвращалась к нему,  
только юность вернуть не могла. . .

Где ты, юность? Вода и свинец  
закипали. . . Он снова тонул. . .  
Сын к плечу прикоснулся: «Отец!» —  
будто тяжесть рукою смахнул.

## БАЛЛАДА О КРАСНОАРМЕЙЦЕ

Они умирали, подстрелены влет,  
рубая врагов среди равнин,  
потом умирали от ран что ни год. . .  
И вот он остался один.

Все смел сокрушительный времени вал —  
ни поля войны, ни могил. . .  
А слава осталась: он там воевал,  
он помнит, он видел, он был. . .

Приходит, в народе своем знаменит,  
в огнями расцветенный зал.  
И шепот проходит, как топот копыт:  
он помнит... он видел... он знал...

Да, знал всех героев и с ними в дыму  
каленные годы делил...  
Мы знаем. Мы помним. Мы верим ему,  
которого век сохранил.

\* \* \*

На гитаре некому играть,  
некому и петь, и подпевать.  
Ладно бы не пел ты, не играл —  
только бы меня не забывал.

Только бы себя не забывал  
среди всех задач своих, удач.  
Вот ведь и красив ты, и удал,  
и такой веселый ты — хоть плачь.

Как заплачут струны о судьбе —  
все бы думать, думать о тебе...  
Ладно бы меня ты позабыл —  
только бы играть не разлюбил.

\* \* \*

Не откладывай любовь на «потом»,  
на «потом» — признайся в том — на когда?  
А потом в часу пустом входят в дом  
надоеды — суета, маета.

Не откладывай любовь про запас,  
испаряется она без следа.  
Береженная любовь не про нас —  
не сбывается она никогда.

## КОЛОДЕЦ

Вгляжусь в отражение зорко —  
Узнаю, что в жизни дано.  
Летит голубое ведро  
С полдневного неба на дно.

О хлебе насущном заботясь,  
Бряцает хозяйка ведром.  
Но только я вижу — колодец  
Вселенную ставит вверх дном.

Вокруг неподвижность и сонность,  
От зноя притихли дворы,  
А рядом в колодце — бездонность,  
Где рушатся навзничь миры.

Холодную черпаю влагу,  
Потом я с победой приду.  
В простую солдатскую флягу  
Я, может, поймаю звезду.

# НОННА СЛЕПАКОВА

---

## В ВАГОНЕ

В раю вагонного тепла  
Я видела двоих.  
Напротив сидя, не могла  
Я не глядеть на них.

Он, в лыжной курточке своей,  
Мальчишески костист,  
Сидел — студентик, воробей,  
Должно быть, слаломист. . .

Она была бледным-бледна  
От жара своего,  
И задевала всех волна,  
Что шла на одного.

Я видела — едва-едва  
Ползла ее рука  
По ацетату рукава  
К ладони паренька.

Спортивной красною рукой  
Он брал ее персты,  
И тайной дрожью никакой  
Не трогались черты.

И с дружелюбной простотой  
Худые мослаки  
Вовсю сжимали тайну той  
Сияющей руки.

И в посторонности своей,  
Не зная почему, —  
Я так завидовала — ей,  
А вовсе не ему.

\* \* \*

Да замолчи ты про любовь,  
Не стрекочи, не суесловь,  
Не попадай то в глаз, то в бровь  
В надежде чуда!  
Любовь, она, конечно, есть,  
Да нам с тобой ее не съесть,  
До рта в ладошке не донести —  
Не та посуда!

Моя ладонь невелика  
И так иссушена, тонка,  
Что уж не стерпит уголька —  
Обронит, скинет.  
Твоя же твердая рука  
Подбрасываньем огонька  
По-детски тешится, пока  
Он не остынет,

\* \* \*

Усажен за столик отдельный,  
Мой сверстник, приятель, поэт,  
Читал с неохотой предельной  
На долгие просьбы в ответ.

Звучала отмашка, уступка  
Во всем. И светилась над ним  
Стенная шипящая трубка,  
Пульсируя светом дневным.

С прекрасной усталой свободой,  
Осмысленно, не наугад,  
Он вел свою душу погодой,  
Вселял ее в город и в сад.

Полуночным ветром свистело,  
И дрогло, и маялось всласть  
Все то, что сказать я хотела,  
Могла бы, да не собралась.

Я слушала — или, пожалуй,  
Глядела, как рядом сидит  
Один начинающий малый,  
Алкатель, птенец-ненасыт.

Его торопливая шея  
Тихонько тянулась к столу,  
И, жаждою славы алая,  
Всходило пятно на скулу.

## БЕЛКА

*Памяти Аси Мочаловой*

Ты взором брызнешь на меня,  
Как резвой горсткой бисера, —  
И вновь начнется мельтешня,  
Обидно-независима.

С креста на крест, с куста на куст,  
Взмахнув хвостом — на памятник...  
Твой лес так част, и так он пуст  
От насаждений каменных...

Поди сюда, возьми еду —  
Огрызок печенья!  
Я в этом, может быть, найду  
Обрывочек значения:  
Как будто этою едой  
Кормлю в дрожащей белочке  
Последнюю живинку той,  
Внизу лежащей девочки...

## НОВГОРОДСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Я по лесенке скрипучей  
Поднялась, не глядя вниз, —  
Мне навстречу тяжелой тучей  
Лик Спасителя навис.

Губы, гневом налитые,  
Затаили Страшный суд.  
Сам он грозен, и святые  
Долю ярости несут.



Словно молнии и громы  
Преломились в их чертах!  
Кони ржут, пылают дома,  
Бьются рати на мостах!

О, как плотно и свирепо  
В этот купол заключен  
Взор недреманного неба  
Окаянных тех времен!

Просят веры, просят злости,  
Ждут подмоги от меня,  
От меня, зашедшей в гости  
Из сегодняшнего дня.

Здесь остаться нету мочи.  
Ухожу к себе, на свет.  
И святые только очи  
Перекачивают вслед.

## СЕЛЬСКИЕ СТРАНИЦЫ

### У НАКОВАЛЬНИ

У наковальни кузнецы,  
Родные сын с отцом.  
У наковальни кузнецы  
Весь день к лицу лицом.

Отец железо кинет в горн,  
А сын качнет рычаг,  
И угли ручейками с гор  
Певуче зажурчат.

Поковка обретает вмиг  
Рябины цвет,  
И вот  
Бьет ручником ее старик,  
Кувалдой парень бьет.

Навалом бороны, плуги —  
Не склад,  
Не штабель дров,  
И не на полке пироги —  
Работа — будь здоров!

Метет февраль — зимы конец,  
По-деревенски: край.  
— Давай, давай! — шумит отец.  
А сын в ответ:  
— Давай!

## АЛЕШКА

Неправда, что только на речке  
Алешку найдешь сорванца.  
Все видят,  
Как он на крылечке  
Ждет вечером с поля отца.

У мамы готова окрошка,  
Пирог на столе и компот.  
— Ты ел бы. . . —  
Да разве Алешка  
К столу без отца подойдет?

Дождался.  
Отцова спецовка  
Висит на перилах крыльца.  
Алешка из ковшика ловко  
Льет воду в ладони отца.

И всем за столом он доволен, —  
Все ест.  
А неймется ему.  
— Когда же возьмешь меня в поле?  
— Возьму, торопыга, возьму!

Алешка сияет.  
Не тайна,  
Что хочет скорее юнец  
Приникнуть к штурвалу комбайна,  
Как делает это отец,  
И, словно бы по океану,  
Корабль свой высокий вести.  
Отец говорит капитану:  
— Ты шибче, Алеха, расти! —  
И он, как дубочек, упрямо  
Растет.  
Вот уж выше стола.  
Вот семь набежало — и мама  
По осени в школу свела.

За осенью осень, в той школе  
Алешкины зреют года.  
Алешка не просится в поле, —  
Сам знает дорогу туда.







## ЙОЛЕ СТАНИШИЧ

---

\* \* \*

У дороги ее мне послала судьба:  
боевая, измята, лежала труба —  
бог войны утомился,  
куда-то исчез,  
не вернуться ему  
ни с земли, ни с небес.

Опускается осень — желта и ясна,  
боевая труба у дороги видна,  
и густая лежит паутина на ней,  
и листва на нее опадает с ветвей. . .

Слышу — травы поют:  
— Нету бога войны,  
умирать под копытами мы не должны,  
нас железом пылающим  
не извести,  
сможешь ты, наше семя,  
в тиши прорасти!

Мирно воды прозрачные льются теперь.  
В доме —  
ясному солнцу распахнута дверь.  
У дороги уснула,  
от ржави ряба,  
в паутине, в пыли —  
боевая труба.

\* \* \*

Я пошел на холм безлюдный, дикий —  
легкое дыханье трав послушать. . .  
Солнце травам раскрывало очи:  
у одних — улыбка появлялась,  
а другие на ладони ветра,  
пробуждаясь, оставляли слезы.

Ветер близ меня остановился —  
унести мою не в силах горечь,  
над которой и заря не всходит. . .

Ну а я искать и дальше стану  
дикие холмы — и слушать буду  
легкое дыхание травы.

\* \* \*

Я хотел свой плач оставить морю —  
только море плач не принимает,  
своего ему довольно плача.

Хмурому хотел оставить камню  
тьень свою печальную, но камень  
в этой черноте испепелится. . .

Нет! Я все свое взвалю на плечи:  
тьень, что истомилась,  
плач безмолвный,  
слезы, обратившиеся в мрамор. . .

Если же в глазах моих  
рассветом  
засияет радость —  
по дороге  
как цветы ее я разбросаю,  
чтоб неугомонные мальчишки  
их нашли — и солнечность надежды  
весело расптенчили по миру.



Сквозь прозрачные прутья фонтана  
ласточка пролетела —  
она ни одной росинки  
не унесла на крыльях. . .

В прозрачных прутьях фонтана  
радуга преломилась,  
а ласточка так победно  
выносит сухие крылья!

Она над фонтаном кружит,  
как будто сказать желает:  
— Смотрите, я победила,  
хоть мною никто не ранен!

В глубинах ясного полдня,  
летя сквозь прутья фонтана,  
ласточка предвещает  
победу —  
без ран, без крови. . .

*Перевел с сербскохорватского С. Ботвиник*

### КОЛИЗЕИ

Воздух ненавистью пропитан,  
накрывают кровавым плащом  
гладиатора; стынет, убит он:  
еще крови, крови еще!

Свою голову на ладони  
проношу, кровь стекает со щек.  
Гладиаторы гибнут в загоне:  
еще крови, крови еще!

Грудь железным трезубцем пробита,  
гибну, факелом освещен.  
Сломан ритм, и строфа под копытом:  
еще крови, крови еще!

Где-то труп обезглавленный тащат,  
танк поводит граненым плечом,  
тени бомб из-под тени летящей  
осыпаются: крови еще!

Ты хотел бы подальше от схватки,  
с краю жизни прожить, ни при чем,  
но, с судьбою играющий в прятки,  
вдруг услышишь ты: крови еще!

Нету трещин таких и расщелин,  
чтобы спрятаться. Встань во весь рост,  
чтобы рухнули все Колизеи,  
голос правды взметнулся до звезд!

Я стихов своих звучность утрою,  
всеми бедами века крещен,  
вопреки беспощадному вою:  
еще крови, крови еще!

*Перевел с сербскохорватского А. Кушнер*

\* \* \*

Утром  
вылетела песня,  
как испуганная птица,  
вдруг из сердца —  
прямо в век.

Мчится —  
не остановить.  
Век она мечтает окрылить!

\* \* \*

Птица и море. Усталая птица.  
Сердце чуть бьется, крылья немеют.  
Кажется ей,  
что они каменеют.

Бездна морская,  
бездна без края.

Птица еще прилагает усилия.  
Нет ни утеса,  
ни сломанной ветви.  
Везде океан. . .

Гибнут крылья  
без стога и ран.

*Перевел с сербскохорватского С. Давыдов*





# ГЕОРГИЙ ТРИФОНОВ

---

## ИЗ АМЕРИКАНСКИХ ВПЕЧАТЛЕНИЙ

### СЛОВО ИНДЕЙЦА

Я Чингачгук.  
Меня вы знали в детстве.  
Поворошите пыль  
затертых книг.  
За двадцать долларов  
и в пору бедствий  
я продал остров,  
город здесь возник.  
Потом я был  
оболган, оклеветан.  
В меня стрелял  
подвыпивший шериф.  
Но посмотрите, мистер,  
на Манхеттен —  
высокий город  
дьявольски красив.  
А мой народ  
не стал в него врываться.  
Он верен был  
вигваму и коню.  
И угодил  
в закуты резерваций  
взамен слепящих светом  
авеню.  
Я Чингачгук.  
Мой глаз индейца  
зоркий  
не сыщет племя  
тех, с кем я бродил.  
Все небоскребы  
в суетном Нью-Йорке —  
как обелиски  
возле их могил.

Орлиных перьев  
я носить не смею.  
Зарыт топор мой  
нравам вопреки.  
Железной куклой  
в парке у Диснея  
я озираю мир  
из-под руки.  
Я Чингачгук.  
Живу на свете сиро.  
Моя страна,  
скажи, что это так!  
Не раскурить с тобой  
мне трубку мира —  
по нищете  
нет денег на табак.

#### ГАРЛЕМ

— Закройте окна!  
Спрячьте фотокамеры! —  
командно сухо  
приказал шофер.  
Как танк автобус,  
и на креслах  
замерли,  
кто в черных гетто  
не был  
до сих пор.  
Чей это мир?  
Чья юность в нем удушена?  
Уйдите, белый,  
здесь вам места нет.  
Под черной кожей  
ярость не приглушена,  
и в свисте камня  
слышится ответ.  
Уйдите, белый!  
Здесь ведь  
не паноптикум  
и не для фото  
нищета и грязь.

...Больной ребенок  
смотрит идиотиком.  
Дворняга тощая  
из лужи напилась.  
Вглядись, Нью-Йорк!  
Твоих домов  
гроздами  
руин кварталы  
не заслонены.  
Как будто Гарлем  
взорван был снарядами,  
здесь, где не знали  
пламени войны.  
И не колючкой  
лагерей для согнанных —  
чертой незримой  
обведен район.  
Как отблеск солнц  
реклам бродвейских  
огненных,  
в вечерних лавках  
светится неон.  
Поет певица  
в баре  
возле скверика.  
Застыл у входа  
дюжий полисмен.  
Обходит Гарлем  
белая Америка,  
течет сквозь годы  
жизнь без перемен.



# ГЕННАДИЙ УГРЕНИНОВ

---

## ПЕСНЯ

Телевизор слышен аж в сенях,  
Бьется джаз о рубленые стены.  
Что за песни нынче в деревнях?  
Вымирают песни постепенно.

Новый быт приходит и уют,  
Позабыты прялки и лучины.  
Я все жду, когда же запоют —  
Просто так,  
                                без видимой причины.

Слушателей много развелось,  
А при них радетели,  
                                эксперты.  
Но того,  
                                что песнею звалось,  
Как-то не слышать,  
                                похоже — спета.

Где ей в окаянной простоте  
Залететь под шлем мотоциклиста.  
Видно, времена уже не те,  
Чтоб спастись от шлягеров и твиста.

Все мы виноваты без вины.  
Проводите песню,  
                                поскучайте,  
Дайте ей минуту тишины,  
А потом транзисторы включайте.

Во дворе темно и сыро —  
Только звезды да луна.  
Ты в кровать уложишь сына  
И затихнешь у окна.  
Никакого нынче толку  
Приниматься за дела,  
Лучше выйдем ненадолго  
Прогуляться до угла.

По детсадовскому скверу,  
Где качели да слоны,  
Мы шагаем — Гулливеры —  
От ограды до стены.  
Блещут звездные провалы,  
Голубеют провода.  
Так спроси же, как бывало,  
Где Полярная звезда.

Ты устала,  
ты примолкла,  
И тебе не до игры.  
До чего ж они промокли,  
Эти старые дворы.  
Сыплет осень на дорогу  
Мелочь листьев слюдяных.  
Посидим еще немного  
На качелях ледяных.

## ГАЛИНА УСОВА

---

\* \* \*

Пускай сгибают нас года,  
Не сбыться чудесам,  
Но никогда, но никогда  
Не изменяй лесам.

Прохладе их, отраде их  
И мягкости травы,  
Качанию ветвей седых  
И блеску синевы.

Пусть седина давным-давно  
Прошлась по волосам,  
Но все равно, но все равно  
Не изменяй лесам.

Их благородству, прямоте  
Видавших все стволов,  
И чистоте, и немоте  
Зеленых куполов.

Лес укрывает, как плащом,  
Дрожит от ветра сам. . .  
Так нипочем, так нипочем  
Не изменяй лесам!

## ДМИТРИЙ ФИЛИМОНОВ

---

\* \* \*

Мне красота покоя не дает.  
Ищу ее, как ищет археолог  
Затерянный дворец, из года в год  
Веков приподнимая мрачный полог.

С обыденного лика бытия  
Снимая слой за слоем по крупице,  
Надеюсь красоту увидеть я  
И в найденное искренно влюбиться.

Мне безрассудно хочется найти!  
Очистить от песка и пепла стены,  
Неистинное, внешнее смести,  
Открыв при этом чудо непременно.

И вмиг тускнеют ясные черты  
Родного мира, времени и духа,  
Когда не нахожу я красоты,  
Когда ничто мне не волнует слуха.

\* \* \*

Пока беснуется земля  
На перекрестках испытаний,  
Корите в слабости,  
но я  
Не выношу чужих страданий.

В сентиментальности меня  
Вините  
или в слабой воле,

Зовите плаксою,  
но я  
Не в состоянье видеть боли.

Слеза,  
текущая из глаз  
Мужчины,  
женщины — тем паче,  
Как будто ядовитый газ:  
Мне душно, если кто-то плачет.

И все премудрые дела  
Я вижу глупостью,  
не боле,  
Коль рядом чья-то жизнь прошла  
С лицом,  
измученным от боли.

## ИЛЬЯ ФОНЯКОВ

---

### ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Мой школьный друг жил в домике ампирном.  
Двадцатый век распорядился так,  
Что коммунальным, двадцатиквартирным  
Стал этот бывший барский особняк.

Перегородки, интерьер ломая,  
Там возвышались, хлипки и хитры,  
Как я сегодня это понимаю,  
Друг бедно жил.

Однако в те поры  
Мы это слово не употребляли:  
В той временной суровой полосе  
Оно уместным было бы едва ли —  
Все жили так.

Или почти что все.

Послевоенный мир непозабутый,  
В тебе я помню каждую черту:  
Я помню стол, простой клеенкой крытый,  
И стен потрескавшихся наготу.

В той комнате высокой, неудобной,  
При свете лампы голой, без теней,  
Была настолько бедность абсолютной,  
Что было нечто царственное в ней.

В сравнении с ее порядком строгим,  
С масштабом упований и обид  
Мне и поныне кажется убогим  
Заставленный вещами тесный быт.

## ДИСПУТ

Пойдемте, я вас приглашаю на диспут  
О дружбе, товариществе и любви!  
Там юной докладчицы трепетный дискант  
Сначала покажет высоты свои.

Потом, развивая идеи доклада,  
На тему, что столько веков молода,  
Изложат свои интересные взгляды  
Профессор, поэт и ударник труда.

Увидите там вы в минуту иную,  
Как девушки, целый занявшие ряд,  
Зардеются дружно: их греет, волнуя,  
Не что говорят,  
а про что говорят.

Там волчью мораль обличит активистка,  
Там будет кузнец правду-матку рубить,  
И вызовет гул, как обычно, записка:  
«А можно ли д в у х, расскажите, любить?»

Но вы не тревожьтесь: наставники — с нами!  
И, чей-то фривольный прервав шепоток,  
Старушка-философ из Общества знаний  
Всему подведет надлежащий итог.

Пойдемте, друзья! В переполненном зале  
К людской доброте, чистоте, простоте  
Приникнем!

Но, кажется, мы опоздали:  
И время другое, и споры — не те. . .

## ВОСПОМИНАНИЕ О ТАДЖИКИСТАНЕ

После нашего севера кажется сном  
Этот город, где дышит весна, зацветая.  
Утром птица поет у меня за окном:  
Три серебряных ноты — одна золотая.

Чувство ритма и меры — закон красоты,  
Неизменна природа, его соблюдая.

Вдалеке — озаренные солнцем хребты:  
Три серебряных шапки — одна золотая.

Шумен пестрый базар. По-таджикски — бозор.  
И таджичка проходит, нарядом блистая.  
На ее тюбетейке — старинный узор:  
Три серебряных нитки — одна золотая.

Как забыть этот край, где по склонам ручьи  
Мчат в ущелья, крученые струи сплетая,  
Где Омара Хайяма живут рубай:  
Три серебряных строчки — одна золотая!



### ВЕЧНАЯ КРАСОТА

Приходит день.  
В цветенье мир долин,  
Река проносит хоромы льдин  
И вольно покидает берега,  
И зеленью кудрявятся луга.  
И пенье птиц над розами так страстно:  
По-своему, природа, ты прекрасна!

Настанет день  
с нарядною листвою,  
И сердце вторит песенке простой:  
Расти, арбуз, красней, веселый сад,  
Светись в янтарных гроздьях, виноград!  
И взоры солнцу отвечают ясно:  
По-своему, природа, ты прекрасна!

Устанет день  
уборочной поры —  
Щедры земного праздника дары.  
Деревья вспыхнут в ярком листопаде  
И почернеют в сумрачной прохладе.  
И шепчет дождь, нахлынувший ненастно:  
По-своему, природа, ты прекрасна!

Смолкает день —  
вокруг белым-бело,  
И расцветает розами стекло.  
И сердце молвит: пусть метет пурга,  
Пускай растут сугробами снега.  
И тишина звенит поземкой властно:  
По-своему, природа, ты прекрасна!

И снова май грохочет громогласно:  
По-своему, природа, ты прекрасна!

## БЛАГОДАРНОСТЬ

В детстве сторожил я лошадей, —  
Далеко в лесу был выпас наш.  
Чтобы укрываться от дождей,  
Я из веток мастерил шалаш.

Темень занавешивала вход;  
А когда луны струился свет,  
Упирался в звездный небосвод  
Спящих скал клыкастый силуэт.

И была бездонна тишина,  
Но, пугая, наполнялась вдруг  
Ржаньем и движением она:  
Волк бродил, наверное, вокруг.

Ныла круглоглазая сова,  
На рябине выставясь в дупле,  
Как малыш о помощи зовя. . .  
Жутко было одному во мгле.

Вскакивал тогда я на коня,  
Шею целовал, шептал ему  
Добрые слова. И мчал меня  
Конь по лугу, разрывая тьму.

Ноздри горячи его, мокры —  
Возле них я руки согревал;  
Не пугал уже оскал горы,  
Страх мой улетал за перевал!

. . . Годы скачут.

Нынче от дождей  
Укрывает дом высотный мой.  
Поседел я.

Только лошадей  
И теперь завидев, — сам не свой!

Обнимаю, как в былые дни,  
Хлопаю ладонью по спине,  
Словно узнаю их. И они  
Тянутся доверчиво ко мне.

## ДОСТ \*

А. А. Чеснокову

Украшает друга давних лет  
Сердце молодое, золотое.  
Доброты его лучистый свет  
Многих уверений в дружбе стоит!

Я горжусь им.  
Редко мы вдвоем,  
Но зову — и тут же он предстанет.  
След печали на лице моем  
Разглядев, ладони мне протянет.

Если что-то от него таю  
И рассказ мой поневоле кружит,  
Он поймет растерянность мою:  
«Все, как есть, выкладывай-ка, друже!»

Скажет он:  
«Подумай, оглянись!»,  
Если ошибаюсь в трудном деле.  
Он глоток воды, ценою — в жизнь,  
В зной смертельный, не скупясь, поделит.

Отведет его весенний взгляд  
Вьюг земных все беды и напасти.  
Как глаза мечтательно горят,  
Сколько в них душевного участия!

Золотого сердца слышу стук,  
И мое — становится моложе.  
Многих слов короче  
слово *друг*,  
Но так мало слов его дороже!

Перевел с крымско-татарского О. Цакунов

---

\* Дост — друг.



Даже там, где трещала броня,  
Ты была по-солдатски крепка.  
Шли в огонь — не страшилась огня,  
Шли в штыки — не боялась штыка.

А потом, в сорок пятом году,  
Когда мы одолели врага,  
Я повесил тебя на виду, —  
Ты по-прежнему мне дорога.

Кто прошел по военным полям,  
Не забудет страды грозовой.  
Но теперь лишь по праздничным дням  
Я шинель надеваю порой.

Мне она и сейчас по плечу,  
Я не знаю одежды прочней. . .  
Только больше вовек не хочу  
Видеть пятен кровавых на ней!

*Перевел с крымско-татарского С. Каширин*

## ВАДИМ ХАЛУПОВИЧ

---

\* \* \*

На холсте взойдут, как в сказке,  
Лишь промолвит кисть: «Живи!» —  
Мост, перила в свежей краске,  
Дом и церковь на крови.

Остановится мгновенье,  
И останутся в веках  
Блеск канала, дуновенье  
Ветра, небо в облаках.

Даже нас, идущих мимо,  
Кисть навечно оживит.  
Может, нам необходимо  
Обрести приличный вид?

Отряхнуть с себя вериги,  
Позабыть свои года,  
Чтоб остаться в этом миге  
Молодыми навсегда.

Чтоб потомки не забыли  
Этот мост и этот дом,  
Где, пройдя сквозь холст навывлет,  
Мы исчезли за углом.

\* \* \*

Как ливень с небес, безоглядны,  
Как луч среди мрака и тьмы,  
В каких-то холодных парадных  
Встречались влюбленные мы.

И в мире, где благоразумны  
Деревья, дома и кусты,  
Безумной, безумной, безумной  
От нежности делалась ты.

И руки твои обжигали,  
И губы сводили с ума,  
И нимб над тобой возжигали  
Не боги — природа сама. . .

Своей восхитительной властью  
Ты вышла святой из огня.  
Лицо, опаленное страстью,  
Спокойно глядит на меня.

\* \* \*

Еще нам жить и жить —  
Какие наши годы!  
Мы запретим себе  
Самих себя жалеть.  
Еще нам жить и жить!  
Лишь у плохой погоды  
Есть право горевать,  
Лить слезы и болеть.

Покуда есть еще  
В груди добро и крепость  
В руках, пока в мозгу  
Свет разума горит,  
Еще нам жить и жить,  
Все прочее — нелепость,  
Где время, как скупец,  
Мгновеньями сорит.

Любимая, прости, —  
Ты с каждым днем моложе.  
Ребенок мой, прости, —  
Ты старше с каждым днем.  
Друзья мои, для вас  
Еще я мало пожил —  
Еще нам жить и жить,  
Гореть в огне одном.

### ЮНОСТЬ

Я юности приход запомнил четко:  
в далекой ученической поре  
я вдруг узнал,  
что брянская толченка  
в столовой именуется — пюре.  
Не бабкино парное в доброй кружке,  
не лежбище у речки день-деньской, —  
запомнился ожог станочной стружки  
и первый пай в столовке заводской.  
Катился вал войны по загранице,  
весна вернулась к каждому окну.  
Остригла Ирка косу, не всплакнув, —  
с косой опасно токарю-девице.  
Бессменный ватник, как доспех былинный,  
лоснился, будь неладен, но зато  
я до гудка,  
чтоб не видал никто,  
принес живой цветок  
к станку Ирины.

### КУРСАНТСКИЙ ПАЛАШ

Я так тебя холил, курсантский палаш!  
Никто не неволил так смазывать ласково.  
Я помнил заветы бывалых папаш,  
старшин-усачей: «Без нужды не вытаскивать  
из ножен».

А все же, случись — абордаж,  
тогда и припомнится слава гангутцев.  
Но ты понимал, мой парадный палаш,  
что те времена для тебя не вернутся.



На старом линкоре — ожоги войны.  
Ах, ночи кронштадтские, вахты подлунные.  
А как с увольнений-то бегали мы,  
аж искры, шипя, — в мостовые чугунные.  
Резная надежная рукоять,  
каленный клинок — удалая работа. . .  
В каком арсенале палаш мой, как знать?  
А может,  
уже перекован на что-то?

### НЁНОКСА

Дома у поморов на солнце  
повернуты, —  
любо смотреть;  
у каждого вышка с оконцем,  
под крышей тесовой повесть.  
У каждого у крылечка  
по лайке с пушистым хвостом,  
и Устричка — шустрая речка —  
вовсю шебаршит под мостом.  
Добротны дома, аккуратны,  
по счету — полтыщи дымов.  
Тучнеют высокие гряды,  
белеют поленицы дров.  
Встречал я в далекой деревне  
среди заповедных лесов  
забитые досками двери,  
дворы без людских голосов.  
Те двери, хоть их и немного,  
пугают неясной бедой. . .  
Что может быть горше порога,  
заросшего лебедой?  
А Нёнокса множится даже,  
стучат там и тут топоры.  
Устоев поморских на страже  
стоят вековые дворы.  
Их злые ветра донимают,  
но, даже слегка накреньсь,  
всем видом своим  
подтверждают  
с землю надежную связь.

\* \* \*

Опять родимый, старый дом.  
Дрожит береза надо мною.  
Тогда, в году сорок восьмом,  
Я посадил ее весною.

О, зорь лазоревая вязь  
Над милым, радостным пределом.  
Давно береза разрослась,  
Давно окрепла белым телом.

Она, вздымаясь над бугром,  
Шумит застенчиво и просто,  
Хотя черненым серебром  
Блестит упругая береста.

Мне все дороже каждый лист,  
Напевный шум ее и трели.  
Теперь на ней то вверх, то вниз  
Летают легкие качели.

О, сколько смеха на меже,  
Как у речного перевоза.  
Ты стала бабушкой уже,  
Моя родимая береза.

Заслышав смех и щебетню,  
Я снова в ней души не чаю.  
Свою смешную ребятню  
Я очень весело качаю.

Люблю я зыбкий полукруг  
И смех над нашею межою.  
Скрипит и гнется старый сук,  
Похожий на плечо большое.

Родная! Как бегут года,  
Не сыщешь юность у навеса,  
А ведь принес тебя тогда  
Я хрупким прутиком из леса.

Но тот рассвет уже далек,  
Теперь другой рассыпал трели.  
Все ходят, ходят, как челнок,  
Такие быстрые качели.

По вечерам закат багров,  
Не спит береза, не сучает.  
И ребятню со всех дворов  
Она, как бабушка, качает.

\* \* \*

Приятно мне прийти и помолчать,  
Робея перед этой далью чудной.  
Вся замерла в оправе изумрудной  
Озерная задумчивая гладь.

Смолистый дух, смолистые места,  
Полдневное свеченье навесное.  
Таинственное озеро лесное,  
Перед тобой душа моя чиста.

В глуши лесов, в сосновой глубине,  
Обняв глазами полог бирюзовый,  
С купавами и ратью камышовой  
Я снова остаюсь наедине.

Мой вам привет, коряги, камыши,  
Я так по вам соскучился, родные.  
Обнимемся давайте, водяные,  
Друг другу скажем что-нибудь в глуши.

Я говорю, не очень молодой:  
«Обнимемся. Не будем же угрюмы».  
Как журавли, мои курлычут думы,  
Бесшумно пролетая над водой.

Бегут, сменяются за днями дни,  
И нет уже минувшему возврата.  
Я прихожу, как приходил когда-то,  
Где эхо будит вековые пни.

То крик кукушечий, то лисий лай,  
То черная ольха глядит, вздыхая.  
И в каждой заводи заря глухая,  
И в каждом омуте тоскует май.

Люблю тебя, серебряный изгиб,  
Люблю твои пристанища лесные,  
Где видели столетия иные  
Жемчужный нерест меднобрюхих рыб.

Когда покину этот мир, греша,  
Когда растают переливы смеха,  
То здесь мой голос поплывет, как эхо,  
И здесь моя поселится душа.

## БОЛГАРСКИЙ ТАНЕЦ

Звенит луна.  
— На здраве! — крикнем хором.  
Луна — как бубен.  
Мы танцуем хоро!  
Грянь, музыка!  
Эй, кто у чаши дремлет?

На плечи — руки,  
хороводом древним —  
Быстрей, быстрей —  
Давайте вместе с нами!  
Вот так,  
но в такт!  
А ноги ходят сами.  
Споткнешься ты —  
Кольцо людей поддержит.  
Вот так,  
но в такт!  
На дружбу вся надежда.  
И мне друзья вокруг  
Сердца открыли.

А справа — юные глаза,  
прическа — крылья.  
Коснутся волосы —  
лечу за лунным ликом.  
Теперь я знаю розы Казанлыка:  
Нежны они и огненны. . .  
А парень  
По леву руку, верно, не болгарин,  
Да и не русский —  
значит, иностранец.

О, хóро-шо!  
 О, хóро — мудрый танец —  
 Родиться мог у доброго народа.  
 Ох! — пляшет с нами  
 И сама природа:  
 Вот так,  
                                 но в такт  
 И звезды ходят кругом,  
 Гора с горой,  
                                 волна с волной!  
 Друг с другом!

### СОРЕВНОВАНИЕ

Снежный лес —  
 Сугробы сна.  
 Покачну сосну —  
 И сверкает тишина  
 С видом на весну.

Беспечальность, вольность дня.  
 Лыжников полет.  
 Возле кладбища лыжня  
 Душу не кольнет —

Спит погост. . .  
 Да нет, вдали,  
 В меловых волнах,  
 Над разверзлостью земли  
 Двое при ломах.

Стук да стук —  
 Не сон, не снег —  
 Ждут кого-то к ним. . .  
 Соревнующихся бег  
 Скор, невозмутим.

Их уводит в поворот  
 Красный пульс флажков.  
 Вот один промчался, вот —  
 И другой. Каков!

На щеках — весна весной.  
Свитер — как желток.  
Над спиной номерной —  
«25» — парок. . .

Не сбавляет парень ход.  
Устремлюсь вослед:  
Ведь и я еще не «тот»  
В споре вечном, нет!

Нет, ни дня не уступать,  
Стоит поднажать,  
Чтобы лет на двадцать пять —  
Тридцать отбежать.

И внимать под взмахи рук,  
Под широкий шаг:  
Все слышнее сердца стук,  
Глуше звук в ушах.

Состязанье. . .  
Дышит грудь,  
В жилах — жизни ток! . .  
Да продолжат белый путь  
По листкам, в наклон чуть-чуть,  
Вереницы строк. . .

### ИЗ «ЖИЛИЩНЫХ ПЕСЕН»

О, крепкий чай в дремотной тишине!  
Жизнь отдыхает, дышит и — ни слова.  
Но детский плач доносится извне.  
Где? На каком?  
Затих, и снова, снова. . .

В груди толкнется: «Выйди в коридор!»  
Ум усмехнется: «Ты ж теперь в отдельной».  
И сам с собой заводишь разговор  
О слышимости этой беспредельной,  
Об альтруизме. . .  
Что там за беда?  
Ну, сон плохой,

Ну, съеден лишний овощ.  
Ведь не в лесу, а в городе всегда —  
Людей-то сколько! — выищется помощь.

И мать с отцом, по крайней мере мать  
Склонилась, успокаивая чадо.  
Какой пустяк, а так разволновать.  
Да, слышимость. . .  
Нет, что-то делать надо!

«Ковер настенный, вот, — решаешь ты, —  
Достать бы».  
Приложи-ка ты старанья,  
Чтоб глухота душевной доброты  
Росла согласно благосостоянья.

Пока же отмахнемся: дом такой.  
Не надо объяснений нам сложнее:  
Что плачущий ребенок за стеной  
Слышнее уху,  
Сердцу — не слышнее.

## ВОСПОМИНАНИЕ

Ну вот и грянула любовь!  
Не знал еще такой стихии.  
Я знал грозу — куда как хило,  
С горы срывался — что за боль!

Какой там день,  
Какой там сон:  
Есть время светлое — свиданье!  
Тьма — остальное.  
В ожиданье  
Не усидеть — из дома вон!

Себя бы надо в руки взять,  
Да руки мне не подчинятся.  
На телефоне повисать. . .  
И в кузове попутки мчатся! . .

Шарф развевается?  
О нет,  
Крыло мне ангел дал спортивный!



А дьявол — ревность.  
Реактивна  
Она,  
Но зло ее наивно.  
Как мотылек, лечу на свет!

Любовь —  
                                пронизан ей одной  
До каждой клеточки незримой.  
Сожги меня —  
                                и пепел мой,  
Как шепот,  
                                полетит  
                                к любимой. . .

## ГЕРМАН ЦВЕТКОВ

---

### НА ВЕРШИНЕ

Внизу уже начало лета,  
Озер голубоватый цвет.  
А над вершинами Чегета  
Был белым-белым белый снег.  
Бесшумно поднимал подъемник  
Нас, любопытных, к облакам.  
Лишь чей-то маленький приемник  
Пиликал что-то по складам.  
О, как излишни эти звуки!  
Кто их сюда призвать посмел?  
Хотелось просто вскинуть руки,  
Чтоб ветер в пальцах просвистел.

## ВСТРЕЧА В СМОЛЬНОМ

Колонн парадных  
Белый ряд. . .  
У Смольного  
Он снят.  
Всю жизнь он  
К Ленину идет,  
Индийский гость  
Ахмад.  
Из бронзы  
Словно отлит он,  
Скуласт,  
Седобород. . .

Их было восемьдесят  
В тот  
Необычайный год.  
Все молодые,  
Как один,  
Отправились они  
В страну,  
Где белые снега  
И красные огни.

Их было восемьдесят.  
Шел  
И день и ночь отряд  
В столицу  
Огненных Костров —  
В мятежный  
Петроград.  
Через пустыни,  
Стены гор,

Свинцовые дожди  
Шли ходоки,  
Конец пути  
Не видя впереди.  
Вставая,  
Падая навек  
От пули басмача,  
Шли целый год.  
И вдруг Ахмад  
Увидел Ильича.  
Его услышал —  
Как прозрел,  
Как встретил  
Утра свет.

О, сколько  
Утекло воды  
С тех наших  
Первых лет!  
Какие грозы  
До небес  
Вставали от земли,  
Какие вьюги  
Серебром  
На головы легли!

Вождя  
Зовущая рука.  
Колонн  
Парадный ряд.  
Всю жизнь он  
К Ленину идет,  
Индийский гость  
Ахмад.  
Идет по Смольному  
Старик,  
Скуласт,  
Седобород,  
Все признает:  
«Вот здесь я жил  
Зимой  
В далекий год.  
Вот здесь  
«Интернационал»

Я пел,  
И над плечом  
Заря всемирная  
Цвела  
Крылатым кумачом. . .»

Идет по Смольному  
Ахмад  
Большим  
Ноябрьским днем.  
Идет он,  
Праздничный.  
А я  
Пишу стихи  
О нем.

\* \* \*

Небо краску сменило.  
Золотисто и ало  
Солнца теплая сила  
Разом землю объяла.

Дым синее над крышей,  
Поле — море ржаное.  
Сад навстречу мне вышел,  
Чтобы спрятать от зноя.

И в душе — как в природе:  
Все в движенье согласном  
На закате, восходе,  
И туманном и ясном.

Пусть на малую малость,  
На мгновенье какое  
Человеку досталась  
Эта радость покоя.

Жизни добрые токи  
К сердцу путь проторили,  
В нем душевные строки  
Для людей сотворили.

Пусть же светлое небо  
Будет вечно над нами,  
И отменного хлеба  
Рдеет рыжее пламя.

Пусть на вольном просторе  
Лишь одни огневеют  
В небе тихие зори,  
Ветры теплые веют.

### ЯКОВ РЕЗНИЧЕНКО

На вершине  
Северного лета,  
Над водой  
Свинцовой синевы

Утро началось  
Лавиной света,  
Теплым духом  
Леса и травы.

Озарясь,  
Покачивали воды  
В бликах,  
Как в морошке,  
Небосвод.

На Двине дома —  
Как пароходы.  
«Яков Резниченко» —  
Теплоход.

Он пришел  
Из плаванья —  
Красивый,  
Корпусом велик,  
В плечах широк.

Надо видеть,  
Как он дышит силой  
На просторах  
Голубых дорог.

Их трудяга  
Одолел немало,  
Как и тот,  
Чье имя  
Носит он.

Я не знал  
При жизни  
Адмирала,  
Молодого,  
В золоте погон.

У него я не был  
Под началом:  
Не по морю —  
По земле  
Мой путь.

Вспышки снега —  
Чайка над причалом,  
Пролетая, просит:  
«Не забудь!..

Пусть о нем и песня  
Будет спета,  
И навеки  
В жизнь твою  
Войдет  
На вершине  
Северного лета  
Этот человек  
И теплоход».

Я машу:  
«Смотри, седая птица,  
Как я сам  
Тянусь  
К перу опять.

Знаю, что поэту  
Не годится  
О хороших людях  
Забывать».

## АНТОНИН ЧИСТЯКОВ

---

### ПОСЛЕДНИЙ ВЕЧЕР ДЕРЕВЕНСКИЙ

Не сорок дней,  
А сорок весен  
Тот вечер в памяти моей. . .  
Лежу я,  
Тру веснушки к носу,  
А за окошком —  
Все темней.

Затих последний вечер вешний.  
Смотрю в окно —  
Скворешня спит,  
На подоконнике скворешни  
Звезда во весь накал горит.

Скворчата спят,  
А мне не спится:  
Я все свою Жар-птицу жду. . .  
Семилинейным блеском  
Спицы  
Прокалывают темноту.

И вот кончается последний  
Тот деревенский вечер мой.  
Снимает бабушка передник  
И рученькам дает покой.

В окно береза шепчет что-то  
Во все зеленые уста. . .  
Часы сбиваются со счету,  
И гаснет поздняя звезда. . .



А утром запрягли Волнуху,  
Целуя в звездочку на лбу, —  
И на подворье стало глухо  
И в доме тихо,  
Как в гробу...

О, сколь таких,  
Как я,  
По свету!  
Не избежал мирской судьбы...  
Березы нет...  
Избы той нету,  
Как будто не было избы.

Но свет родительского крова,  
Что сорок лет назад погас,  
Как свет звезды погасшей,  
Снова  
Доходит  
До сыновьих глаз.

### СЕНОКОС

Закат —  
За проливами сини...  
В закате пылают стога.  
Краснее пожарной машины  
Их гасят вдали облака.

За пряслами —  
Вихрь сенокоса.  
Летит вдоль деревни пыльца,  
В пыльце золотится береза,  
И в золоте —  
Угол крыльца.

А в избах,  
Изнывших от зноя  
В течение погожих недель,  
Безлюдье царит затяжное:  
Не скрипнут ни створка,  
Ни дверь.

Ни звука...  
Ни шага людского...  
В июльском затишье села —  
Лишь зелень из-под частокола  
Тропу,  
Осмелев,  
Заняла.

Ей хочется в луг —  
За ворота:  
В тени поднялась —  
Хоть коси...  
Главнейшая это работа  
С древнейшей поры  
На Руси.

## ВСТРЕЧА С ДРУГОМ

Звезды пляшут полукругом,  
Под ногой снежок хрустит,  
Я иду на встречу с другом —  
Друг известен и мастит.

Разнесло нас, раскидало,  
Расшвыряло нас судьбой...  
Ах, как славно мы, бывало,  
Куролесили с тобой!

Ни мошны, ни обстановки,  
Но, когда сквозь мрак и мглу  
Друг входил, ему неловко  
Постилали на полу.

В тесноте, да не в обиде  
На себя и на него...  
Кто такого не увидел,  
Тот не понял ничего.

...Вот и встретились! Волнуюсь.  
Двадцать лет календарю!  
И, себе не повинуясь,  
Говорю и говорю

Про печали и победы,  
Про надежды, чем жива...  
Что же он сквозь зубы цедит  
Осторожные слова?

Мол, не встретиться с друзьями —  
Все работа не дает,

День и ночь по горло занят,  
Даже водочки не пьет.

Да, пора признаться честно —  
Я стою перед стеной,  
Так ему неинтересно  
Разговаривать со мной.

Равнодушие. . . Хотя бы  
Обругал меня со зла.  
Я ж была ему не бабой,  
Другом я ему была!

Может, это я — нахалка,  
Что врываюсь в мир его?  
Мне себя немножко жалко.  
Больше — стыдно за него!

Не проситель, не калека —  
Я к душе его пришла.  
Потеряла человека  
И замены не нашла.

\* \* \*

Убежать от своих невзгод  
В электричке, битком набитой,  
Опьянеть от давно забытых  
Ароматов лучей и вод,

Убежать, и в тиши, вдали,  
Становясь что ни час сильнее,  
На согретой груди земли  
Распластаться, чтоб слиться с нею,

Башмаки промочить в ручье,  
И потом, когда поезд тронет,  
Прикорнуть на чужом плече,  
Смяв подснежник в сухой ладони.

\* \* \*

Ты встала быстро  
со скамьи  
и подошла вплотную к клену...  
Прошлашь  
по краешку любви,  
как будто по крутому  
склону.  
Не говорила громких фраз,  
обидных слов  
не говорила:  
от ссоры сдерживала  
нас  
любви таинственная сила.  
Потом ты шла  
сквозь темноту, —  
я видел плеч твоих  
сутулость, —  
и лишь на Кировском мосту  
ты на мгновенье  
оглянулась.  
Хотела крикнуть  
что-то мне,  
но не нашлось  
такого слова...  
И мне открылось в тишине  
безлюдье:  
города ночного...

## ВСТРЕЧА С ВЕНГРИЕЙ

### 1. БУДА И ПЕШТ

Буда каменным конем  
встала около Дуная  
и копыто моет в нем —  
хороша вода живая!  
Пешт — он чашей золотой,  
что полна людьми, чарует,  
он сверкает красотой,  
он поет, творит, колдует. . .  
Иль без древней той поры,  
без коня и без югры,  
без гремящего галопа —  
ты веселой красоты  
и не знала бы, Европа?  
Ах, венгерская луна,  
ты печатью высшей пробы  
серебришь небес простор —  
и для новой ткешь Европы  
новый радостный узор!

### 2. ОСТРОВ МАРГИТ

Как зеленотравая  
красавица,  
проплывает остров  
по Дунаю, —  
песенному сердцу  
все тут нравится,  
ожила душа,

смотрю,  
шагаю...

Вижу, дышит дерево, ветвится —  
как и я...

И поет, щебечет звонко птица —  
как и я...

Солнышко — Маргит,  
Богиня золотая,  
на воде расчесывает косы,  
в золотую воду я ныряю,  
рядом — золотой песок откоса...

И Воды Богиня  
обнимает,  
солнышко  
целует и ласкает,  
по воде плыву —  
зеленой, синей,  
хорошо играть  
с Маргит — Богиней!

Может быть, и впрямь они богини —  
девушка,

вода

и солнце это?

Я не знаю,

но вода живая

песню так легко качает ныне,

радостью душа моя согрета!

Говорю себе:

скажи на милость,

как же тут,

среди камня городского,

свежесть душ

и леса сохранилась?

Цвета трав лесных —

волна живая,

чудный город

посреди Дуная!

\* \* \*

Еве Шмидт, прекрасно  
знающей мансийский язык и  
мечтающей работать среди  
манси. . .

Когда моя рождаться сила стала —  
мне света не хватало,  
мне ливня не хватало. . .  
Когда мое рождаться сердце стало —  
реки мне не хватало,  
лесов мне не хватало. . .  
Когда моя душа рождаться стала —  
зверей мне не хватало  
и рыб мне не хватало. . .  
Когда же наконец проснулся разум —  
я поняла,  
что все мне нужно разом:  
высокий свет,  
и дикий лес дремучий,  
и теплый дождь,  
и стаи рыб, и кручи,  
таежная седая бесконечность,  
и ум живой,  
и добрая сердечность. . .  
Пойду в тайгу!  
И сердце городское  
я оживлю таежною душою —  
пусть в каменную нашу современность  
войдет тайги живая сокровенность, —  
а принесу для жителей тайги я  
и острый ум,  
и знания городские. . .

\* \* \*

В мире ветра, в мире воды  
я родился, увидел свет,  
в доме ветра, в доме воды  
довелось мне жить с малых лет.  
Горе ветра, горе воды —  
вы оставили в сердце след!  
У Дуная стою в тишине —  
город каменный слышится мне. . .



Щедрый ветер меня ласкает  
и живой водой угощает...  
Что за счастье!  
Краса и мир!  
Разгорается в сердце пир!  
Я в раздумье смотрю кругом:  
ветровой  
не забыл ли дом?  
Не рассеялись ли в тиши  
брызги той водяной души?  
У Дуная стою в тишине —  
город каменный слышится мне...

\* \* \*

Материнский огонь не гаси,  
и отцовский огонь не гаси,  
и братишкин огонь сберегай...  
Свой огонь молодой зажигай —  
пусть сильнее он и ярче горит,  
пусть он имя твое озарит!  
Человеческим сердцем владей —  
и останешься в сердце людей!

### ДИВНЫЙ КРАЙ

Край же, рассуждая строго,  
Как букет на шляпе бога.  
Дивный край, подобье сада,  
Глазу и душе отрада.

*Шандор Петефи*

В дивный край я пришел —  
Он лежал далеко...  
Как под небом венгерским  
Ходилось легко!  
И глаза мои шли, и они не могли  
Оторваться от этой прекрасной земли,  
От зеленых садов, от синеющих гор,  
От речных берегов, от прозрачных озер...  
Это сказано верно, услышишь и ты:

«Здешний край —  
Как на шляпе у бога цветы».  
Только шляпа-то есть,  
А вот бога-то нет...  
Где ты,  
Дух отошедших и завтрашних лет?  
Не тебя ли искала душа —  
И нашла:  
Вековечную мудрость,  
Большие дела,  
Человеческий гений —  
Связует лишь он  
Нить грядущих времен  
С нитью прошлых времен...  
Будь прославлен, мадьярец:  
В труде твоём есть  
И всемирный размах,  
И высокая честь.  
Край хунгарский счастливый,  
Подарил ты уже  
Глазу — дивное диво,  
Отраду — душе!

*Перевел с манси С. Ботвинник*

## ВАДИМ ШЕФНЕР

---

### У ВХОДА

Швейцар — великий царь дверей  
Застыл у входа в зал.  
— Впусти, старинушка, скорей, —  
Хочу поднять бокал!

Он наставительно в ответ:  
— Зал, видишь, не пустой.  
Местов свободных, видишь, нет, —  
Повремени, постой.

Что ж, указание дано —  
Помедлю, погожу. . .  
Я сквозь зеркальное окно  
На пир чужой гляжу.

Мне лица хорошо видны,  
Себя я вижу в них,  
И все грустней — со стороны —  
Веселие других.

Пойду-ка я в свое жильё,  
Жена заварит чай. . .  
— Я все отпраздновал свое, —  
Прощай, старик, прощай!

### ЗОЛОТАЯ СЕРЕДИНА

Твой супруг не бедняк и не скаред,  
Только лучше б вам быть победней:  
Драгоценности женщину старят,  
Если слишком их много на ней.

Стал ухоженный дом тебе скучен,  
Неуютно на свете тебе,  
И от этих бирюлек блескучих  
Светлых отсветов нет на судьбе.

Но безденежье — тоже несладко.  
Радость ходит тропой золотой  
Между жирным излишним достатком  
И пропойною злой нищетой.

Между царствами «Густо» и «Пусто»  
Есть долина в весеннем цвету. . .  
Серединность опасна искусству  
И спасительна в частном быту.

### ТРОПКИ

В черепной твоей коробке  
Вьются памятные тропки,  
Все, кого ты в жизни встретил,  
Держат путь по тропкам этим.

Нет иных давно в помине —  
Но они с тобой поныне;  
С теми в ссоре ты давнишней —  
Но они в тираж не вышли.

Будь же сам к себе построже  
И добрее к прочим людям, —  
Ведь и ты шагаешь тоже  
По тропинкам чьих-то судеб.

### ПИСЬМО В ПРОСТРАНСТВО

Медицинская сестренка  
Симпатичной красоты,  
Помесь ангела с чертенком,  
Где владычествуешь ты?

У тебя, наверно, дети.  
Внук, наверное, растет? . .  
Мы расстались в сорок третьем  
У казарменных ворот,

Медицинская сестрица,  
Сроки близятся для нас, —  
Разреши тебе присниться  
В мой ответственный час.

Если же тебя случайно  
Пережить мне суждено —  
Постучи мне на прощанье  
Белым крылышком в окно.

#### НАЕДИНЕ

Опять творится непонятное:  
Туман — бесшумнее совы —  
Наплывами, волнами, пятнами  
На берег движется с Невы.

И фонари немymi вехами  
Торчат из тихой седины,  
И все автобусы уехали,  
И все мосты разведены,

И мчится Всадник с поручением  
Ко мне — сквозь дымные столбы —  
Вручая город на прочтение,  
Как книгу тайны и судьбы.

#### ЛЕДОСТАВ

Минувшего никто не украдет,  
Но на исходе лет уйдут волненья,  
Озера памяти покроет лед  
Полупрощенья и полузабвенья.

Все, что под ним колыхается на дне,  
Подернется полупрозрачной тайной, —  
И, отражаясь в ледяной броне,  
Предстанут звезды с ясностью прощальной.

## УТВЕРЖДЕНИЕ

Я в аду продолжал бы писать стихи,  
Если б знал я, что их прочтут;  
Но в раю я бы бросил писать стихи,  
Если б знал, что их не прочтут.

## КОЛУМБЫ

Колумбы мы.  
Родившись  
с вечной жаждой,  
таинственный  
вновь открываем мир.  
Мы на земле,  
открытой не однажды,  
прокладываем  
собственный пунктир.

Нас вечно  
неизведанное манит.  
Всегда мы  
ожидания полны.  
И не беда,  
что жизнь порой обманет, —  
Колумбами  
мы быть всегда должны!

Колумбы —  
от рожденья следопыты,  
такая нам  
судьбою жизнь дана.  
Мы на земле,  
сто тысяч раз открытой,  
все новые  
находим письма. . .

\* \* \*

Нерукотворная природа  
встречает полчища народа...

Ей безразличны эти встречи:  
она не отличает лиц,  
и наши путанные речи  
ей —  
то же, что и щебет птиц.

Она стоит в свободной позе  
и наблюдает свысока,  
как мы на корточках елозим  
и пьем чаек у костерка.

А мы — наверно, ей в угоду, —  
наперебой впадая в раж,  
вздыхаем льстиво:  
«Ах, природа!  
Ах, воздух!  
Ах, какой пейзаж!»

\* \* \*

Словно тело опустело —  
так легко бродить в лесу,  
и кому какое дело,  
что из лесу принесу?

Ни грибов в лесу, ни ягод,  
ни тропинок.  
Птицы спят.



Утро.  
Мха сырая мякоть.  
На ветру стволы скрипят.

\* \* \*

Деревьям старенького сада  
спокойней, если есть ограда...

Хвала и слава садоводу,  
тот сад взрастившему,  
и там  
сгибающемуся в угоду  
своим деревьям и кустам.

В ограду бьющиеся ветки  
напоминают птицу в клетке,  
но то пустое,  
ибо им  
без ежедневного ухода  
не протянуть и полугода —  
так им уход необходим.  
Их зелень вскоре стала б  
черной,  
их утопили бы снега, —  
когда б не самый их покорный  
седой тюремщик и слуга.

## НОРА ЯВОРСКАЯ

---

\* \* \*

В ином из нас живет хамелеон:  
с людьми соприкасаясь, мы меняем  
какой-нибудь оттенок, полутон,  
и тем себя как будто не роняем.

Велик ли грех — похожесть проявить,  
пусть даже там, где нет ее в помине,  
милейшим малым запросто прослыть  
и без врагов прожить по той причине.

Мы с глупыми становимся глупей,  
с удачливым болтаем об удаче,  
среди бедных прибедняемся людей,  
с богатым тщимся выглядеть богаче...

Мы думаем: нам хватит на сто лет  
таких уловок, было бы хотенье.  
И вот итог: мы свой теряем цвет,  
мы — лишь чужого цвета подтверждение.

### РЕПЛИКА В СПОРЕ С ПОЭТОМ N...

Вы, поэт в плену старения,  
наставляющий ЛИТО,  
встретив яркое явление,  
восклицаете: «Не то!»  
Из десятков начинающих,  
прибывающих на старт,  
вы, на финише скучающий,  
отбираете стандарт.

В стихотворном первом лепете  
лишь привычное любя,  
рифмолюбцев новых лепите  
наподобие себя.  
Их проблемы, откровения  
не нужны вам, не важны, —  
ваши рифмы, ваше зрение  
повторять они должны.

Попугаи несмышленные,  
инфантильные юнцы. . .  
То-то вырастут прожженные  
от поэзии дельцы!  
Сыты вашими успехами,  
слова не обогатят.  
Со своей дороги съехали,  
но и вашу не продлят.

Вы, хотя височки в инее,  
не постигли до сих пор,  
что развитие вашей линии —  
те, кто вам наперекор  
не уступят в споре малого,  
не повторяют стертых фраз,  
кто не нынешнего, старого, —  
молодого любят вас —  
тех годов, когда горением  
было ваше бытие.  
Выражали поколение  
вы не чье-нибудь — свое.

\* \* \*

Любим площадь больше роши,  
лишь бы — в общем колесе. . .  
Быть как все, конечно, проще,  
только скучно быть как все.

Эти встречи, эти речи  
не о звездах — об овсе. . .  
Быть как все, конечно, легче,  
но ведь стыдно быть как все.

Отличай от худа чудо,  
что — на пользу, что — во вред.  
Погляди на горб верблюда,  
без него верблюда — нет.

И над кручей, и под тучей  
пребывай в своей красе.  
Быть как все, возможно, лучше,  
невозможно быть как все.

Ты живешь, ты миру нужен,  
быть собой от века — честь.  
Ты не лучше и не хуже,  
ты такой, какой ты есть.

Нам, ленинградцам, близки и понятны неотъемлемые образы карельской поэзии: одухотворенные высокие и крепкие сосны, прозрачные студёные озера, молчаливые и мужественные люди, упорным трудом создающие новый облик своего прекрасного края... В нашем городе увидели свет в переводах с финского произведения Я. Ругоева и Н. Лайне, Т. Сумманена и И. Сааринена и их товарищей, живущих в Карелии и пишущих на русском языке. Сегодня мы предлагаем читателям новую подборку стихотворений наших карельских друзей.

### ЯАККО РУГОЕВ

#### МОИ КАРЕЛЬСКИЕ КОРНИ

Я сосне подобен,  
что в глубинах черных  
в землю упирает  
жилистые корни.

Я похож на елку,  
что в чащобах края  
радостно и стойко  
иглы обновляет.

Я сродни березе,  
стройной, белоногой,  
ветры ледяные  
сдуть меня не могут.

Словно можжевельник  
я в бору песчаном,  
под пятой тяжелой  
не ломаю стана.

Деревцем горбатым  
выйду из трясины,  
за судьбой вдогонку  
набираю силы.

Наклонюсь раkitой,  
распряmlюсь осиной.  
На тропинке узкой  
ноши я не скину.

Словно гроздь черемух,  
что цветет весною,  
украшаю кудри  
ранней белизною.

Если б ивой тонкой  
я из трав явился,  
нежною свирелью  
мой бы голос лился.

Ни травой, ни ивой  
стать мне не случилось,  
вовсе по-другому  
жизнь моя сложилась.

От корней карельских —  
лад неприхотливый  
песен, что слагаю  
в честь земли счастливой!

*Перевел с финского Вс. Азаров*

## РАДОСТЬ

Еще  
Бывает радость  
И такая:  
Смотрю —  
Сидит девчушка  
Под сосной,  
В раздумье  
Корни дерева лаская,  
Как будто  
Руки матери родной.  
Сидит она  
На солнечной опушке  
В цветном платочке,  
В ладных сапожках,  
И светятся  
Веселые веснушки,  
Как ягодки брусники,  
На щеках.  
Был дождь  
Грибной,  
Теперь в лесу прохлада,  
Горят дождевики,  
На землю скользя...  
Стою, смотрю,  
Мне ничего не надо,  
Я счастлив так,  
Что выразить нельзя!

*Перевел с финского Г. Пагирев*

## ТАЙСТО СУММАНЕН

---

\* \* \*

Когда глядишь на мир недобрым взглядом,  
глядит и мир угрюмо на тебя:  
и туч ползут темнеющие гряды,  
и ветер рвет деревья, теребя.

И озеро не блещет, не смеется,  
и даль мрачна, и, выглянув на миг,  
улыбку деланную выжав, солнце  
опять за тучами свой прячет лик.

Но если взгляд исполнен твой доверья —  
радушен мир, открывшийся вокруг:  
и волны льнут к ногам, и вновь деревья  
дарят тебе пожатья добрых рук.

И ветер полон и тепла, и ласки,  
и мягким мохом твой устелен путь,  
и бодрым духом сам мороз январский,  
как вешним хмелем, наполняет грудь.

Суров мой край, но нет мудрей завета,  
который здесь хранится испокон:  
«Земля такой встречает человека,  
какой ее увидеть хочет он».

*Перевел с финского О. Мишин*



## МАРАТ ТАРАСОВ

---

\* \* \*

Мне из рощи прорешливой,  
То печально-грустны,  
То задорно-насмешливы,  
Птичьи речи слышны.

Там на илистой отмели  
Плеск играющих рыб  
И волны неохотливой  
Затихающий всхлип.

Голос филина издали,  
И болотную хлябь  
Неожиданно вызнобит  
Чуть заметная рябь.

Сколько звуков накоплено  
Этой далью ночной  
И навеки утоплено  
Набежавшей волной.

И одно утешение  
Озаряет мне дни,  
Что отыщут спасение  
В глуби сердца они.

\* \* \*

Нахлынувшею тучею накрыт,  
Озерный мир оцепенением скован,  
И лишь чирок в чащобе тростниковой  
Бормочет и срывается на крик,

Сгущается клубящаяся мгла,  
И ею воздух досыта насыщен,  
И лижет пена угля кострища,  
С речным песком мешается зола.

Завороженно бредя вышиной  
И ожиданием грозового гула,  
Речная глубь неслышимодохнула  
Прохладой и придонной тишиной.

И не хватает малого толчка,  
Чтоб все очнулось, весело запело,  
И дождевая нить заголубела  
Пульсирующей жилкою виска.

# ВИКТОР ПОТНЬЕВСКИЙ

---

## СУМЕРКИ

Дохнет остудой колодец,  
И сразу дышится легко.  
И сердце так в груди колотит,  
Что отзвук слышно далеко.

Изба зовет свеченьем окон,  
И шум травы поет в ушах.  
И громко плещет крупный окунь  
В соседской сетке в камышах.

Теплом душевным дышит банька...  
Здесь все на месте, как нигде.  
И только жестяная банка  
Бельмом белеет на воде.

Бесшумно обнялись деревья,  
Беззвучно родилась луна.  
Молчит карельская деревня,  
И в целом мире тишина...

## ПОТОК

Белеют вершины. Светлеет восток.  
Чернеет ущелья оскал.  
Свирепый и смутный бушует поток  
В гранитных объятиях скал.

Рождался он там, где в седом леднике  
Ручьи, словно слезы, чисты.  
И он по граниту бежал налегке,  
Совсем не боясь высоты.

Он горные тропы водой очищал,  
Бросался на камни, гремел.  
Все меньше в себе высоту ощущал,  
Все больше и больше мутнел.

Теперь он стремителен, мутен, жесток,  
От бешеной гонки устал.  
Свирепый и пенный бушует поток  
В гранитных объятиях скал.

А жизнь торопливее день ото дня,  
Стремительна, как никогда.  
Как будто в могучем потоке меня  
Мои увлекают года. . .

. . .И, бег направляя к последней черте,  
Где ждет его воды река,  
Тоскует поток о былой высоте,  
О чистых слезах ледника.

ОЛЕГ ТАРУТИН

МГНОВЕНИЕ

Человек в коричневом берете  
поскользнулся громко на паркете.  
Это было ровно в девять тридцать.  
Это было на курорте в Ницце.  
В тот же миг в одном из парков Лимы  
некий дон окурок бросил в урну  
и, увидев, что летит он мимо,  
вдруг подумал:

«Это некультурно...»

В тот же миг боксер канзасский Джексон —  
гордость клуба «Кулаки и Скулы», —  
торопясь, сглотнул остаток кекса,  
размышляя:

«Как бы не раздуло...»

В тот же миг Иван Петрович Кошкин,  
тихий житель города Калуги,  
передал в почтовое окошко  
телеграмму выбывшей супруге.  
А небритый слесарь Воеводин  
и датчанка Мэри Даниельсон  
в этот миг мечтали о разводе,  
мол, иначе —

головой на рельсы!

От стеченья данных обстоятельств,  
по законам странным и зловещим,  
во Вселенной,

кстати иль некстати,  
совершились вот какие вещи:  
две звезды из Млечного комплекса  
в темноте растаяли беззвучно.  
А значенье данного дефекта  
объяснять без формул несподручно.

Ну а если б этот дон-мазила  
свой окурок выщелкнул левее —  
катастрофа б худшая грозила,  
но уже созвездью Водолея!

### ИСПАНСКИЕ МОТИВЫ

Невесомую галерой  
мимо туч плывет Селена.  
Тихий плеск реки Дуэро.  
Тишина во всей Вселенной.  
Спят дома и переулки,  
спят купцы, и спят поэты,  
альгвасилы в караулках  
спят, оставив арбалеты.  
Спят ремесленники мирно...  
Только, чу!  
Откуда звяки?  
Это чей там стук настырный  
железякой в железяку?  
Это славный дон Фернандо  
бьется насмерть с дон Диасом.  
Может, подана команда  
двум бойцам такого класса?  
Может быть, вражды столетья  
или страсть к одной сеньоре?  
Может быть, интриги сети  
привели их к этой ссоре?  
Нет и нет!  
Не угадали!  
И напрасны все потуги.  
Час назад еще не знали  
эти гранды друг о друге.  
К пункту А спешил Фернандо,  
к пункту Б — Диас влюбленный —  
два отдельно взятых гранда  
к двум отдельно взятым доннам,  
И в процессе продвиженья  
в два часа и три минуты  
вышло здесь пересечение  
их стремительных маршрутов.  
Разойтись бы. Да непросто —  
переулок слишком узкий,

Гранду гранд — что волк тамбовский  
или даже андалузский.  
Драка грандам — что находка,  
день без драки — что пропажа.  
Кто проткнет,  
кто будет проткнут —  
это им неважно даже!  
И тотчас же в угол вещи:  
и плащи, и мандолины.  
И по шпаге шпага хлещет,  
и в душе у них — малина!  
... Не бояться в жизни риска,  
высекая шпагой искры,  
дон Диас д'Сан-Франциско,  
дон Фернандо д'Канистра.  
— Поздравляю, дон любезный,  
вы мою проткнули печень!  
— Поздравленья бесполезны —  
я смертельно изувечен!  
... И упали враз без стога  
два отдельно взятых дона —  
близнецы в своей судьбе.  
... И ворочаться бессонно  
в ожиданье оскорбленном  
двум отдельно взятым доннам  
в пункте А  
и в пункте Б.

### В КОРИДОРАХ ЛУВРА

— Сир! —  
сказал королю кирасир,  
нервной шпорой терзая паркет. —  
Вам известно, что жулик кассир  
вашу гвардию сводит на нет?  
Мы все лето средь ядер и пуль,  
мы сражаемся с мыслью о вас!  
Государь!  
На исходе июль,  
а получен лишь майский аванс!  
Ну и сумма!  
Ведь это на раз!

Посидели,

и снова — в кредит. . .

А починка разбитых кирас?

Сир! Пробоины все — на груди!

Обнищали, проелись дотла

без графинь, баронесс и маркиз. . .

Умираем, чтоб ваша взяла!

А теперь — этот подлый сюрприз?!

Государь,

может, он наболтал,

что не будет квартальных щедрот?

Что не выполнен план за квартал

по количеству взятых высот?

Негодяй! Тыловой крючкотвор!

Это ж место болотных низин!

Где там горы?

Хоть малый бугор?

Мы же там пропадаем в грязи! —

. . . Кирасир говорил и кричал,

рвал кирасу в припадке тоски,

А король сокрушенно молчал

и поглаживал грустно виски.

— Поль, — сказал кирасиру король, —

я и сам-то к нему, что к врагу,

Я его колесую, изволь,

но придраться к нему не могу! —

. . . А кассир все трудился в поту,

пятернею копал в парике.

И любому свою правоту

доказал бы с бумажкой в руке.



### ТАЛАНТЫ

О книге, о концерте, вернисаже  
Прочтешь в журнале критику подчас  
И видишь:

                                сколько гениев у нас!  
А кое-кто из них талантлив даже. . .

### ОСТАЛИСЬ

Мы — атеисты.  
Это не секрет.  
Мы верим в микромир и атом,  
Святых давно в помине нет.  
Зато угодников —  
                                куда там!

### НА КОНСЕРВНОМ ЗАВОДЕ

Напрасно ждут машины у ворот;  
Завод не принимает помидоры.  
Закреты все ворота на запоры —  
Других заводу дел невпроворот! . .  
Во всех цехах с утра работа встала:  
Есть помидоры — нету персонала!  
Он весь, от инженеров до вахтеров,  
Отправлен на уборку помидоров! . .

## ИЗ ГАЗЕТ

Газеты вечно ищут новое,  
И я прочел в одной статье:  
«Три дня работала столовая  
На сэкономленном сырье».

## ПРЕСТИЖ

— Не лезь! — учил друзей Престиж. —  
Залезешь — запросто слетишь!  
— Но ты ж забрался в вышину?  
— Вот я оттуда и спихну.

## ТЕАТР ОДНОГО АКТЕРА

Театр одного актера.  
А в нем —  
директор,  
два вахтера,  
три гардеробщика,  
кассир и билетер,  
буфетчица,  
сантехник,  
режиссер,  
завлит,  
помреж,  
пожарники,  
монтер,  
сам исполнитель,  
два его дублера, —  
вот вам  
театр одного актера!

## СОГЛАСНО ГРАФИКУ

Для строительных бригад  
создан график на две смены:  
а) сначала красят стены,  
б) покрасив, их долбят.





## СВАДЬБА

Тоня Толю полюбила,  
Толя Тоню полюбил.  
Все вполне обычно было,  
Мама маму торопила,  
Папа папе говорил:  
«Оженить, и все дела!»  
Тетка вводные дала:  
«Быстро в загс,  
Без выкрутас!  
Раз.  
Жить у бабушки сперва —  
Два.  
Свадьбу, что ни говори,  
Справить надо,  
Это три.  
Каждый родич  
И родитель  
Что-то вносит в общий пай.  
Свадьбу справим, и живите,  
Как желаете.  
Гуд бай!»  
Но сказали Толя с Тоней:  
«Свадьбу, может быть,  
не стоит?  
Может, справимся одни,  
Без гостей и без родни?  
Вы, да мы, да молодежь?»  
Мамы подняли галдеж:  
«Где же ваша совесть,  
детки?!  
В наших кланах два  
прадедки,

Три прабабки, шесть дядьев,  
Разных теток семь голов,  
Братья, сестры, внучки, внуки  
И собратья по труду. . .»  
Толя первый поднял руки  
И сказал:  
«Пускай придут».

И пришли.  
И дружно сели.  
Много пили, много ели.  
И покрикивали: «Горько!» —  
Каждый столько, сколько  
мог,  
То селедкой, то икоркой  
Заедая каждый чмок.

Вот и музыка.  
Вначале  
Каблуками постучали,  
А когда остыла прыть,  
Разошлись поговорить.  
И какой-то дядя Толе  
Говорил:  
«Дурак ты, что ли?  
Окрутился в двадцать лет!  
Хуже бабы зверя нет!  
Например, моя жена, —  
Не жена, а сатана!  
Выпить, ведьма, не дает  
И сама, хоть режь, не пьет!  
В день получки, что конвой,  
Ждет меня у проходной  
И ведет домой за ручку  
И меня и всю получку!  
Я с такой женой стервозной  
Маюсь двадцать третий год.  
А тебе еще не поздно —  
Свадьбу справишь и. . .  
развод».

«Ах, — шепнула тетя  
Тоне. —  
Мы в ярме мужицком стонем.

Ох, замужество не рай!  
Ты вари, и ты стирай.  
А мужчина — что байбак:  
«То не этак, то не так!  
Где рубаха? Где обед?»  
От него и от котлет  
Обалдеешь в двадцать лет!  
Мне в районе сорока,  
Я не замужем пока,  
И не пробую, не тщусь.  
Может, к пенсии решусь!  
Стану гладить, буду шить...  
А тебе зачем спешить?»

Дед и прадед у стены  
Добрались до старины.  
Оказалось, что у Тони  
Предки были при дворе,  
Герб имели на фронтоне  
При Иване и Петре.  
В то же время предки Толи  
Не имели в доме соли,  
Ненавидели царей,  
Уважали бунтарей.  
И сказал сердито старый  
Бородатый Тонин дед:  
«Этот Толя нам не пара,  
Их нигде в анналах нет».

«Дать бы вам под зад  
коленкой!» —  
Прадед выдохнул в ответ  
И ушел, держась за стенку  
(Все же восемьдесят лет).

Папы, словно два боксера,  
Разбежались по углам,  
Потому что вышла ссора,  
И конечно, из-за мам.  
Мама Тони подсчитала,  
Что гостей у Тони мало,  
А платили пополам:  
«Кто вернет две сотни нам?»  
Мама Толи подсчитала,

Что подарков слишком мало,  
Что у Тониной родни  
Очень дешевы они,  
Что прабабушка Смирновых  
Не платила ни гроша,  
И поэтому Смирновы  
Не получают ни шиша!  
В напряженной обстановке  
Мама Тоню увезла,  
Бедный Толя, без сноровки,  
Выпил лишнее со зла.  
Папа Толи на балконе  
Дал по шее папе Тони  
И потребовал:  
«Невесту  
Возврати тотчас на место,  
А не то даем развод!»  
— «Не пугай», — ответил тот  
И со всей своей родней  
Под шумок сбежал домой.  
А родня и гости Толи  
Не покинули застолье  
И под вкусный антрекот  
Дружно пили за развод!  
А наутро ясно было —  
Тоня Толю не любила,  
Толя Тоню не любил,  
В лучших чувствах  
оскорбил...

«Ай-яй-яй, —  
Сказали предки, —  
Нашалили наши детки,  
Разругались ни за грош!  
Ох уж эта молодежь!»



## ПАРОДИИ

### УТОНУВШЕЕ СЧАСТЬЕ

«О, я был с тобою логичен —  
пока ты кричала «Тону!»,  
я возраст из возраста вычел,  
прибавил свою седину...»

*Андрей Лядов*

У речки на старом понтоне  
Стоял я один при луне.  
Вдруг вижу: красавица тонет  
И руки простерла ко мне.  
Превратностей много на свете:  
Допустим, я руку подам —  
Пойдут обязательно дети,  
Пеленки, горшочки, а там  
Упреки, намеки, измены,  
Потом, в довершение беды,  
Раздоры, скандалы, размены,  
Развод, алименты, суды...  
А может, все будет иначе?!  
Я снова взглянул на нее  
И понял: мне случай назначен,  
Чтоб выловить счастье свое.  
И, словно меня подтолкнуло,  
Я бросился к женщине той...  
Но поздно.

Она утонула.  
И я до сих пор холостой.

## ЛЕСНАЯ ИСТОРИЯ

«До сих пор люблю  
В апреле  
Раннюю встречать зарю,  
За деревней,  
Возле ели  
Посижу да покурю».

*Владимир Кулагин*

Бабым летом, по привычке,  
Словно баловень судьбы,  
Я забрался в электричку —  
И в деревню, по грибы.  
Сапоги до подбородка,  
До колена пиджачок. . .  
Вдруг смотрю — за поворотом  
Мой знакомый старичок,  
Митрофаныч, бывший мельник.  
Я к нему: «Здорово, дед!  
Вот, собрался снова в ельник,  
Он на месте али нет?» —  
«Были ели, да сгорели, —  
Дед, вздохнув, проговорил. —  
Там какой-то тип  
В апреле  
Посидел да покурил. . .»

## МУЗЫКАЛЬНЫЙ МОМЕНТ

«По гулким лоджиям в накат  
ритмичен резонанс приборя.  
Лежу как бы внутри гобоя —  
весь музыка и музыкант!»

*Игорь Инов*

Закрыты двери. Гаснут лампы,  
Зал погружается во мрак.  
Ведущий, стоя возле рампы,  
Украдкой поправляет фрак.  
Уселись чинно музыканты.  
И, как на выданье вдовец,  
Готовый выдохнуть бельканто,  
Стоит взволнованный певец.

Все жаждут с музыкой свиданья,  
В партере стихли голоса.  
Минуту длится ожиданье...  
Еще минуту... Полчаса...  
И, от смущения малинов,  
Ведущий вынужден сказать:  
«В гобой опять забрался Инов  
И не желает вылезать».

# *СТРАНИЦЫ ПАМЯТИ*



# НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

(1896—1979)

## ИЗ РАННЕЙ ЛИРИКИ

Молодой Тихонов работал увлеченно. Случалось, в день он сочинял до пяти стихотворений. Потом начиналась селекция, выбраковка и просто безжалостная расправа со слабыми строчками. Они подлежали уничтожению. Однажды он сказал мне:

— Что не успел сделать я, сотворил огонь.

У этой фразы был двоякий смысл: Тихонов сжигал плохие стихи. Но разговор был в Переделкине, после пожара на его даче.

Тогда он не знал, что многие папки с юношескими стихами сохранились, в том числе и на городской квартире.

Он хотел и страшился взглянуть на давно написанное и тогда же им забракованное. И все-таки отважился. Так в московском «Дне поэзии» и одиннадцатой книжке «Юности» за 1957 год появились подборки юношеских стихов.

— Давайте выпустим книгу ранней лирики?

Николай Семенович отмахнулся от предложения. Но искра была заронена. Нет-нет да и открывал он старые папки, аккуратно сброшюрованные тетрадки со стихами.

— Нужен отбор.

Голос его был непреклонным.

Сам он его произвести не успел.

Зная, сколь требовательным был к себе Тихонов, мы выбрали для публикации только несколько стихотворений, написанных в 1914—1921 годах.

*Д.м. Хренков*

### ГУЛЯКА

Все б ему плясать да хороводиться —  
Заманить, запеть —  
Даже поп из церкви Богородицы  
Вылез посмотреть.  
Даже баба испокон болезная,  
Курицы слепей,

Слушает про ноченьку безвестную,  
    Про лихих гостей.  
И дурит, чудит, гремит, чудачит  
    Растеряха-парень — в чем душа!  
А послушай — вслушайся — заплачешь,  
    Будешь слушать не дыша...  
Чудодей — такие на дорогах  
    Натворили коробки чудес,  
Из-за них и спор идет у бога  
    С старшим бесом: неподатлив бес.  
Смотрят сквозь надмирные покровы  
    В распыленную, земную дрожь,  
Слушают гуляки-краснословия  
    Золотую, искреннюю ложь.  
И никак понять они не могут  
    Этот уголь, спрятанный в золу, —  
Славословит ли он жизнь бога  
    Или бесу он поет хвалу?..

*XII, 1920*

### ДРЕВНОСТИ ЕГИПТА

К ногам смолисто-хрупких мумий  
Привяжет сторож номера,  
И в залах призрачных раздумий  
Сыграют франты в баккара.

И флирта смех, и тонкость позы,  
И танцы мод займут места,  
Где аромат сожженной лозы  
Вкушали бронзовые Пта.

Священно-алого фламинго  
Автомобиль убил гудком,  
Панелью круглой скетинг-ринка  
Замкнулся магов водоем.

Гостей ведут с поклоном гиды —  
Так глупость водит карусель —  
Мимо бесславной пирамиды  
В веках прославленный отель.

И только кошка в мире спящем,  
Худая, с порванным хвостом,

Своим мяуканьем хрипящим,  
Тоскуя, плачет о былом.

О том, что в этих серых лапах,  
В глазах, светящихся мертво,  
Жрецы, народы и сатрапы  
Когда-то чтили божество.

1914

\* \* \*

Разбрелись, как телята,  
По опушке маслята,  
Подберезовик тощий  
Перебрался из рощи  
По канавному краю  
К земляничному раю,  
А в канавах лисички  
С ноготок невелички. . .  
Всякий сел, где хотел.  
В стороне между пнями —  
Белый Гриб Толстотел  
Многогрешный.  
А в кустах, за кустами,  
За валежником хилым,  
Приглушенным весной,  
Все полным-полно силы,  
Тьмы пестрядной, лесной —  
Сыроежкой!

### ИТАЛИЯ

Обольстительные тамбурины,  
Ночей вулканная тьма,  
Поцелуй, как укус осиный,  
О, страна, где, как факел синий,  
Пляшет муза, сойдя с ума.

И тобою живут и бредят  
Те, что знали твое вино,  
Виноградный ток сонета,  
Юной страсти вечное лето  
Там, где рощ апельсиновых дно.

О, как многих ты заласкала,  
Не любовница и не мать,  
Вот и мне показалось мало  
Только видеть твое покрывало,  
А улыбки твоей не знать.

Я приду к тебе чужанином,  
Но ты спляшешь мне и споешь?  
Хоть с расколотым тамбурином,  
С поцелуем таким невинным,  
За которым и яд и нож.

\* \* \*

Ты живешь одна в Ораниенбауме,  
Где в садах скрипучие качели,  
Где сидят вороны на шлагбауме,  
Как при Павле, при Петре сидели.

Где к вечерне шлепают старушки  
И мычат коровы в переулке,  
Где в сарае бронзовые пушки  
Треуголки помнят в караулках.

Там, где лодки пляшут без причала,  
Бродишь — и никто не приголубит, —  
Хочешь, чтоб и море отвечало,  
Как ромашка: любит иль не любит?

И сидишь ночами на веранде,  
Пишешь письма или ждешь гонца,  
И скользит неслышно тень Ринальди  
По стене Китайского дворца.

1921

\* \* \*

Надо все преломить и измерить,  
Ничему не поверить на глаз.  
И на слух ничему не поверить,  
Вновь граненьем проверить алмаз.



Посмотреть, не солены ли соты,  
Не преснеют ли соли земли,  
Не в поддельные ли переплеты  
Наши книги переплели?  
Не смущаясь, что мир наш давний,  
Снова жизнь и стихи сгустить —  
Чтобы проще гвоздя и камня  
В память наших детей врати!

*Публикация В. Тихоновой*

## ОБ ИВАНЕ ЛОГИНОВЕ

---

### *Бронислав Кежун*

#### ПОД ЗНАМЕНОМ «ПРАВДЫ»

Отряд пролетарских поэтов красного Питера — особое явление в истории нашей литературы. Как интересно сегодня перечитывать их строки! Бесхитростные, не всегда профессионально отточенные, они доносят до наших дней живое дыхание давней борьбы. И очень кстати на страницах сборника «День поэзии» вспоминать порой иные полузабытые имена. Такие, например, как имя Ивана Логинова.

Он родился на костромской земле, в деревне Паршуки. По окончании сельской школы его отдали на выучку в шапочную мастерскую соседнего торгового села. Не выдержав трудных условий работы, в 1905 году Иван сбежал в Петербург.

В городе на Неве Логинов стал уличным точильщиком — ходил по дворам; затем учился в слесарной мастерской, работал слесарем на арматурном заводе, откуда был уволен за участие в забастовке. Типичное начало биографии пролетарского стихотворца!

В городе Логинов познакомился со стихами и поэмами Н. А. Некрасова — зачитывался ими. Пробовал сочинять свои стихотворения, в которых изображал тяжелую жизнь питерских пролетариев, славил индустриальный труд.

В 1912 году вступил в партию большевиков. А незадолго до этого, в феврале 1911-го, в газете «Звезда» появилось первое логиновское стихотворение «Надо счастья, надо воли». Понемногу начал печататься и в других изданиях: в «Трудовой правде» (стихи «Раньше я любил природу»), в «Пролетарской правде» (стихотворение «Металлисту»).

Особенно плодотворным стал для поэта 1917-й — год Великой Октябрьской социалистической революции,

В начале года Логинов служил в книжном магазине Попова, потом в книжной лавке издательства «Прибой». В период Октября был организатором рабочей библиотеки на заводе «Парвайнен». И так же, как другие пролетарские поэты — Николай Рыбацкий и Илья Садофьев, Никифор Тихомиров и Павел Арский, — Иван Логинов стихами приветствовал зарю новой эры:

В дни коронации труда  
Внимал я голосу народа:  
«Октябрь Семнадцатого года  
Мы не забудем никогда!»

Не только в праздники — всегда  
Мы будем петь в стенах завода:  
«Октябрь Семнадцатого года  
Мы не забудем никогда!»

Твердить мы будем и тогда,  
Когда упрочится свобода:  
«Октябрь Семнадцатого года  
Мы не забудем никогда!»

Это стихотворение впервые было напечатано в газете «Северная правда».

Великий и грозный год Революции оказался для Ивана Степановича памятным еще и по той причине, что вышла в свет первая книжка его стихотворений «У станка», пусть небольшая, но главное — вышла! Такое событие для поэта — всегда радость.

Сразу же, в самом первом стихотворении, поэт так определяет свою позицию:

Я не поэт, а пролетарий,  
И песнь моя не так звучна...

Идейное и художественное самоопределение автора продолжается и в стихах, адресованных «Поэту-мещанину»:

Не тот поэт, кто гладко пишет  
И рифмы звонкие плетет,  
А тот, чей стих борьбою дышит  
И к новым формам мир зовет.

За первой книгой И. Логинова последовали другие — «На страже» (1918) и «Накануне» (1919). Позднее, в 1925 году, вышел сборник «Под знаменем правды», а в 1958-м Костромское областное издательство выпу-

стило книгу «Стихи», с портретом автора, — пока единственное посмертное издание поэта.

О сотрудничестве Ивана Логинова в газете «Правда» хочется рассказать подробнее.

Началось оно, это сотрудничество, в 1913 году и оказалось длительным и плодотворным.

В апреле 1922-го, когда «Правда» отмечала свой десятилетний юбилей, Иван Логинов напечатал в родной газете свое лирическое приветствие — стихотворение «Под знаменем твоим (К десятилетию «Правды»)»:

Любили мы природу,  
Но больше — города,  
И первенство заводу  
Мы отдали тогда.

Завод с его движеньем,  
С мечтой о днях иных  
Был огненным крещеньем  
Поэтов молодых.

А кровная газета  
Трибуною была,  
И своего поэта  
Окраина нашла.

И, как тогда, в апреле,  
Мы «Правде» говорим:  
Идем к заветной цели  
Под знаменем твоим.

Годы революции и гражданской войны были на творческом пути поэта наиболее яркими: в это время он создал самые значительные свои произведения.

Революция победила, но ее надо было защищать от белогвардейских банд Колчака, Юденича, Деникина, от полчищ иностранных интервентов. И поэт обращался к народу свободной России с призывом:

Поклянемся на братской могиле,  
Что великий российский народ  
Не уступит низвергнутой силе,  
Не отдаст он добытых свобод.

Поклянемся, что рать трудовая  
Не забудет погибших борцов  
И пойдет, ни на что не взирая,  
В царство братства — из мира оков!

А в 1918-м Иван Степанович Логинов дал достойный ответ поэтессе Зинаиде Гиппиус на ее злобные лжепро-

рочества («И скоро в старый хлев ты будешь загнан палкой, народ, не уважающий святынь»), полные несбыточных надежд на разгром Советской власти, на возврат царизма.

Логинов писал:

Крестьяне и рабочие  
Историю творят,  
А Гиппиус и прочие  
К ним злобою горят.

Крестьяне и рабочие  
Свободу берегут,  
А Гиппиус и прочие  
Воспеть готовы кнут... .

Это стихотворение было напечатано в «Красной газете», куда Логинов был послан работать по направлению партии. В этой газете, под рубрикой «Наш дневник», почти ежедневно печатались логиновские эпиграммы и фельетоны. § 1919-м стихи поэта часто появлялись в газете «Боевая правда» (под псевдонимом Парвайненский), в «Бедноте», в «Петроградской правде».

В песне «Красноармейская» И. Логинов выступает от имени миллионов советских воинов:

Внемля красному набату,  
Я иду в последний бой.  
Революции ль солдату  
Не стоять за новый строй?!

Опяшусь лентой пулеметной  
И пойду без отдыха туда,  
Где такие же, как я, поротно  
Шествуют под знаменем труда.

Рассказ о литературном и жизненном пути Ивана Степановича был бы неполон, если не упомянуть о работе поэта над стихами о Ленине. Еще в 1918 году он написал стихи, в которых гордо заявил: «Я — ленинский поэт!»

А в холодные, скорбные январские дни 1924 года Логинов посвятил памяти В. И. Ленина такие строки:

Умер наш любимый капитан...  
Умер тот, кто каждый день был с нами...  
Разве можно выразить словами  
Скорбь великую трудящихся всех стран?

В последние годы своей жизни поэт писал мало — был занят на партийной работе. Был библиографом Госиздата, работником Ленинградского партийного клуба, Общества старых большевиков, Института истории партии. Последняя прижизненная книга Ивана Степановича — это брошюра под названием «Фридрих Энгельс. Материалы к библиографии его сочинений».

В первые дни Великой Отечественной войны поэт-коммунист Логинов вступил в народное ополчение, был политработником. Погиб на боевом посту в тяжелую зиму ленинградской блокады — 4 марта 1942 года. Имя его не должно быть забыто.

# НИКОЛАЙ БРАУН

(1902 — 1975)

## ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО

Неопубликованные стихи Николая Леопольдовича Брауна, взятые из его тетрадей, отмечены зрелой полновесностью брауновского стиля, музыкальностью звучания, разнообразием оттенков глубоко самобытного, напевного русского слова.

Каких бы тем ни касался Браун — будь то родная природа или героика войны, тема российской истории или новаторства в искусстве, — он всегда чувствовал, что задача поэта, ставшего мастером, — воздействовать на косный мир, сделать явной его еще не открытую для человека красоту. Это и стало для него «вылазкой в будущее».

Заостренность слуха к звучанию времени сочеталась у него с одержимостью поэтического поиска. Браун был убежден, что «там, где кончаются поиски, — там кончается искусство», и в беседах со своими учениками, начинающими или уже видными молодыми поэтами, отстаивал право на эту лирическую одержимость. Однако поиск для него означал удачу, если он обогащал, расширял предыдущий, был восхождением на новую ступень, при достаточном знании классических достижений. Он всегда помнил о тех мастерах слова, которые были первыми знакомцами детских лет и с которыми он не расставался.

В автобиографии Николай Браун пишет: «Тульская и орловская земля воспитала во мне глубокое чувство поэтического. Это были тургеневские, лесковские, фетовские, бунинские места». К произведениям об этих незабываемых для поэта местах относится не напечатанное при жизни стихотворение «Речка Снежедь».

Тема города на Неве, воспринятого исторически, совместно с темой истоков родного слова срединной России обрели в голосе поэта полную мощь, и стихи об этом составили ряд его творческих достижений (они частично вошли в книгу «Вехи времени»). В этом ряду неопубликованное стихотворение «На невских берегах».

Николай Браун был участником трагического «таллинского перехода» осенью 1941-го. Суровые годы войны на Балтике, дни бло-

кады, потеря многих друзей и близких нашли свое воплощение в его стихах, где с необычайным темпераментом воссоздана панорама событий тех лет. Неопубликованной осталась «Поэма похода». Нигде не помещенное стихотворение «В дни войны» написано в последние месяцы жизни.

Тонким лиризмом отличаются его стихи-раздумья о любви и посвящения современникам и друзьям. Не все из них вошли в посмертную книгу «К вершине века». Например, осталось неопубликованным «Стареют женщины. . .».

До самых последних дней Николая Брауна волновали судьбы младших современников, он мысленно обращался и к «будущему ровеснику» и хотел предугадать пути будущего поэтического поиска.

Одному из своих молодых друзей он выразил пожелание: «. . .утверждать, воспевать, совершенствовать жизнь силой поэтического слова».

Поэт, которому 15 января будущего года исполнилось бы 80 лет, остался верен себе до последнего дня, до последней строки.

*М. Комиссарова*

## НА НЕВСКИХ БЕРЕГАХ

Здесь поднялась, кострами полыхая,  
Вбивая сваи, камни волоча,  
Россия допетровская, глухая, —  
Петром в ночи зажженная свеча.

Здесь начала петровская Россия  
Отмеривать саженные шаги.  
Ее рожденье кровью оросили  
Расправы, пытки, дыбы, батоги.

Здесь, пробудясь и расправляя крылья,  
Грядущий день провидя наперед,  
Прорезав мрак тысячелетней были,  
Орел России начал свой полет.

Изба ее — добротная.

Народом

Была из дуба рублена она.  
В ней были хлеб и золото, земли, воды  
И клады недр. Но не было Окна.



Была Европа рядом, за кордоном.  
Связуя страны, пенились моря.  
Заморский флот, товарами груженный,  
Бросал к чужим причалам якоря.

России было от богатства тесно,  
А ход в моря захлопнут на запор.  
Помыслил Петр: «Так быти неуместно!..»  
И, поплевав на руки, взял топор.

И стал рубить Окно.  
Щепа летела,  
Рвались ядра. И, в боях успев,  
Он сам пошел к заморским корабелям  
И, хитрую науку одолев,

Собрал людей, чтоб на российской верфи  
Российский флот построили.

И сам  
Среди каркасов и канатных вервий  
Работал там, хоть помнил царский сан.

И планы сам чертил. И прósек стрелы,  
«Прошпектов» стрелы в планы заносил.  
И люд работный гнал из всех пределов  
Всея Руси.

Хоть лютый мор косил,

Пытал и зной, и хлад, и гнус болотный, —  
Возрос как чудо новый град Петров  
И распахнул в моря свои ворота,  
Подняв на мачты сотни выпелов.

. . . . .

1968

## РЕЧКА СНЕЖЕДЬ

*Брату Корнею*

Там, где я родился, речка Снежедь  
В луговой глуши берет исток.  
Не река в разбеге побережий,  
А всего лишь робкий ручеек.

Родничка прохлада ключевая,  
Вспыхивая россыпью лучей,  
Из бучка в бучок перебегая,  
Копит силу из других ключей.

И не ручеек уже — речушка,  
Реченька, протяжная, как речь,  
Деревушек давняя подружка, —  
Все бы ей бежать, струиться, течь!

Пусть нетороплива, нешумлива,  
Вся в настое луговых цветов,  
По весне игрива и журчлива,  
Ты была мне песенкой без слов.

И хотя звалась ты малой, Снежедь,  
По-большому ты была щедра. . .  
А среди раздольных побережий  
Старшая ждала тебя сестра.

Та, большая, в чье большое русло  
Ты вбегала, радость затая,  
Чтобы вдаль бежать равниной русской  
В сказочные, может быть, края.

Ну конечно в сказку, а куда же?  
Все, что там, за синевой лесов,  
Мне казалось сказкою, и даже  
Зорь разлив мне был как сказки зов.

Снежедь. . . снежный. . . Я перебираю  
Все слова — нежнее ветерка,  
Чтоб услышать их родному краю —  
Там, где Снежедь, русская река!

1974

### В ДНИ ВОЙНЫ

Я никогда еще так не был  
Чист перед совестью своей,  
Как в дни, когда земля и небо  
Сшибались в бешенстве огней.

На мне была шинель морская,  
Фуражка и противогаз,  
Со мной была судьба такая,  
Какой не надобно прикрас.

Что случилось вдруг в те дни со мною?  
Ведь та земля, что подо мной,  
Была не просто мне землею —  
А только с буквы прописной.

Землей, которой нет дороже,  
Что испокон веков моя —  
С ее лесами, бездорожьем,  
Где там — тропа, тут — колея;

Что предков кровушкой полита,  
Примощена костями их,  
Копытом вражьи орд побита...  
И я не мог забыть о них —

О предках тех, чьим продолженьем  
Стал в неуступчивой цепи,  
Где слышал их сердцебиенье:  
— Не уступи!  
— Не отступи!

И в полный шаг, не вполвину,  
И от судьбы не прячась в тень,  
Я шел вперед по суше, сдвинув  
Свою фуражку набекрень.

И с палубы я падал в волны,  
И шел на дно,  
Но знал одно:  
Не всем, не всем от клиньев молний  
Испепелиться суждено!

Ведь кто-то вынесет победу  
На окровавленных плечах,  
Кромешный шквал огня изведав  
С кровавым отсветом в очах,

С такую скорбью, что не смоешь  
И миллионною слезой

О тех, кто рядом шел с тобою —  
И на земле и под водой. . .

Победы свет и скорби темень  
Сошлись в одно в душе моей,  
Как будто перед ними — теми —  
Виновен я судьбой своей.

1974

\* \* \*

Стареют женщины, которых  
Боготворим.

Но молода  
Нева, как прежде, вся в узорах  
Седого ладожского льда.

И небо синюю молодою  
В разводья падает с высот  
И, отраженное волною,  
Качая льдины, вдалеке плывет.

И воздух молод, как дыханье  
Ушедших молодости дней,  
Как голубое трепыханье  
В слепящих лужах голубей.

И оживает с новой силой  
Весны колдующая власть.  
И молодеют лица милых,  
Улыбкой вешней озарясь.

1968

# ЛЕОНИД ХАУСТОВ

(1920 — 1980)

## ЧУВСТВО ДОРОГИ

Кажется, совсем недавно я ставил на полку новую книгу стихов Леонида Хаустова «Слушая время», где под дарственной надписью автор поставил дату — 20 ноября 1978 года. Эта книга оказалась последней прижизненной книгой поэта. И сейчас, вспоминая своего старшего товарища, так рано ушедшего из жизни, я снимаю с полки другую его книгу: «Новоселье». Она тоже была датирована ноябрем, но 1947 года. Это была вообще первая книжка, когда-либо подаренная мне писателем! Надписи эти отделяет друг от друга тридцать один год. Автору книги — Леониду Хаустову — тогда было двадцать семь лет.

Улиц пустынных гладь,  
Плавный полет мостов.  
Чудится мне опять  
Шорох твоих шагов.

Вслушаюсь, сберегу...  
Рад я или не рад?  
Сфинксы на берегу  
Тайны свои хранят.

Тает ночная мгла.  
Шпиль над Невой блестит.  
Улица, как стрела,  
В красный рассвет летит.

Город моих стихов.  
Город твоих шагов...

Эти строки я цитирую по памяти и уверен, что она меня не подводит, ибо стихи, запавшие в юношескую душу, остаются с нами навсегда и их не надо сверять с последующими изданиями.

С первой до последней книги Хаустов, поэт преимущественно лирический, последовательно развивает три основные темы: война, Ленинград, русская природа.

Каждый поэт военного поколения — это человек, для которого война была не только тяжким физическим испытанием, но и закалкой духа.

Мертвые и живые — Гудзенко и Недогонов, Гитович и Новоселов, Межиров и Луконин, Дудин и Орлов, Наровчатов и Випокуров, Ваншенкин и Слуцкий, Друвина и Полякова, Шефнер и Пагирев, Чепуров и Ботвинник — какие разнообразные имена из сводного поэтического полка одного призывного возраста! Они демобилизовывались сложившимися людьми и на всю дальнейшую жизнь оставались поэтами-солдатами, имевшими право говорить о войне от первого лица.

И припомнишь медсанбат,  
Мелколесье. Мхи.  
Как в бреду один солдат  
Бормотал стихи.

В год тридцатилетия Победы, в новой книге опять появляются у Хаустова стихи о войне, но на ином витке жизненной спирали, с позиции зрелого раздумья, спокойной мудрости:

Еловый лапник, что над головой,  
С подушкой схож — такой же пышно сбитый.  
Сорок второй.

Землянка над Невой.  
А за порогом — «пяточок» открытый.  
Тогда мне снилось — я опять живой.  
Теперь мне снится — я опять убитый.

Военные стихи из книги «Главное в жизни» — такие, как «Два сердца», «Страх», «Баллада о старом солдате», «Артистам блокады» — это не просто стихи-воспоминания, это по-прежнему стихи-сопереживания, стихи-свидетельства. И не случайно их пронизывает ощущение гордости за пройденный путь:

С «пяточка» мы на запад пошли,  
И дымитесь остались за нами  
Сотни метров изрытой земли,  
Что потомки засыпят цветами.

Хаустов — поэт ленинградский. Для человека, который кончил Ленинградский педагогический институт, защищал город с оружием в руках, знает цену блокадного хлеба, — конечно же, Ленинград стал поэтическим отечеством.

Две темы — война и Ленинград — то и дело сдваются воедино

Положи ты нас в палате  
Окнами на Ленинград! —

так говорил раненый сибиряк из книги «Новоселье». А вот стихи из книги «Главное в жизни»:

Мы красоту в войну не предавали,  
И не был человек духовно слеп.  
Цветы, цветы! Их тут не продавали,  
А попросту меняли их на хлеб.  
Ты шла с цветами.  
Первыми твоими.  
С улыбкой окунала в них лицо.  
И обручало нас с тобой незримо  
Железное блокадное кольцо!

В те давние годы, которые переживал я над книгой «Новоселье», в годы пробуждения первой любви, одновременно пробуждалась и любовь к городу — не только через хрестоматийного «Медного Всадника», но и через такие стихи:

И все проспекты кажутся мне шире.  
А шпили — выше, громче ледоход.  
Здесь мы живем. Не в городе, а в мире,  
И этот мир в любом из нас живет.

В книге «Новоселье» поэт говорит:

Этих легких оград узорочье.  
Колоннады. Мосты. И вода.  
Я увидел их белою ночью,  
Чтоб уже не забыть никогда.

А в книге «Главное в жизни» продолжает через три десятилетия:

И только город этот вечный,  
Его обветренный гранит  
Со мной, как друг чистосердечный,  
Все понимая, говорит...

Город навсегда остался собеседником поэта. И тема города, как гемоглобин — кровь, окрашивает всю его поэтическую работу.

И еще без одного качества невозможно представить себе лирического героя Хаустова — без чувства природы, без ощущения ее вечно меняющейся красоты.

Я носил тебя в сердце, Россия,  
На войне среди мертвых полей.  
И железные ливни косые  
Мне красы не закрыли твоей.

Для Хаустова органично тяготение к среднерусскому пейзажу, при обширной, в общем, географии поэтической — Алтай, Сибирь, Север, Прибалтика.

Какая на сердце тревога —  
Поэзия, память, друзья?  
А может быть, просто — дорога,  
Большая Россия твоя?

И словно тихое эхо, отзываются этим строкам другие строки удивительной лирической силы из сборника «Слушая время»:

Вот и все. Оказалась дорога  
Чуть короче любви земной.

Это сказано печально, мудро и достойно.

Через все творчество Хаустова проходит образ рябины. Предлагаемую ниже подборку стихотворений заключают строки о рябине — они последние. А в книге «Новоселье» есть стихотворение «Рябина».

Ломать рябину красную,  
На подволоку класть.  
Какая-то пёсная  
В ней горечь есть и сладость...

Я чувствовал песенность этих стихов и говорил поэту: это же готовая песня! И вот теперь, спустя много лет, оказалось, что эти стихи... поют. Поют без композиторского участия, то есть сопровождают тем, что называется — «музыка народная».

Рождение стихотворения, которое читают, — это своего рода чудо. Но задумывались ли вы, какое же чудо — рождение песни, которую поют?

Прекраснее Родины нет ничего.  
Как в храм, я вступаю в березник.  
Душа проявляется прежде всего,  
Наверное, все-таки в песне...

И маленькое воспоминание еще об одной песне.

...Наш агитационный теплоходик «Ленинградец», или, как его ласково называла команда, «омик», стоял у пристани на одном из бесчисленных протоков приладожского поселка Свирица. Стояла великолепная белая майская ночь, и мимо нашего теплохода взад-вперед прохаживалось местное молодое поколение, напевая под гитару свои песни. Среди многих знакомых я услышал новую песенную строчку, принял ее за самостоятельную местную песенку, запомнил и позже использовал в своем стихотворении «Деревянная Венеция». А в сборнике «Главное в жизни» я встретил знакомые песенные строки в стихотворении «Свирица». Оказывается, эту песню на стихи Хаустова пели тогда молодые люди на речном берегу в белую майскую ночь!



Жизнь поэта, который хотел и пытался слушать время, естественно, не вмещается в коротенькое тире между двумя датами: 1920—1980.

Остаются книги, и чувство дороги, и чувство времени, остается жизнь души, о которой сказано:

За кормою стиха остается  
Жизнь, которая вправду была.

*Л. Куклин*

## РОССИИ

Густой синевой на морозе  
Полночное небо горит.  
Мерцаая, по азбуке Морзе  
Звезда со звездой говорит.

Россия! Отыщешь ли краше  
Твоих городов и равнин?  
К лицу тебе, матери нашей,  
Бетонные гребни плотин.

Как в годы мои фронтовые,  
Созвездия в небе горят,  
И снова я верю в Россию,  
Как все повидавший солдат.

## ЭТО ЗНАЕТ...

Почему готов я хоть сегодня,  
На рассвете по тревоге поднят,  
По веленью сердца, как по знаку,  
Вновь подняться на врага в атаку?

Это знает каждая травинка  
В чистом поле с озером в соседстве,  
Это знает каждая тропинка,  
Босиком истоптанная в детстве,  
Что бежит через луга и чащи, —  
Та любовь, которой нету слаще.

## ПОЛЕВЫЕ ЦВЕТЫ

Цветов, наверно, рвать не надо.  
Нужнее, чтоб они росли  
И были радостью для взгляда  
Как украшение земли.

Пускай на них садятся пчелы,  
Пыльцу сдувает ветер с них,  
Пускай цветенья дух веселый  
Стоит в просторах луговых.

Нравоученья мало стоят,  
В цветах поймите хоть одно:  
Что это самое простое —  
Сорвать и . . . выбросить в окно.

## ЗАКОЛОЧЕННЫЙ ДОМ

Я увидел его. Он стоял,  
На отшибе стоял, скособочен,  
Боль разлуки в морщинах тая.  
Дом был старым и был заколочен.

Крытый дранкой, казался седым  
Под объатым зарей небосводом.  
А гречишное поле за ним,  
Словно молодость, вяло медом.

Стало грустно, и жалость к нему  
Обожгла повлажневшие веки,  
И подумалось: в этом дому  
Отлюбилось, отпелось навеки.

Так и сближены в сердце моем  
Этот вечер, пронзительно тихий,  
Заколоченный наглухо дом  
Да медовое поле гречихи.

## ЖУРАВЛИ, ЛЕТЯЩИЕ В МЕТЕЛИ

Вероятно, нынче это в моде:  
У моей гостиницы, при входе,  
Высится скульптурная работа —  
Журавли во время перелета.  
Вылеплены точно, со стараньем  
Эти неподвижные созданыя.  
Но сегодня ветер злей и круче,  
Низко-низко наклонились тучи,  
Снег пошел и в ярости метели  
Замелькал. И птицы — полетели!  
Постамент, что покрывался снегом,  
Вдруг исчез,  
и птицы были с небом.

Было явным то преображенье,  
Статика исполнилась движенья.  
Ах, душа! Тебе всегда желанно  
Воспарить негаданно-нежданно.  
Вот стихи, лежащие в бессилье,  
Наконец-то расправляют крылья  
От единой строчки. И бывает,  
Что любовь, застынув, оживает.  
Так спасибо вам,  
к далекой цели  
Журавли летящие в метели!

## БЕЛАЯ НОЧЬ

Я дождался тебя, я к тебе выхожу на свиданье.  
Ты меня обойми, и пойми, и опять удиви.  
Отчего над Невой так прозрачны и призрачны зданья,  
Отчего на душе тот же трепет и лепет любви?

Мы с тобою пойдем на еще не остывшие пляжи,  
Мы в Неве отразимся, в бездонной ее глубине,  
И безмолвно мы вступим в волшебные сны Эрмитажа.  
И дыханье искусства услышим в его тишине.

Несмотря ни на что, остаюсь я все тем же мечтателем,  
Будто все впереди и беду мне дано превозмочь.  
И, привычке верна, потянулась рука к выключателю,  
Но нельзя погасить ленинградскую белую ночь!

## ОСЕНЬЮ

Я иду, поникнув головою,  
Будто надо что-то мне найти.  
Лишь земля с пожухлою травою  
Да асфальт пустынный на пути.

Неужели сердце отлюбило  
И зима совсем недалеко?  
Подниму глаза — горит рябина.  
Радостно. Открыто. Высоко.

# МАРИЯ ВЕГА

(1898—1980)

## ВЕРНОЕ СЕРДЦЕ

На экземпляре поэтического сборника «Лилит», заключенном в «самодеятельный» переплет, не сохранилась дата его выпуска. Зато четко видна другая дата: «октябрь 1979 года», написанная от руки. Книжку, вышедшую в Париже в середине пятидесятых годов, ее автор — русская поэтесса Мария Николаевна Ланг (литературное имя — Мария Вега) подарила одному из своих ленинградских друзей.

Человек большой и трудной судьбы, Мария Вега последние годы жизни провела на Родине, в городе своей юности — Ленинграде. Жила в Доме ветеранов сцены, основанном ее крестной матерью — великой актрисой Марией Савиной. А до того были скитания по свету — Франция, Америка, Швейцария. Вначале — неприкаянность эмигрантской судьбы, затем — осознанная тяга к далекой Родине, в годы войны — близость к участникам Сопrotивления, в послевоенные годы — сотрудничество в советской печати. И, наконец, возвращение.

Мария Вега работала до последних дней своей жизни. В СССР успели выйти две книжки ее стихов. Остался обширный архив, включающий не только поэтические, но и крупные прозаические произведения.

Отрывок из поэмы «Петербург» взят из сборника «Лилит». Думается, он представляет особый интерес для читателя. Не часто в последние годы появляются произведения, в которых атмосфера предреволюционной столицы воспроизводилась бы не по книгам и документам, не с чужих слов, а глазами очевидца. Оттуда же — стихотворение «Мать». Остальные стихи написаны в последние годы, предназначались для новой книги.

*И. Фояков*

## ПЕТЕРБУРГ

(Отрывок)

Опушены ампирные карнизы  
Лебяжьим пухом. У ворот дворца  
Колонны спят, спеленатые в ризы.  
И белизне, и ночи нет конца.  
Горбатый мост. Канавка. Призрак Лизы.  
И Пиковая Дама у крыльца.  
А в высоте — так страшно и знакомо —  
Огонь в окне Юсуповского дома.

Там пировал мужик с лицом хлыста,  
Придворный маг, в атласах и сафьяне.  
Как роль трудна. Как будет смерть проста  
У черной Мойки, в предрассветной рани.  
Огни мертвы. Столовая пуста,  
Но у зеркал горят все те же грани,  
И в них скользит за смутным ликом лик:  
Старуха... Лиза... Германн... и мужик...

И ангел-мальчик с полотна Серова,  
Бесполоый паж с коробкою румян...  
Ему в ту ночь принадлежало слово,  
И, огненным восторгом обуян,

Он меч занес — но вдруг очнулся снова,  
От сладких вин и темной крови пьян,  
И понял: не играть ему злодея,  
Ни Борджиа, ни Дориана Грея.

Литейный спит. Спят черные орлы,  
Склонясь к венкам порфиноносной саги.  
Спит Летний сад... Из темной, вьюжной мглы  
Чуть бьют крылом невидимые флаги.  
Но сквозь сугробов пенные валы  
Следы саней, чертя на льду зигзаги,  
Бегут за мной, и каждый острый штрих,  
Взрезая лед, поет в стихах моих.

Куранты бьют. Медлительны и глухи,  
Удары замирают в облаках...  
Навстречу мне из стен выходят духи:

Плащи, ботфорты, снег на париках...  
А вот и он, в надвинутом треухе,  
С шпицрутеном в протянутых руках, —  
Безумный Павел, бедный царь нерусский,  
Затянутый в мундир — для сцены — прусский.

Играли все в те дальние года,  
Играли все в том городе миража.  
Фантазии зеленая звезда,  
Куда ни посмотрю, одна и та же.  
Полет, и срыв, и счастье, и беда,  
Минутных драм причудливая пряжа  
От тронных зал до стойки в кабаке  
Разыгрывалась в творческой тоске...

Мой карандаш бежит. А ночь кругом  
Уже не та, не наша, — дождевая.  
За каплей капля точит сонный дом,  
Вдоль мокрых стен журчат не уставая.  
Над отслужившим письменным столом  
Свеча горит и меркнет, чуть живая,  
И Петербург, стихи напевший мне,  
Свернувшись, лег в гравюру на стене...

1953

### МАТЬ

Была у меня сероглазая мать,  
Но мне запретили ее вспоминать.

И только осталось о прошлом — о ней, —  
Что пела она, как поет соловей.

Я плакала долго — все детство в тоске,  
Я тени ловила на зыбком песке.

Встречая напрасно у школьных дверей  
Высоких, красивых чужих матерей,

Я долго блуждала в тумане пустом,  
И жизнь протекла, как вода под мостом,

Но вечером к правде мы ближе всегда:  
Чем глубже колодец, тем ярче звезда.

И вот, неожиданно, в сердце моем  
Ты дышишь, ты курским поешь соловьем,

Червонные косы спокойно плетешь,  
И в поле колышется спелая рожь.

Ты знак подаешь, ты роняешь звезду,  
И я по дороге знакомой иду.

В твой запах ржаной, в твой медовый покой,  
Где каждое дерево машет рукой,

Где избы стоят меж запутанных троп  
В соломенных шапках, ползущих на лоб.

Каким тебя именем надо назвать,  
Моя сероглазая, вечная мать?

### ЛАСТОЧКА

М. А. Дудину — отклик на  
его стихи о старом журавле  
и о ласточке

Да, я той самой ласточкой была  
И на плече ютилась журавлином.  
Вела к гнезду путем, как вечность, длинным,  
И помогла лететь, и привела.

И он меня всю жизнь не звал иначе,  
Как ласточкой, хотя ни он, ни я  
Не знали о стихах про журавля,  
И я сейчас одна над ними плачу.

Спасибо вам за сладость этих слез,  
За те стихи, где отражен всецело  
Тот, с кем я смело над землей летела,  
Когда меня до цели он донес.

### СНЕГОВАЯ ЛИРА

Когда бы вы ни родились,  
О петроградцы, ленинградцы,  
Сумели с детства к вам пробраться



И прочно в память улеглись  
Все голоса, шаги и лица,  
Весь рокот лиры снеговой,  
Вот почему такой живой  
Осталась прежняя столица,  
Где время длится, длится, длится,  
Где времени потерян счет,  
Запутал числа ветер невский,  
И вам навстречу Достоевский,  
В двадцатый век шагнув, идет...  
Давно отпевшие «Коль славен»,  
Куранты крепости молчат,  
Но все часы в домах звучат,  
Когда припомнится Державин,  
И сани, сданные в архив,  
Опять скользнут на поворотах,  
Мелькнет, закутанный в енотах,  
Старик, столетья пережив...  
А над Фонтанкой кони Клодта  
Аничков охраняют мост,  
И там в круженье снежных звезд  
Шинелью запахнулся кто-то  
И, воротник подняв к губам,  
Лицо скрывает от прохожих,  
Но нет и не было похожих  
На Пушкина... Он знает сам,  
Что каждый в Северной Пальмире  
Запомнил с детства наизусть  
Черты, единственные в мире,  
И в лире — собственную грусть...  
Как в городе бессмертном этом,  
Где камень отражает звук,  
Не стать, включаясь в вечный круг,  
Писателем или поэтом?..  
А на темнеющий гранит  
В неиссякаемом потоке  
Все тот же самый снег летит,  
Ложась, как на бумагу строки...

## ЧЕРЕЗ ТРИСТА ЛЕТ

Мне хочется молить кого-то сквозь века,  
Сквозь солнце дальних дней, когда меня не будет. . .  
Ведь через триста лет, по-прежнему легка,  
Весна прильнет к окну и сонный дом разбудит.

И белокурый луч заглянет в груди книг,  
Старинные листы позолотив апрелем.  
О, через триста лет — я вижу этот миг —  
В шкафу мои стихи с их горечью и хмелем!

Кто будет их читать, пусть слышит голос мой,  
Пусть волею мечты он разрешит задачу,  
И, мертвая давно, я сделаюсь живой,  
Такою, как сейчас, когда пишу и плачу.

Пусть ночью, без свечи, без лунного огня,  
Когда уснут стихи и отшуршат страницы,  
Увидит он во сне далекую меня  
И молодость мою, промчавшуюся птицей.

Я тенью проскользну в его чужой мне дом  
И низко поклонюсь в окно моей Отчизне. . .  
Ведь я живу сейчас, как буду жить потом,  
И слышу четкий пульс моей поющей жизни. . .

# ВЛАДИМИР ТОРОПЫГИН

---

## ПАМЯТИ ДРУГА

Весна вошла в полную силу. Она завязала все узлы жизни, перед тем как передать ее завтрашнему лету для созревания, для вечной эстафеты, для продолжения удивления. И на Комаровском кладбище зелень заполнила все. Она почти непроницаема, только редким лучам удастся пробить густое сплетение сосновых вершин, дотянуться до земли и, остановившись, помочь выпрямиться малому побегу иван-чая, стряхнуть с себя прошлогоднюю хвоинку и потянуться всей скрытой тайной жизни к солнцу.

Я стою, прислонившись к золотой колонне соснового ствола в зеленом сумраке леса, пронизанного солнцем, стою и слушаю шелест корней и веток, поразительную музыку преображения, и душа моя сладко замирает на этой границе ушедшего и не появившегося.

Я стою и смотрю на оседающий холмик уже увядших венков и цветов и вижу, как майский жук, деловито перебирая лапками, взбирается по белому камешку к фанерке, на которой чернильным карандашом написано:

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ  
ТОРОПЫГИН  
1928—1980

Я не был здесь, когда с ним прощались близкие, не видел слез, не слышал печальной музыки и последних слов прощания, я не бросал на крышку гроба свою горсть земли. Я не хотел и не мог с ним прощаться. А сейчас пришел и вот стою, прислонившись к золотой колонне плечом в этом золотом соборе, пронизанном солнцем, и слушаю мир, слушаю течение времени, которое идет через меня, гудит в ушах и бьется во всем моем теле.

Я слушаю тайны жизни и смерти. Я причастен к ним. И мне, живому, трудно поверить, что его, Владимира Торопыгина, нет, потому что взаимный свет наших отношений не может уйти из этого мира до тех пор, пока существует моя память.

Наполненный этим гулом весны, я вспоминаю.

Четыре месяца назад мы находились с ним в одной больнице: он на пятом этаже, я — на третьем. Я заходил к нему пять-шесть раз на день, в то время, когда был свободен от процедур и обходов. Здесь, в больнице, он дошел до своей палаты сам, без помощи нянь

и сиделок. Он принес с собою тетрадь и шариковую ручку, несколько книг и рукопись. Он пришел с твердым намерением выздороветь навсегда.

Потом он перестал вставать с койки, и его уверенность в выздоровлении стала угасать, но он не показывал вида, вернее, старался всеми силами не показать другим, что он знает о том, что ему уже не встать на ноги.

18 января он сначала прочел, а потом по моей просьбе записал в мою тетрадку:

Веселые забавы  
Полузабытых дней:  
Вино, желанье славы,  
Любовь; тоска по ней —  
Все прахом разлетелось,  
А породил тот прах  
Лишь старческую смелость  
В поступках и словах.

На следующий день он прочел и записал в ту же мою тетрадь следующее:

И опять листва густая  
Будет рощу накрывать,  
Защебечет птичья стая  
Над рекою, и опять  
Хмарь уйдет в низину, тая  
В свете солнечного дня.  
Будешь ты совсем другая,  
Потому что нет меня.

Больше он уже ничего не написал и не напишет. Это были его последние слова, которые нашептала ему поэзия на больничной койке. Рак с удаленного левого легкого переполз на кости. Я знал о том, что дни его сочтены, он — догадывался об этом и молчал об этом так же, как и я.

И вот я стою перед холмиком увядших венков и цветов, прислонившись к золотой колонне соснового ствола, и чувствую плечом, как земля через сосновый ствол разговаривает с небом. Я слышу этот разговор всей оставшейся во мне жизнью, но не могу уловить его смысла. Я смотрю на колышек, вбитый в перевернутый кверху желтой суглинистой подкладкой пласт почвы, на майского жука, выползающего из земли, перебирающего с поразительной согласованностью тремя парами лапок, выпускающего из-под твердых надкрылий слюдяную перепонку еще не опробованных в полете крыльев.

Зачем я слежу за этим майским жуком? Может быть, весна мира нарочно мне его подсунула под мой взгляд, чтобы отвлечь от моей сосредоточенности?

Нет! — воспоминания опять из подспудных глубин выбиваются наружу.

Я вспоминаю. Он пришел ко мне семнадцатилетним мальчиком осенью 1945 года, сразу после войны. Он еще учился в школе. Я жил тогда на четвертом этаже башни в доме № 8 по улице Союза Печатников. Это было странное восьмигранное сооружение, продуваемое ветром со всех сторон. Перил на лестнице не было, а на площадке второго этажа углубление, выбитое каблуками, прикрывалось толстым слоем железа. Этот железный лист грохотом своим предупреждал о появлении гостей. Первым, о ком он предупредил, был Сергей Орлов, вторым — Иван Демьянов, третьим — Володя Торопыгин.

Володя принес стихи и стал, как и Орлов с Демьяновым, своим человеком на «башне», потому что он был истинным поэтом по самой природе своего характера.

Время, которым мы потом дышали, постаралось как-то незаметно сравнять нас в возрасте и сделать товарищами уже на всю жизнь, а поэзия помогла нам обрести чувство взаимной необходимости.

Это было время надежд, и сам процесс становления характеров и овладения мастерством шел ровень с пониманием ответственности перед жизнью.

Потом он поступил в Университет, и мы стали собирать для издания первую его книжку, и я по его новым стихам начал догадываться, что скоро он должен прийти ко мне вдвоем. Я не ошибся. На «башню» вместе с ним пришло милое чудо с темной косой и крутыми бровями, под которыми в тростниковых зарослях ресниц пылали темной глубиной бездонные проруби верности и лукавства.

И вот она стоит сейчас в двух шагах от меня, с глазами, полными неистребимой печали, под скорбными, сведенными углом широкими черными бровями.

Она уже не плачет. Она научилась плакать в одиночку. Ей предстоит жить памятью, работой, взрослыми детьми, живущими своими судьбами.

Я знаю мужество ее души, ее терпение и умение взять три четверти его непомерного страдания на себя. Я видел это сам. Я видел, как рак, это проклятие двадцатого века, превращал тело моего друга, полное силы и благородства, в какой-то комок, похожий на только что вылупившегося из яйца аистенка, выпавшего из гнезда в траву. Он был нелеп и беспомощен, как этот аистенок, но аистенка можно было поднять в гнездо, а друга моего уже отвергла сама жизнь, и никакие самые жестокие лекарства не могли заставить его тело снова наполниться жизнью. Пока сознание не покинуло его,

рак был для него нравственной болью самого времени. И он боролся с этой болью до последнего.

..Я смотрел на ее опущенные плечи и не пытался ее утешать, потому что утешение в этом весеннем лесу, наполненном торжествующей жизнью, было лишним, кощунственным.

Потом я долго ходил между могил, дожидаясь ее, и слушал вечернюю переключку щеглов и чечеток и томительную песню иволги, подчеркнутую схожим с метрономом голосом кукушки..

У него слово не расходилось с делом. Он был человеком действия. Что бы ему ни поручали: литературный отдел комсомольской газеты «Смена», редактирование «Костра» или «Авроры», он отдавал себя этим обязанностям целиком. И я любил его за эту преданность делу, за это редкостное умение собирать вокруг себя талантливую поросль и незаметно наставлять ее на то, как делать радость для людей.

Он был поэтом и редактором, журналистом и переводчиком, был прозаиком и драматургом.

Он умел слушать время, понимать его и служить ему. И его обнаженная, легко отзывчивая и уязвимая творческая душа осталась в живом деле, сделанном им для радости других.

Я начинаю вспоминать его стихи и его лицо, осененное доброй улыбкой, когда он читал стихи вслух. Я слышу его голос и опять возвращаюсь к холмику увядших цветов и венков. Взгляд мой уходит в глубину печали стоящей со мной рядом женщины и, следуя за ее взглядом, останавливается на белом столбике с прибитой к нему фанеркой. Теперь мы видим оба, как майский жук, забравшись на верхний конец колышка, выпускает из-под жестких коричневых надкрылий янтарные слюдяные крылышки, вибрируя ими, снимается с колышка, жужжа делает круг над нашими головами и скрывается в непроницаемом навесе зеленой хвои.

Не сговариваясь, мы поворачиваемся и медленно идем на дорогу, и я сквозь томительный голос иволги слышу голос моего друга:

Спасибо, сосны! Я смотрю на вас  
И становлюсь спокойным и счастливым:  
Так ваша красота несуетлива  
И так необычна каждый раз.  
Высокие стволы благодарю  
За прямоту, за медное горенье,  
За их неуправляемое стремленье  
Все выше, выше — первыми в зарю..

Он, этот голос, теперь уже принадлежит всем и всему: людям, птицам, земле и небу, весне и осени..

*М. Дудин*

## ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Наш Ленинград в знаменах и плакатах,  
И музыка плывет над мостовой.  
Дай руку, друг, и в день победной даты  
Пойдем бродить по городу с тобой.

Ты помнишь год: все небо цвета стали,  
Дождя и ветра яростный поток.  
Отцы по морю уходили в Таллин,  
А дети уезжали на восток.

Кто был постарше, посылал поклоны,  
Кто был поменьше, плакал и кричал.  
И разошлись большие эшелоны  
За Волгу, за Оку и за Урал.

Но где б мы с вами ни были, ребята,  
Мы научились в сумрачные дни  
И ненавидеть так же, как солдаты,  
И Родиной гордиться, как они.

Победы день! Как пахнет свежей краской!  
Скрипенье блоков слышно без конца,  
И в поредевших парках Петроградской  
Сажают молодые деревца.

Наш Ленинград в знаменах и плакатах,  
И музыка плывет над мостовой.  
Дай руку, друг, и в день победной даты  
Пойдем бродить по городу с тобой.

1945

## МОГИЛА ЗОЩЕНКО

Могильный камень у сыпучих дюн  
живого нам его напоминает:  
нет золота — отсутствием тщеславья,  
квадратной формой — силой простоты,

гвоздиками, лежащими на камне, —  
души незаживающей раной,  
ромашками — июльской белизною —  
всей мудрою земною красотой.  
За дюнами грохочет электричка,  
минуя мост над медленной Сестрою,  
заросшею кувшинками и тиной, —  
она подходит к станции Курорт.  
В ней, как всегда, найдутся пассажиры,  
спешащие к песчаному откосу  
с одной лишь целью: на могильный камень  
гвоздики и ромашки положить. . .

*24.07.79*

### **НАДПИСЬ НА ТЕТРАДИ ПЕРЕВОДОВ**

И радость так свежа, так необычна,  
когда в чужих страстях, в чужой судьбе,  
прочитанных в стихах иноязычных,  
вдруг близкое откроется тебе.

И не тобой изведенные чувства  
веселья, скорби, дружбы и любви  
в твоей душе вдруг прозвучат по-русски,  
и ты произнесешь их, как свои.



# ЕЛИЗАВЕТА ПОЛОНСКАЯ

(1890 — 1969)

## ВЕРНОСТЬ ПОЭЗИИ

Елизавета Григорьевна Полонская принадлежала к старшему поколению советских поэтов. У нее не было громкого имени, но Книга советской поэзии без стихов Полонской будет неполной.

Е. Полонская видела многое на своем веку: в молодости — города Западной Европы и фронт первой мировой войны; в зрелые годы — как разъездной корреспондент «Ленинградской правды» — разные районы страны: Урал, Донбасс, Среднюю Азию. Писать и печататься начала рано, но знаменательные строки ее автобиографии: «Летоисчисление моей литературной работы я веду с Октябрьской революции. Октябрьская революция дала мне возможность учиться новой профессии, продолжая работать в «старой».

Дружеские узы связывали ее со многими писателями. В начале 20-х годов она занималась в литературной студии издательства «Всемирная литература» у таких учителей, как К. Чуковский и М. Лозинский, затем входила в группу «Серапионовых братьев» вместе с Н. Тихоновым, М. Зощенко, К. Фединым и другими. «Близкой душой» называл Елизавету Григорьевну Илья Эренбург, мне довелось видеть, как относилась к своей младшей подруге Мариэтта Шагинян. Человек европейской культуры, врач по образованию и художник по призванию, Полонская, помимо стихов для детей и взрослых, занималась художественным переводом. Комедии Шекспира и Мольера, драмы Гюго и Марло, стихи Мицкевича переведены ею на русский язык.

Я узнал Елизавету Григорьевну на склоне дней поэтессы, видел ее живой интерес к молодым, но лишь перечитав сейчас стихи Полонской, понял, как она была связана со своим временем. Об этом мне рассказали стихи. И уже известные — такие, как песня об испанской коммунистке Лине Одене (композитор В. Томилин написал музыку, и песня эта звучала не только по-русски, но и на немецком и испанском языках), и еще неопубликованные. О суровом быте и максимализме молодежи 30-х годов написано в поэме «Кира Смолитч» (1935), о мужестве советской женщины — в стихотворении «Дочь славной родины моей» (1942—1944), о нашей армии — в стихотворении «Харьков наш» (1943):





Сама ты ходила за плугом,  
Сбирала сама урожай, —  
Достался тебе и подругам  
Работы непочатый край.

Ты знала, как много нам нужно,  
Чтоб выиграть эту войну,  
Сама ты ковала оружие,  
Сама ты кормила страну.

Тебе управлять городами,  
Руду добывать под землей,  
Тебе возле домен ночами  
Дежурить в страде огневой.

И всюду, где место пустело,  
Где брешь появлялась в ряду,  
Там видели облик твой смелый  
И слышали голос: — Иду!

Настанет наш день долгожданный,  
Врагов истребим мы дотла.  
С победой вернется желанный,  
Кого ты так долго ждала.

Он руку твою трудовую  
В горячую руку возьмет.  
Подругу свою боевую  
Он к верному сердцу прижмет.

Была ты Отчизне твердыней,  
Всех женщин на свете сильней.  
Так славься в веках, героиня,  
Дочь Родины славной моей!

1942—1944

## ЧТЕЦУ

*Памяти С. Чернявского*

Все лучшее мы отдаем Отчизне.  
Таков обычай наш. Другого нет.  
Все, с чем пришли, что накопили в жизни,  
Жар юности и силу зрелых лет,

И друг, с которым мы пришли проститься,  
Мог выбирать, был щедро наделен. . .  
Перелистал он не одну страницу,  
Но был в одну поэзию влюблен.

Что делать нам с прекрасными стихами?  
Не съесть, не выпить, — бросить в дальний мир!  
Сожги себя и переплавься в пламень!  
Стань голосом, струящимся в эфир.

За годом год он близким и далеким  
Передавал, стараясь оберечь,  
День Пушкина, и черный вечер Блока,  
И Маяковского живую речь.

Устало сердце. Смолк знакомый голос. . .  
Но что такое чтец? Уже другой  
О молодости вечной комсомола  
Бессмертно смертной говорит строкой.

И обозначаешь, и в повседневной спешке  
На Невском вдруг ошибкой проскользнет  
Прозрачный профиль, грустная усмешка,  
Огонь под пеплом век, упрямый рот. . .

Мираж. . , мираж. . . Земля — предел всех  
странствий.

Но голоса ничто не истребит!  
В какой галактике, там, в мировом пространстве,  
Теперь стихи он звездам говорит?!

1949

*Публикация А. Рубашкина и М. Полонского*

# ИГОРЬ НЕРЦЕВ

(1933—1975)

## ЕГО КОРОТКАЯ ЖИЗНЬ

Настоящее его имя Евгений Шадров. Он работал оператором на киностудии «Ленфильм», снял около трех десятков картин.

Он был моим другом, и нашим первым публикациям предшествовало десятилетие литературного сотрудничества. Тогда еще Геня Шадров был моим рецензентом и консультантом. Как говорится, не по службе, а по душе. И ни одним словом не упоминал о своих литературных делах.

Человек деликатный, он предпочитал всегда оставаться в тени. Строгий и серьезный критик, внимательный товарищ, он имел дар импровизатора и очень метко разил стихотворной шуткой. Пока он читал мои рукописи, я всегда подозревала в нем профессионала, но не поэта, а прозаика с научным уклоном. Он оказался прекрасным детским писателем и поэтом.

Однажды, лет восемь назад, он принес и тихо положил мне на стол свою рукопись. Я прочитала и рассердилась. За конспирацию. Стихи были хорошие. Это была его первая и оставшаяся единственной книга «Дневной свет». Может быть, тайна способствовала его работе. Но стихи он писал постоянно с поры своего студенчества. Учился отлично, не очень торопливо — программа его была обширнее учебной. Этой неторопливостью и тщательностью он отличался всегда. Никогда не черкал, не марал чужой рукописи. Это был счастливый собеседник, в беседах с ним вещи раскрывались, а слова звучали особенно хорошо.

Он был очень похож на свою поэзию. За его лирикой всегда стоит личность и убеждение. Он любил воду, траву, синеву небес и смотрел на мир глазами наблюдательного и чуткого ребенка. Лирика Игоря Нерцева дорога мне своей неподдельностью, я узнаю в ней его лицо, голос, походку.

Его короткая жизнь была на редкость плотна. Писал он до самых последних своих дней.

Трудно писать о друге, к тому же он не любил, когда о нем говорили. Пусть скажут о нем его собственные строки, в них он продолжает жить.

*Р. Вдовина*

\* \* \*

Поэту вечно дальняя нужна.  
И если пробудится он однажды,  
Уже не ощущая этой жажды, —  
То жизнь его исчерпана до дна.

Он может быть истерзан и разбит,  
Изборужден суровыми летами,  
Но неизменно дальняя витает,  
Касаясь молодеющих ланит.

Его дерзанья славу обрели,  
И мир его встречает триумфально.  
Куда же он, тревожно и печально?  
О, все за той, мерцающей вдали!

...Когда тобой в венце счастливых дней  
Полна моей души любая долька —  
Будь женщиной, женой, судьбой, но только  
Остапись вечной дальностью моей!

\* \* \*

За все заплачено сполна —  
За сны и за игру,  
За пламень пенного вина  
На жизненном пиру,

За упоений звонкий шелк,  
Обманов колкий холст,  
За то, что в сделки не вошел  
И в шелки не воспolz.

Вся жизнь поставлена в заклад  
За царственную высь,  
И холод высшей из расплат  
Сближает кровь и мысль.

\* \* \*

Я Вас люблю чем далее, тем боле,  
Не отделяя блеска от руды,  
Не отличая радости от боли,  
Не отрывая счастья от беды,  
И, как во тьме под снегом дышит семя,  
Так в черный день любовь моя — жива,  
И берег сердца обтекает время,  
Как океан обходит острова.

\* \* \*

Луч солнца — летний, предзакатный —  
Пробьется через щели штор,  
И ты в волненье непонятном  
Воспримешь остро жизнь — как шторм.

В луче трепещут книги, вещи  
И пляшет солнечная пыль,  
И ты в предчувствии зловещем  
Воспримешь остро смерть — как штиль.

\* \* \*

Искра огня  
С каплей воды —  
С давнего дня  
Их нелады.

Некто узнал  
Это — и ввел  
В топку — огонь,  
Воду — в котел.

«Ха! — он сказал. —  
Ваша возня  
Греет меня,  
Кормит меня.

Стану и я  
Вам помогать:  
Буду огню  
Воду ругать



И подскажу  
Способ воде,  
Как на огонь  
Капать в беде.

Будет мне спор  
Двух дураков —  
Словно мотор  
Много веков».

— Слушай!  
— ору. —

А самому?  
Глохнуть в пару?  
Дохнуть в дыму?

Вдруг примирит  
Общность беды  
Искру огня  
С каплей воды?

\* \* \*

Искусству нужны союзники.  
В раскатах любой любви  
Без музы не выйдет музыки,  
Как струны в себе ни рви.

Зову ее неустанно я,  
И, словно на крыльях мчась,  
Приходит моя желанная  
В неведомый день и час.

Мы с ней досидим до темени  
И вместе войдем во тьму.  
Сегодня не хватит времени —  
Из завтрашнего займу.

Из зрелости и из старости,  
Сгорю, изойду на нет,  
Чтоб только алел на парусе  
Ее незакатный свет.

## ЛИЦО

Кореня в собственных пороках,  
Поучать не вздумаю других.  
Да и толку что в таких уроках —  
Для другого слишком дорогих.

Может, даже большее удастся:  
У кого-то выкраду тоску,  
Уделю кому-нибудь богатства,  
Оброню в мечты по лепестку...

Так, никем в наставники не нанят,  
Поднимусь на смертное крыльцо,  
И, бог даст, события отчеканят  
Меру долгой памяти — лицо.

# ЛЕОНИД РАВИЧ

(1908—1957)

Как человек и поэт Леонид Осипович Равич сложился в конце 20-х — начале 30-х годов. В 1928 году Маяковский напечатал в журнале «Новый ЛЕФ» № 6 стихотворение начинающего поэта «Безработный», сопроводив его известным «Письмом Равича и Равичу». По окончании Педагогического института имени Герцена Равич работал журналистом и учителем в Сибири, Мурманске, Ленинграде. Во время Великой Отечественной войны он — в Ленинградском народном ополчении, в партизанском отряде, потом — военный корреспондент. Умер рано — от разрыва сердца.

Диапазон поэзии Равича широк — от романтической лирики до сатирического фельетона. Он любит сталкивать контрастные образы, добиваясь неожиданных метафорических ассоциаций. При жизни поэта вышел только один сборник его стихов — «Рапорт», Л., 1930; посмертно — «Избранное», Л., 1958 и «Возвращение весны», Л., 1966. Здесь печатаются два его стихотворения, не публиковавшиеся ранее.

*В. Холшевников*

## ОТКРЫТКА

Мой дальний край! Тебе привет,  
И вам привет, мои ребята.  
Над старым домом звездный свет  
И дым потухшего заката.  
Сирень кипит. Сирень цветет!  
И все хмельней весны дыханье,  
И к белой кошке рыжий кот  
Идет по крыше на свиданье.  
И ветер в каждый уголок  
Веселый смех весны доносит.  
А я уже совсем оглох  
От воя вьюги белокошой.

А дома, черт возьми, весна  
Открыла в тихий двор калитку.  
А мне от вьюги не до сна.  
Моя чернильница полна,  
И я пишу домой открытку.

### ГОРОДСКОЙ СОНЕТ

Мы шли пешком пятнадцать остановок!  
Нигде трамвая встретить не смогли.  
У фонарей и у стволов кленовых  
Стояли мы и снова дальше шли.  
И сколько тем, непостижимо новых,  
В дороге мы внезапно обрели.  
Молчали у домов на лавочках тесовых.  
И в парке снова разговор вели,  
Мечтали и надеждами делились.  
Над нами ветры свежие струились,  
Был душен сладкий чад оттаявшей земли.  
Смотрели мы на невскую пустыню  
И снова в ночь, к заре, к заре брели,  
Благодаря Трамвайную Богиню.

### *Всеволод Азаров*

#### «ВОЛШЕБНЫЙ РОГ МАЛЬЧИКА»

Люди моего поколения помнят, как в начале 30-х годов с Запада, повторенная голосами антифашистских демонстраций пролетарских окраин Берлина и Гамбурга, в Советский Союз пришла «Песня единого фронта». Слова ей дал Бертольд Брехт, музыку — Ганс Эйслер, первым запел ее Эрнст Буш.

Марш левой! Два! Три!  
Марш левой! Два! Три!  
Встань в ряды, товарищ, к нам!  
Ты войдешь в наш единый рабочий фронт,  
Потому что рабочий ты сам!

Когда в 1933 году фашизм залил Германию кровью ее лучших сынов, Буш вырвался из рук палачей.

В октябре 1936 года я узнал от моего друга, автора первых в Советском Союзе антифашистских песен о Тельмане, о Долорес Ибаррури, Виктора Томилина о предстоящем приезде Эрнста Буша и замечательного революционного поэта Эриха Вайнерта к нам в Ленинград. В Доме писателя имени Маяковского в широкие окна глядела ноябрьская ночь. На Неве стояли пришедшие сюда на праздник боевые балтийские корабли. Интернациональный вечер был посвящен XIX годовщине Октября.

Взволнованные, притихшие, слушали мы вдохновенные стихи Вайнерта, подхватывали с полуслова потрясающие своей мощью и страстью, проникнутые любовью к людям труда и злой издевкой над врагом песни Эрнста Буша. Буш знал, что он выступает в доме, носящем имя великого певца Революции. В Берлине, на пролетарской окраине, Маяковский когда-то присутствовал на выступ-

лениях Буша. После окончания выступления певца, вспоминал позднее Буш в автобиографических записях, Маяковский одним прыжком поднялся на эстраду и крепко обнял своего товарища и собрата по революционному искусству. А сейчас мы слушали в Доме Маяковского Эрнста Буша, Эриха Вайнерта, пришедших сюда с баррикад классовой борьбы. В последующие дни мы с Томилиным встречались с ними часто.

Мы работали над созданной Эрихом Вайнертом «Песней народного фронта». Виктор Томилин положил ее на музыку, я перевел на русский язык.

Позднее, когда Вайнерт и Буш находились в рядах Интернациональной бригады в Испании, мы переслали им нашу работу, и она была принята на вооружение.

В 1973 году Буш передал мне через своего друга, музыковеда, исследователя его творчества Григория Шнеерсона, вышедшую в серии «Песни времени» пластинку с заново записанной им этой песней.

В декабре 1941 года Виктор Томилин пал смертью храбрых в бою под Невской Дубровкой. Но его песни живут и теперь.

А тогда, после встречи в ноябрьском, праздничном Ленинграде, мы продолжали следить за судьбой Буша, ставшего для нас как бы олицетворением борющейся с кровавым фашистским террором революционной Германии.

И когда Эрнст Буш, на одухотворенно-чистой, доверительно-интимной ноте обращался по московской радиоволне к своим немецким радиослушателям, он пел им вперемежку народные песни и новые мужественные слова борьбы. Его передача называлась так же, как собранная когда-то немецкими романтиками Людвигом Арнимом и Клеменсом Брентано антология народных песен: «Волшебный рог мальчика». В те годы я по рассказам Э. Буша и его друзей написал посвященный ему цикл и назвал его тоже «Волшебный рог мальчика». Каждое из стихотворений этого цикла было основано на фактическом материале. В стихах «Встреча в матросском клубе» рассказывалось, например, как Буш во время его пребывания в Ленинграде встретился, по их просьбе, с моряками одного из немецких торговых судов, прибывшего в наш порт с грузами из гитлеровской Германии. Встреча происходила в затемненной комнате. Певец и его слушатели друг друга не видели. Но голос его они узнали сразу.

В другой стихотворной новелле говорилось о том, как певец-антифашист провел в Испании всю ночь у постели умирающего после тяжелого ранения бойца из батальона имени Ленина.

И руки легчайшим движеньем  
Он провел по закрытым глазам.  
Ничего он бойцу не сказал.  
Но по братскому прикосновенью  
Умирающий друга узнал.

Буш пел ему вполголоса антифашистские песни, любимые народные песни его родины. Так проводил он товарища в его последний путь. . .

Этим стихам, переданным для пересылки Бушу, не довелось к нему попасть. Перед стихами встали стальные запоры концентрационного лагеря, куда после поражения республиканской Испании Буш был брошен полицией реакционного французского правительства.

Вскоре фашисты вторглись во Францию, и вишисты выдали Эрнста Буша гестапо. Ему было предъявлено обвинение «в распространении коммунизма в Европе с помощью песен».

Его пытали, два года просидел Буш в одиночке Моабита. Там после прямого попадания бомбы Буш с проломленным черепом найден был на полу камеры и унесен в мертвецкую. Но заключенный-врач во время переноски трупов заметил едва пробивающийся пульс. Лишь на десятые сутки Буш очнулся. У него был перебит лицевой нерв, парализована щека. «Теперь с этой кривой мордой покончено.» — ухмыльнулся фашист. Пять раз хоронило Буша фашистское радио.

Но он и его песня жили, сопротивлялись, боролись. Свободу ему принесла Советская Армия!

И сразу же после освобождения Буш выступил по немецкому радио. Он пел пророческие слова из «Болотных солдат»:

Но не век стоит запруда,  
И не век стоит зима,  
Мы придем, и нас отсюда  
Вырвет Родина сама!

Эрнст Буш взошел на трибуны рабочих митингов, он пел немецкой молодежи песни германского и русского пролетариата, новые песни свободы. С радостью узнали

мы, его советские друзья, о том, что Эрнст Буш жив, с честью прошел все лютые испытания гитлеризма.

И стихи наконец нашли своего адресата.

Он прислал мне ответный дорогой подарок — сборник песен. Буш написал на сборнике:

«Спустя десять лет наш друг Г. М. Шнеерсон принес мне вашу поэму о «волшебном роге мальчика».

Благодарю от всего сердца! Рог несколько отсырел, так как долго пролежал под открытым небом и дождем. Но, несмотря на это, он у нас снова заблестит».

Впоследствии, поздравляя меня с шестидесятилетием, Буш снова вспомнил о волшебном роге:

«Дорогой Всеволод Азаров, старый друг и поэт! Ты вернул рогу немецкого мальчика подлинное звучание и сделал меня его глашатаем. Сердечно благодарю. Живи до ста лет. Этого тебе желают Ули, Ирена и твой старый друг Эрнст Буш».

Мы радовались новой встрече с Бушем во время приезда в Советский Союз созданного Бертольдом Брехтом театра «Берлинский ансамбль». Здесь Буш создал замечательные сценические образы в пьесах Брехта «Жизнь Галилея», «Матушка Кураж и ее дети» и «Кавказский меловой круг». Лауреат Международной Ленинской премии за укрепление мира между народами, действительный член Академии искусств ГДР, Эрнст Буш был испытанным, преданным другом Советского Союза.

К своему возрасту он относился иронически.

Он был молод сердцем, как молодо революционное искусство, молода народная песня. «Твое искусство, — писал в своем приветствии Эрнсту Бушу Центральный Комитет Социалистической единой партии Германии, — зрело в борьбе с фашизмом и капиталистической эксплуатацией. Эту борьбу ты вел вместе с рабочим классом как певец его свободы».

Таким, влюбленным в песню, продолжающим неустанно свою звуковую летопись, добрым и щедрым на внимание к людям оставался Эрнст Буш до конца своих дней.

Стихотворными строчками, обращенными к певцу свободы, я хочу закончить свой рассказ:

Вы помните, Эрнст,  
Маяковского дом в Ленинграде,  
В ту звездную ночь,  
что, как море, текла за окном?





### Я СЧАСТЛИВ, ЧТО В ГОРОДЕ ЭТОМ ЖИВУ

Анатолий Чепуров — 6—7, Владислав Шошин — 8—10, Людмила Барбас — 11—13, Александр Соколовский — 14—15, Роальд Назаров — 16—17, Ирэна Сергеева — 18, Михаил Дудин — 19—27, Надежда Полякова — 28, Риза Халид — 29, Нонна Слепакова — 30, Анатолий Краснов — 31—32.

### ПОД НЕБОМ РОДИНЫ

Анатолий Аквилев — 34—35, Леонид Агеев — 36—38, Петр Агейченко — 39—40, Всеволод Азаров — 41—46, Геннадий Алексеев — 47—48, Людмила Барбас — 49—51, Анатолий Белов — 52, Вилен Борисов — 53—54, Майя Борисова — 55—58, Семен Ботвинник — 59—63, Павел Булушев — 64—66, Ася Векслер — 67—68, Светлана Вишневская — 69—70, Наталья Галкина — 71, Татьяна Галушко — 72—74, Галина Гампер — 75—77, Михаил Головенчиц — 78—79, Владимир Головяшкин — 80—81, Герман Гоппе — 82—85, Глеб Горбовский — 86—89, Леон Гроховский — 90, Сергей Давыдов — 91—94, Валентина Дроздовская — 95, Элида Дубровина — 96—98, Николай Егоров — 99—100, Леонид Замятин — 101—102, Ирина Знаменская — 103—104, Игорь Инов — 105, Наталия Карпова — 106—107, Вадим Каткевич — 108, Сергей Каширин — 109—111, Бронислав Кержун — 112—115, Петр Кобраков — 116—117, Валерий Козлин — 118, Александр Комаров — 119, Мария Комиссарова — 120—123, Нина Королева — 124—125, Юрий Красавин — 126, Анатолий Краснов — 127—128, Вячеслав Кузнецов — 129—133, Лев Куклин — 134—136, Николай Кутов — 137—138, Анна Кутыева — 139, Александр Кушнер — 140—143, Наталья Ланковская — 144—145, Борис Левин — 146—147, Олег Левитан — 148, Иван Ленькин (вступительное слово «Там, на Шелони...» Г. Горышина) — 149—153, Алексей Любегин — 154—155, Сергей Макаров — 156—158, Виктор Максимов — 159—

161, Николай Малышев — 162—164, Валерий Мельников — 165—166, Игорь Михайлов — 167—170, Алла Михалевич — 171, Светлана Молева — 172—173, Геннадий Морозов — 174—176, Лев Мочалов — 177—180, Георгий Некрасов — 181—183, Тамара Никитина — 184—186, Лариса Никольская — 187—188, Юрий Оболенцев — 189—190, Петр Ойфа — 191, Нина Островская — 192—193, Глеб Пагирев — 194—197, Анна Петрашень — 198—199, Наталья Пирогова — 200, Нина Погодина — 201, Надежда Полякова — 202—204, Валерий Провхвятилов — 205—206, Владимир Рецепттер — 207—208, Елена Рывина — 209—211, Глеб Семенов — 212—213, Ирэна Сергеева — 214—215, Юрий Скородумов — 216, Нонна Слепакова — 217—220, Василий Соколов — 221—222, Павел Соколов — 223, Анатолий Сорокин — 224—225, Йоле Станишич — 226—230, Эдуард Талунтис — 231—232, Георгий Трифонов — 233—235, Геннадий Угренинов — 236—237, Галина Усова — 238, Дмитрий Филимонов — 239—240, Илья Фоянков — 241—243, Риза Халид — 244—248, Вадим Халупович — 249—250, Анатолий Храмутичев — 251—252, Вадим Хрилев — 253—255, Олег Цакунов — 256—260, Герман Цветков — 261, Анатолий Чепуров — 262—266, Антонин Чистяков — 267—269, Екатерина Шантгаи — 270—271, Александр Шевелев — 272, Юван Шесталов — 273—277, Вадим Шефнер — 278—281, Ян Штерн — 282, Александр Щербаков — 283—284, Нора Яворская — 285—287.

**Голоса друзей.** Яакко Ругоев (*перевод с финского В.с. Азарова*) — 288—289, Николай Лайне (*перевод с финского Г. Пагирева*) — 290, Тайсто Сумманен (*перевод с финского О. Мишина*) — 291, Марат Тарасов — 292—293, Виктор Потиевский — 294—295.

**С улыбкай.** Олег Тарутин — 296—299, Вольт Суслов — 300—303, Лев Гаврилов — 304—307, Александр Матюшкин-Герке — 308—310.

## СТРАНИЦЫ ПАМЯТИ

**Николай Тихонов.** Из ранней лирики (*вступительное слово Д.м. Хренкова*) — 312—316.

**Об Иване Логинове.** Б. Кемун. Под знаменем «Правды» — 317—321.

**Николай Браун.** Из неопубликованного (*вступительное слово М. Комиссаровой*) — 322—327.

**Леонид Хаустов** («Чувство дороги» — *вступительное слово Л. Кукулина*) — 328—335.

**Мария Вега** («Верное сердце» — *вступительное слово И. Фоянкова*) — 336—341.

**Владимир Торопыгин** («Памяти друга» — *вступительное слово М. Дудина*) — 342—347.

**Елизавета Полонская.** («Верность поэзии» — *вступительное слово А. Рубашкина*) — 348—352.

**Игорь Нерцев** («Его короткая жизнь» — *вступительное слово Р. Вдовиной*) — 353—357.

**Леонид Равич** (*вступительное слово В. Хошевникова*) — 358—359.

**Об Эрнсте Буше.** *В. Азаров* «Волшебный рог мальчика» — 360—364.

## ДЕНЬ ПОЭЗИИ 1981

---

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1981 г. 368 стр. План выпуска 1981 г. № 164. Редактор О. А. Цакунов. Худож. редактор М. Е. Новиков. Техн. редактор Л. П. Полякова. Корректор И. Г. Клейнер.

ИБ № 2797

Сдано в набор 12.06.81. Подписано к печати 3.09.81. М 33231. Формат 84×108<sup>1</sup>/<sub>32</sub>. Бумага тип. № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 19,32. Уч.-изд. л. 14,48. Тираж 50 000 экз. Заказ № 507. Цена 1 р. 70 к. Издательство «Советский писатель» Ленинградское отделение. 191186, Ленинград, Невский пр., 28. Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном Комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 190000, Ленинград, центр. Красная ул., 1/3

